A 7 9/60
T. I

А 7 9/60.
Русские современные деятели

НАШИ ДѢЯТЕЛИ.

Галлерея замѣчательныхъ людей Россіи

ВЪ

ПОРТРЕТАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ.

А 79/60.

ТОМЪ V.

Изданіе А. О. Баумана,

Исаакіевская Площадь, 6.

Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
Въ роскошн. перепл. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невск. просп., д. № 8.
1879.

Н. О.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Иннокентій Архіепископъ Херсонскій и Таврическій 1

II. Адмиралъ 1-го класса Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ. 13

III. Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. . 17

IV. Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ. . . 25

V. Исторіографъ Николай Михайловичъ Карамзинъ. 37

VI. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. 67

VII. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. . . . 83

VIII. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій. . . . 104

IX. Юрій Федоровичъ Самаринъ. 128

X. Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ. . . 138

XI. Александръ Андреевичъ Ивановъ. . . . 1

XII. Дмитрій Степановичъ Бортнянскій. . . . 1

30524
19-I-1925

Иконостий Архиепископъ Пермский

ИННОКЕНТІЙ

Архіепископъ Херсонскій и Таврическій.

1800—1857.

Мы начинаемъ настоящій томъ «Русскихъ дѣятелей» біографіею одного изъ замѣчательнѣйшихъ архипастырей нашихъ. Личности Иннокентія, въ міру Ивана Борисова, полной энергіи, ума и таланта, принадлежитъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ не только въ исторіи русской церкви, но и вообще русской культуры. Какъ архипастырь, онъ оказалъ неоцѣнимыя услуги развитію духовнаго просвѣщенія и истинной религіозности всюду, куда ни бросала его судьба, въ Вологдѣ, Харьковѣ, Одессѣ. Въ качествѣ духовнаго писателя, онъ оставилъ намъ, помимо многихъ другихъ, такія творенія, какъ «Жизнь св. апостола Павла» и «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа», которыя кромѣ замѣчательныхъ внутреннихъ достоинствъ, представляютъ чрезвычайную красоту и правильность слога. Но высшую свою славу пріобрѣлъ онъ, въ качествѣ церковнаго оратора, давъ намъ образцы краснорѣчія, вслѣдствіе которыхъ, по свидѣтельству представителя втораго отдѣленія Академіи Наукъ, имя Иннокентія, какъ проповѣдника, останется безсмертнымъ и

займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между духовными витіями всѣхъ временъ и народовъ.

Иванъ Борисовъ родился въ г. Ельцѣ, въ 1800 году. Отецъ его былъ священникъ г. Сѣвска, Орловской губерніи.

Получивъ элементарное образованіе подъ его руководствомъ Иванъ Борисовъ поступилъ въ Воронежское духовное уѣздное училище, а оттуда перешелъ въ Орловскую семинарію, находившуюся въ г. Сѣвскѣ. Извѣстно, что духовныя училища и семинаріи того времени стояли на очень низкой степени развитія. Программы семинарій отличались необыкновенною «многопредметностью», а это вело, конечно, къ тому, что науки не проходились толково. Хотя Орловская семинарія и представляла исключеніе—программа ея была очень не обширна, но къ сожалѣнію преподаваніе было не менѣе небрежно. Живому и рѣзвому Борисову, съ дѣтства выказавшему блестящія способности, одолѣніе курса названныхъ училищъ не представляло никакихъ трудностей. Онъ занимался мало, но тѣмъ не менѣе въ 1819 г. окончилъ курсъ семинаріи лучшимъ воспитанникомъ, а сочиненія, разсужденія и проповѣди его нерѣдко поражали наставниковъ своими достоинствами. По окончаніи курса семинаріи, счастливая случайность дала возможность Борисову продолжать образованіе и развить свои умственныя силы. 28-го сентября 1819 г. послѣдовало преобразованіе Кіевской духовной академіи, на основаніи новаго устава учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства, причемъ положено было вызвать въ нее лучшихъ воспитанниковъ изъ нѣсколькихъ семинарій, для высшаго образованія. Въ числѣ шести воспитанниковъ Орловской семинаріи отправленъ былъ и Борисовъ. Преобразованіе академіи было проведено удачно. Программы предметовъ состав-

лены весьма толково, а преподаваніе обставлено даровитыми личностями. Помимо замѣчательнаго ученаго и профессора—Ивана Михайловича Скворцева, читавшаго исторію философіи, логику, психологію, метафизику и нравственную философію, и читавшаго, прибавимъ, всѣ эти предметы прекрасно, благодаря знаніямъ своимъ и крайне—добросовѣстному отношенію къ дѣлу, особенно выдавались профессора богословскихъ наукъ — ректоръ академіи Моисей и инспекторъ Мелетій, а затѣмъ преемникъ послѣдняго Смарагдъ. Мало подготовленному Борисову первое время пришлось много потрудиться, но этотъ трудъ и развернулъ его силы. Слѣдя за преподаваніемъ, онъ много читалъ, даже ночи проводилъ за чтеніемъ, и вскорѣ сдѣлался первымъ по успѣхамъ. Вообще пребываніе въ академіи было въ высшей степени благотворно для него. Въ высшемъ отдѣленіи академіи, отдаваясь склонности своей, Борисовъ болѣе всего занимался составленіемъ проповѣдей. Четыре проповѣди его напечатаны въ числѣ 11-ти словъ воспитанниковъ академіи 1-го курса. Онѣ обнаруживаютъ уже выкое дарованіе автора, хотя и написаны подъ несомнѣннымъ вліяніемъ сочиненій Массильона. Въ 1823 г. онъ окончилъ курсъ академіи первымъ магистромъ и былъ опредѣленъ въ С.-Петербургскую духовную семинарію инспекторомъ и профессоромъ двухъ предметовъ—церковной исторіи и греческаго языка. Такое назначеніе не вполнѣ соотвѣтствовало блестящему окончанію Борисовымъ курса, но скоро рядъ быстрыхъ повышеній вознаградилъ его. Чрезъ три мѣсяца онъ былъ назначенъ ректоромъ Александро-Невскаго училища, оставаясь при прежней должности въ семинаріи. Въ концѣ того-же 1823 года онъ принялъ монашество, подъ именемъ Иннокентія, и былъ подстриженъ въ іеродіаконы, а черезъ нѣсколько недѣль—въ іеромонахи. 16-го де-

кабря 1824 г. начался тотъ рядъ повышеній, о которомъ мы говорили выше, въ этотъ день Иннокентій былъ назначенъ баккалавромъ богословскихъ наукъ въ С.-Петербургской духовной академіи. Въ сентябрѣ слѣдующаго года онъ былъ опредѣленъ инспекторомъ академіи и членомъ «внѣшняго академическаго правленія», а черезъ три недѣли утвержденъ дѣйствительнымъ членомъ академической конференціи. Наконецъ въ январѣ 1826 г. «за отличное преподаваніе богословскихъ уроковъ» онъ былъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ, а въ мартѣ того-же года посвященъ въ санъ архимандрита. Преподавателемъ былъ Иннокентій въ высшемъ степени замѣчательнымъ. Лекціи онъ читалъ наизусть, живою и изящною рѣчью; ими затмилъ онъ всѣхъ своихъ сотоварищей и увлекъ студентовъ. Онъ не записывалъ своихъ лекцій, но несомнѣнно, что нѣкоторые учено-богословскіе трактаты десятаго тома его сочиненій и особенно «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа» были предметами ихъ. Помимо трудовъ въ академіи, въ этомъ періодѣ жизни онъ выступилъ и проповѣдникомъ. Его проповѣди въ Александро-Невской лаврѣ и Казанскомъ соборѣ привлекали многочисленныхъ слушателей. По произношеніи Иннокентій помѣщалъ ихъ въ журналѣ «Христіанское Чтеніе» вмѣстѣ съ другими своими сочиненіями («Жизнь св. апостола Павла», «Послѣдніе дни жизни Господа и пр.») и тѣмъ очень поддержалъ это изданіе, клонившееся тогда къ полному упадку. За ученые труды свои въ 1829 г. онъ былъ утвержденъ докторомъ богословія и награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. съ Императорскою короною. Въ августѣ 1830 г. покончились его занятія въ С.-Петербургской академіи и послѣдовало назначеніе его въ Кіевскую духовную академію ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ.

Ректорство Иннокентія представляетъ свѣтлую эпоху въ исторіи Кіевской академіи. Новый ректоръ внесъ въ нее тотъ духъ науки и трудолюбія, которымъ исполненъ былъ самъ. Стараясь по возможности изгнать всякую рутину и схоластику, онъ первымъ долгомъ замѣнилъ въ преподаваніи богословскихъ наукъ латинскій языкъ—русскимъ, что конечно несказанно увеличило интересъ этихъ наукъ. Затѣмъ онъ расширилъ курсъ философіи, ввелъ экклезіастику и церковное законовѣдѣніе и пр. Но не объ одномъ только преподаваніи наукъ заботился онъ. Въ улучшеніи помѣщеній студентовъ, стола и пр. вездѣ видѣнъ былъ заботливый глазъ архипастыря.

Положительно неизмѣрима наконецъ та нравственная польза, которую Иннокентій принесъ академіи, удачно выбирая профессоровъ и постоянно возбуждая собственнымъ примѣромъ и краснорѣчіемъ въ нихъ и студентахъ энергію къ научнымъ занятіямъ. Къ студентамъ онъ былъ отечески добръ, хотя и твердъ въ наказаніяхъ за проступки; чрезвычайно заботился объ умственномъ развитіи ихъ, рекомендуя не только усвоеніе курсовъ, но даже занятіе другими науками, не входившими въ программу академіи. Въ награду за блестящее состояніе управляемаго имъ учрежденія, Иннокентій получилъ въ разное время ордена св. Владиміра 3-й ст., св. Анны 1-й ст. и удостоенъ признательности св. синода. Съ ректорствомъ совпадаетъ и наиболѣе блестящій періодъ его дѣятельности и славы, какъ проповѣдника. Часто и съ любовію совершая священнодѣйствія въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, въ Печерской лаврѣ, а больше всего въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, онъ заключалъ ихъ всегда проповѣдями. Знаменитаго оратора стекались слушать не только Кіевляне, но многіе пріѣзжали даже изъ дальнихъ мѣстъ. Проповѣди записывались и затѣмъ

печатались въ видѣ сборниковъ, что разносило славу Иннокентія по всей Россіи. Такимъ образомъ появились въ Кіевѣ сочиненія его «Собраніе словъ и бесѣдъ» въ 2-хъ томахъ, «Страстная седмица», «Свѣтлая седмица» и др. За труды свои по проповѣдничеству, ректорству и пр., въ 1836 г. онъ былъ награжденъ особенною наградою — ему присвоена была степень первокласснаго архимандрита, съ правомъ первостоянія предъ всѣми архимандритами первоклассныхъ монастырей Кіевскаго округа. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ епископомъ Чигиринскимъ, викарнымъ Кіевской эпархіи. Для рукоположенія въ епископы, Иннокентій отправился въ С.-Петербургъ, гдѣ пробылъ два мѣсяца, былъ за это время избранъ членомъ Академіи Наукъ и произнесъ въ одномъ изъ засѣданій Академіи рѣчь. Возвратясь въ Кіевъ, онъ имѣлъ такимъ образомъ три должности профессора, ректора и викарнаго. Въ сентябрѣ 1837 г. по многочисленности своихъ занятій, Иннокентій сложилъ съ себя званіе профессора и переселился изъ академіи въ Кіево-Михайловскій монастырь, отданный ему въ управленіе. Посвящая труды свои педагогическому и духовно-административному поприщамъ, неутомимый архипастырь находилъ время и для учено-литературныхъ занятій. Такъ весною 1837 г. по его почину началъ здаваться при академіи журналъ «Воскресное чтеніе», вскорѣ занявшій, главнымъ образомъ благодаря дѣятельному участію Иннокентія, видное мѣсто въ духовной литературѣ. Совмѣстно съ профессорами академіи, онъ приступилъ также къ составленію «Догматическаго сборника», долженствовавшаго заключать въ себѣ переводы всѣхъ важнѣйшихъ изложеній вѣры, принятыхъ вселенскою церковью. Кромѣ того, онъ занимался изученіемъ источниковъ для задуманныхъ имъ исторій русской, польской и другихъ

ѣсавянскихъ церквей. Историческія изысканія навели его на мысль учредить въ Кіевѣ историческое общество, но дѣло затормозилось и Иннокентій не дождался его исполненія: 1-го марта 1841 г. онъ былъ назначенъ архіереемъ Вологодской эпархіи. На пути въ Вологду и по пріѣздѣ туда онъ былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ. Слава его, какъ ученаго духовнаго писателя, и особенно, какъ проповѣдника, уже успѣла далеко распространиться по Россіи. Не смотря на кратковременное—всего 9 мѣсяцевъ—пребываніе въ новомъ мѣстѣ назначенія Иннокентій сдѣлалъ много добра эпархіи, бывшей до него очень неустроенной. Онъ обратилъ вниманіе на дѣла мѣстной консисторіи, заботился объ улучшеніи духовныхъ училищъ, объ обновленіи соборнаго храма, занялся обозрѣніемъ и отчасти собираніемъ вологодскихъ древностей. Каждое воскресенье и праздники онъ говорилъ проповѣди въ соборѣ и другихъ церквахъ. Оцѣнивая труды его въ этотъ періодъ, св. синодъ выразилъ ему признательность за особую попечительность о благѣ паствы. Пребываніе Иннокентія въ Вологдѣ было, какъ мы уже говорили, кратковременное—31-го декабря 1841 г. онъ былъ переведенъ въ эпархію Харьковскую, съ оставленіемъ при той же степени въ іерархіи. Въ Харьковѣ преосвященный оставался продолжительное время (до 1847 г.) и оставилъ по себѣ неизгладимый слѣдъ въ рядѣ различныхъ начинаній и въ сердцахъ паствы. Онъ провелъ здѣсь рядъ мѣръ для поднятія религіозности въ краѣ—возстановилъ нѣсколько древнихъ и особенно чтимыхъ въ народѣ монастырей напр. Ахтырскій и Святогорскій, содѣйствовалъ открытію на частныя средства Харьково-Николаевскаго монастыря, учредилъ совершаемый съ тѣхъ поръ ежегодно, 30-го сентября, крестный ходъ, по случаю перенесенія въ Харьковъ изъ Куряжскаго монастыря чудотворной иконы

Божіей Матери. Тщательно занявшись улучшеніемъ духовныхъ училищъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на семинарію, для которой устроилъ новое великолѣпное зданіе. Какъ архіерей, онъ былъ мудръ, твердъ и справедливъ. За все время пребыванія его въ Харьковѣ, никто не былъ обиженъ имъ или стѣсненъ, напротивъ всякій нуждающійся могъ прибѣгнуть къ преосвященному, щедрою рукою раздававшему пособія, отдававшему даже послѣднія свои деньги. За то и глубоко полюбили Харьковцы своего архіерея Переведенъ изъ этого города въ Одессу онъ былъ внезапно, находясь въ Петербургѣ. Когда же проѣзжалъ чрезъ Харьковъ къ мѣсту новаго назначенія, то остановился здѣсь на 3 дня и эти 3 дня были днями слезъ, по свидѣтельству самаго архипастыря. Въ Вологдѣ и Харьковѣ Иннокентій продолжалъ трудиться надъ составленіетъ «Догматическаго сборника», но былъ очень стѣсненъ недостатковъ нужныхъ источниковъ, такъ какъ даже въ Харьковской университетской библіотекѣ не было многихъ необходимыхъ для него книгъ. Вслѣдствіе такихъ затрудненій, онъ хотѣлъ отказаться отъ окончанія сборника, но св. синодъ не принялъ отказа. Въ 1845 г. преосвященный окончилъ, какъ могъ, первый томъ этого сочиненія, причемъ измѣнилъ заглавіе, назвавъ его «Памятникъ вѣры православной», а въ слѣдующемъ 1846 г. появился и второй томъ. Кромѣ «Памятника», въ Харьковѣ Иннокентій писалъ церковную исторію Польши, которую считалъ за лучшую апологію церкви православной, составлялъ и издавалъ акафисты (Страстямъ Господнимъ, Покрову Пресвятой Богородицѣ и пр.) и проповѣди. За отличное управленіе Харьковскою эпархію, онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа въ 1845 г. Въ 1847 г. его вызвали въ С.-Петербургъ, для присутствованія въ св. синодѣ. Здѣсь онъ остался и на

начало слѣдующаго 1848 г., въ февралѣ котораго послѣдовало назначеніе его архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ, а въ апрѣлѣ—ему пожалованъ орденъ св Владиміра 2-й ст. 29-го мая Иннокентій былъ уже въ Одессѣ, и на другой же день совершилъ торжественное богослуженіе и сказалъ первую проповѣдь, привлекшую массу слушателей. Служеніе архипастыря въ Одессѣ было очень неудобно для него, такъ какъ почти каждую осень онъ былъ вызываемъ въ С.-Петербургъ, для присутствованія въ св. синодъ. Но, несмотря на это, и въ Одессѣ сдѣлалъ онъ не мало хорошаго по устройству духовныхъ училищъ, консисторіи и пр. По примѣру Харькова, онъ учредилъ здѣсь два торжественныхъ крестныхъ хода въ день основанія города (22-го августа) и въ день перенесенія въ Одессу Касперовской иконы Божіей Матери. Въ первомъ изъ нихъ были несомы между прочимъ точныя копіи съ различныхъ чудотворныхъ иконъ, изъ которыхъ имъ былъ составленъ въ Одессѣ своеобразный священный музей. Самымъ замѣчательнымъ дѣломъ Иннокентія въ періодѣ архіепископства его было возстановленіе древнихъ христіанскихъ памятниковъ Крыма. Его мысль была создать на этомъ полуостровѣ національное святое мѣсто, на подобіе Афона, съ тою-же монашескою жизнію.

Св. синодъ и Государь Императоръ одобрили его предпріятіе, и 15-го августа 1850 г. послѣдовало торжественное открытіе главнаго скита на скалѣ Успенской, близь Бакчисарая, затѣмъ постепенно открывались и др. скиты въ Херсонесѣ, Инкерманѣ и пр. По случаю частыхъ разъѣздовъ въ Петербургъ, въ Крымъ и по эпархіи, Иннокентій за это время менѣе занимался учено-литературными трудами. Онъ продолжалъ составлять акафисты, выдавалъ въ свѣтъ проповѣди, а въ 1851 г. занялся пересмотромъ

прежнихъ своихъ сочиненій, между прочимъ и «Послѣднихъ дней жизни Господа нашего Іисуса Христа». 10-го апрѣля 1853 г., за отличное служеніе церкви, онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ восточную войну Иннокентій выказалъ себя доблестнымъ архипастыремъ и мужественный патріотомъ. Въ день бомбардированія Одессы, 10-го апрѣля 1854 г., онъ совершалъ въ соборѣ литургію. Ни ядра, падавшія у самыхъ дверей храма, ни взрывъ пороховаго ящика на батареѣ, потрясшій основанія церкви, не помѣшали ему дослужить литургію и сказать прочувствованное, краснорѣчивое слово. Послѣ несчастнаго для насъ сраженія при р. Альмѣ, наведшаго большое уныніе на мѣстныхъ жителей Крыма, онъ счелъ долгомъ своимъ отправится въ эту часть епархіи. Появленіе его въ Симферополѣ, безъ зова и безъ свиты, удивило и обрадовало паству, а сказанная имъ въ соборѣ проповѣдь съ упреками въ малодушіи, произвела глубокое впечатлѣніе. Сказавъ на другой день слово утѣшенія, Иннокентій отправился далѣе въ Севастополь. По прибытіи туда, онъ служилъ обѣдни и молебствія, говорилъ проповѣди и воодушевлялъ славныхъ защитниковъ города. Интересуясь всѣми деталями военныхъ дѣйствій, Иннокентій съ горы Сѣвернаго укрѣпленія разсматривалъ всю линію защиты и распрашивалъ о каждомъ бастіонѣ. Для воодушевленія солдатъ, онъ хотѣлъ даже идти по траншеямъ, но былъ удержанъ представленіями окружающихъ, которые указывали на опасность этого подвига и тяжелое впечатлѣніе, если онъ будетъ раненъ. Архипастырь былъ и на южной сторонѣ укрѣпленій, переправившись на катерѣ чрезъ рейдъ, обстрѣливаемый въ моментъ переправы непріятелемъ.

За доблестные подвиги во время войны, Иннокентій получилъ нѣсколько наградъ. Такъ въ 1854 г., за дѣй-

ствія свои во время бомбардированія Одессы — алмазный крестъ, для ношенія на клобукѣ, а за попеченіе о раненыхъ въ Крыму—признательность св. синода. Въ 1855 г. послѣдовала Высочайшая ему благодарность за посѣщеніе Севастополя; наконецъ въ 1856 г., за просвѣщенное пастырское служеніе, ознаменованное отличными произведеніями дара слова и подвигами самоотверженія, онъ былъ возведенъ въ званіе члена святѣйшаго синода. Помимо этихъ наградъ, въ 1854 г., за сочувствіе восточнымъ христіанамъ и проповѣди свои, переведенныя на греческій языкъ, Иннокентій получилъ греческій орденъ Спасителя 1-й ст., а въ 1855 г. благодарственный рескриптъ Вел. Кн. Елены Павловны, за участіе въ благоустроеніи Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія. Даже въ тревожное военное время дѣятельный архипастырь все-таки не оставлялъ своихъ духовно-литературныхъ и ученыхъ занятій, такъ онъ изготовилъ между прочимъ «Собраніе словъ и рѣчей по случаю нашествію непріятеля», собиралъ свѣдѣнія для историческаго описанія древностей Крыма и пр. Многочисленныя занятія и частыя разъѣзды, при которыхъ приходилось зиму проводить на сѣверѣ въ Петербургѣ, а лѣто на югѣ, въ Одессѣ, разстроили здоровье преосвященнаго, особенно ухудшившееся къ началу 1857 г. Но тѣмъ не менѣе, задумавъ въ этомъ году поѣздку въ Крымъ онъ выѣхалъ туда 17-го апрѣля. Въ Евпаторіи онъ совершалъ литургію и сказалъ слово, тоже и въ Симферополѣ, при чемъ темою проповѣди въ этомъ городѣ, произнесенной съ особеннымъ одушевленіемъ, была загробная жизнь. Послѣ Симферополя, преосвященный посѣтилъ мѣсто Альмскаго сраженія и внимательно осматривалъ его. У моста, гдѣ была наиболѣе сильная схватка, онъ велѣлъ поставить часовню, для ежегоднаго поминовенія убитыхъ. Въ послѣд-

нихъ числахъ апрѣля болѣзнь архипастыря чрезвычайно усилилась, съ нимъ стали дѣлаться частые обмороки. Опасаясь умереть въ дорогѣ, онъ поѣхалъ изъ Балаклавскаго монастыря обратно въ Одессу, но и на обратномъ пути продолжалъ заниматься дѣлами, такъ между прочимъ осмотрѣлъ Корсунскій монастырь. По прибытіи Иннокентія въ Одессу, 11-го мая, немедленно созванъ былъ консиліумъ докторовъ. Болѣзнь преосвященнаго найдена не очень опасной, но онъ все продолжалъ слабѣть, не бросая впрочемъ занятій. Даже наканунѣ смерти, 25-го мая, онъ былъ на своей дачѣ, осматривалъ садъ и хозяйство, читалъ корректуру сочиненія «Послѣдніе дни земной жизни Спасителя», а затѣмъ въ городѣ принималъ одного знатнаго посѣтителя. Въ Троицынъ день, 26-го мая, онъ всталъ въ 5-мъ часу, прошелся по комнатѣ, поддерживаемый служителями, затѣмъ прилегъ, но, почувствовавъ приближеніе смерти, велѣлъ приподнять себя и спокойно скончался, колѣнопреклоненный, на рукахъ двухъ келейниковъ.

II.

АДМИРАЛЪ I-го КЛАССА

Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

1729—1802 гг.

Иванъ Логиновичъ принадлежалъ къ многочисленной плеядѣ замѣчательныхъ дѣятелей времени Екатерины II. Не участвуя въ блестящихъ морскихъ подвигахъ, онъ тѣмъ не менѣе чрезвычайно послужилъ своей родинѣ и оставилъ по себѣ добрую память въ исторіи русскаго флота и морскаго кадетскаго корпуса, которымъ начальствовалъ около сорока лѣтъ. Со своимъ знаменитымъ однофамильцемъ, княземъ Голенищевымъ-Кутузовымъ-Смоленскимъ, Иванъ Логиновичъ не состоялъ въ родствѣ, а только въ свойствѣ, такъ-какъ оба были женаты на сестрахъ извѣстнаго генералъ-аншефа Бибикова. Тѣмъ не менѣе, проживавшій въ молодости въ домѣ его, князь Смоленскій считалъ его семью какъ бы своею, а его самого — первымъ своимъ покровителемъ.

Иванъ Логиновичъ былъ потомкомъ прусскаго выходца Гавріила, поселившагося въ XIII вѣкѣ въ Новгородѣ. Онъ родился 1-го сентября 1729 года въ Торопецкомъ уѣздѣ,

Псковской губерніи. Въ раннемъ дѣтствѣ Голенищевъ потерялъ отца, умершаго въ чинѣ лейтенанта отъ чумы подъ Очаковымъ и безъ него уже былъ опредѣленъ, въ 1742 г., въ сухопутный кадетскій корпусъ, откуда черезъ годъ перешелъ въ морской корпусъ. Здѣсь онъ былъ назначенъ въ 1744 г. гардемариномъ, участвовалъ затѣмъ въ практическихъ плаваніяхъ и наконецъ, въ 1746 г. произведенъ въ мичманы.

Иванъ Логиновичъ замѣтно выдѣлялся изъ среды сотоварищей своимъ образованіемъ и способностями. Отлично владѣя иностранными языками, онъ основательно изучилъ избранную французскую и нѣмецкую литературы, а также интересовался и отечественной, былъ лично знакомъ съ знаменитѣйшими нашими писателями той эпохи—Ломоносовымъ, Тредьяковскимъ и Сумароковымъ, наконецъ самъ сочинялъ стихи и дѣлалъ переводы. О познаніяхъ же его въ морскомъ дѣлѣ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что не смотря на молодость свою, онъ командовалъ въ 1753 и 1754 годахъ небольшимъ фрегатомъ и совершалъ съ нимъ рейсы изъ Петербурга въ Архангельскъ, считавшіеся въ то время не легкими. Вслѣдъ затѣмъ Голенищевъ былъ назначенъ адъютантомъ къ адмиралу Мишукову, что было началомъ его военной карьеры. Въ 1762 г. мы видимъ его уже состоящимъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ въ чинѣ капитана 2-го ранга; въ этотъ чинъ онъ былъ выбалло-тированъ прямо изъ капитанъ-лейтенантовъ, помимо существовавшаго тогда 3-го ранга.

Съ воцареніемъ Екатерины II возвышеніе Ивана Логиновича пошло очень быстро. Въ томъ-же 1762 году Императрица поручила ему преподавать морское дѣло Великому Князю Павлу Петровичу, въ слѣдующемъ году онъ былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, въ 1764 г. сдѣланъ

директоромъ морскаго кадетскаго корпуса, а въ 1766 г. пожалованъ въ генералъ-маіоры, причемъ кромѣ должности директора корпуса на него возложено было состоять генералъ-интендантомъ флота и членомъ адмиралтействъ-коллегіи, и вскорѣ затѣмъ также членомъ морской россійскихъ флотовъ коммисіи. Иванъ Логиновичъ участвовалъ и въ извѣстной коммисіи 1767—68 годовъ для составленія новаго уложенія, въ качествѣ депутата холмскаго и торопецкаго уѣздовъ. Какъ интендантъ флота, Голенищевъ заявилъ себя энергичною дѣятельностію, построивъ свыше ста судовъ, а именно 25 линейныхъ кораблей, 14 фрегатовъ, бригантинъ и бомбардирскихъ судовъ, 44 галеры и болѣе 20 различныхъ мелкихъ. Императрица до самого конца своего царствованія относилась къ Ивану Логиновичу все съ тѣмъ же благоговѣніемъ. Въ 1772 году онъ былъ пожалованъ въ вице-адмиралы, въ 1775 г. награжденъ лентой ордена св. Анны, въ 1782 г.—чиномъ адмирала и орденомъ св. Александра Невскаго, а въ 1787 г.—орденомъ св. Владиміра 1-го класса. Въ 1792 г. Голенищевъ получилъ еще назначеніе—состоять предсѣдателемъ комитета о построеніи Ревельской гавани, въ 1793 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета для составленія новыхъ штатовъ кадетскимъ корпусомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ командующимъ всѣмъ Балтійскимъ гребнымъ флотомъ.

Императоръ Павелъ при восшествіи своемъ на престолъ въ 1796 г. пожаловалъ Ивану Логиновичу орденъ св. Андрея Первозваннаго, въ слѣдующемъ году назначилъ его вице-президентомъ, а въ 1798 г.—президентомъ адмиралтействъ-коллегіи, причемъ ему былъ присвоенъ чинъ адмирала 1-го класса, равный фельдмаршальскому. Воцареніе Императора Александра въ 1802 г. застало адмирала уже въ преклонныхъ лѣтахъ, черезъ годъ 12-го апрѣля 1802 г.,

онъ скончался на 73-мъ году отъ рожденія и былъ погребенъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ оставилъ по себѣ слѣдъ и въ ученой морской литературѣ; такъ имъ были написаны и изданы слѣдующія сочиненія: «Рѣчь отъ лица морскаго кадетскаго корпуса, говоренная Императрицѣ Екатеринѣ II», «Предисловіе и приношеніе при морскомъ атласѣ Чернаго моря», «Разныя примѣчанія, до морскаго искуства касающіяся», а также переведена «Морская тактика» Госта.

Павелъ Нахимовъ

III.

АДМИРАЛЪ

Павелъ Степановичъ Нахимовъ.

1803—1855 гг.

Въ высшей степени симпатичная личность Нахимова нѣкоторыми чертами напоминаетъ Суворова. Храбрый морякъ, непоколебимо преданный чести и долгу, энергичный и дѣятельный въ практической службѣ, онъ отличался простотою привычекъ и не лишенъ былъ многихъ странностей. Вся жизнь Павла Степановича посвящена была служенію родинѣ и прекрасно завѣнчалась геройскою смертію на твердыняхъ Севастополя...

Нахимовъ родился въ 1803 г., въ с. Городкѣ, Вяземскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Отецъ его, небогатый помѣщикъ, екатерининскій секундъ-маіоръ Степанъ Михайловичъ, опредѣлилъ маленькаго Павла, въ раннемъ возрастѣ, въ морской кадетскій корпусъ, по окончаніи курса въ которомъ, въ 1818 г., молодой Нахимовъ былъ произведенъ въ мичманы. Морской корпусъ того времени былъ учили-

щемъ вполнѣ спеціальнымъ: прошедшіе курсъ его далеко не были подготовлены умственно и нравственно къ жизни. Можно сказать, что и сформированіе нравственнаго характера Нахимова произошло не подъ вліяніемъ корпуса, а вслѣдствіе природныхъ прекрасныхъ задатковъ и счастливой случайности, приведшей его подъ начальство такого замѣчательнаго человѣка, какъ М. П. Лазаревъ. Опредѣленный на 36-ти пушечный фрегатъ «Крейсеръ», состоявшій подъ командою Лазарева, Павелъ Степановичъ отплылъ на немъ, 17 августа 1822 г., въ кругосвѣтное плаваніе, продолжавшееся до 1825 г. Эти три года и были основаніемъ нравственнаго воспитанія Нахимова. Подъ вліяніемъ моряка-энтузіаста, командира «Крейсера», человѣка съ сердцемъ и возвышеннымъ характеромъ, не искательствами, а дѣйствительными заслугами пробивавшаго себѣ дорогу, образовалась изъ Нахимова та свѣтлая личность, память о которой сохранится навсегда въ исторіи русскаго флота. Во время плаванія, въ 1823 г., Павелъ Степановичъ былъ произведенъ въ лейтенанты, а по возвращеніи на родину въ 1825 г., получилъ орденъ св. Владиміра 4-го класса, съ назначеніемъ ему лейтенантскаго оклада въ пансіонъ.

Подъ командою Лазарева, Нахимовъ принялъ и боевое крещеніе. Въ годъ возвращенія изъ кругосвѣтнаго плаванія, онъ былъ отправленъ въ Архангельскъ и вернулся оттуда, въ 1826 г., на знаменитомъ впослѣдствіи кораблѣ «Азовъ», которымъ начальствовалъ Лазаревъ. Въ слѣдующемъ году корабль «Азовъ» состоялъ въ эскадрѣ контръ-адмирала графа Гейдена, принявшей участіе, вмѣстѣ съ эскадрами французскою и англійскою, въ славной Наваринской битвѣ, окончившейся, какъ извѣстно, почти полнымъ уничтоженіемъ турецкаго флота. Въ этомъ сраженіи

корабль «Азовъ» особенно отличился, и Нахимовъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса и чиномъ капитана-лейтенанта, а впослѣдствіи получилъ еще греческій орденъ Спасителя. Въ 1829 г., Павелъ Степановичъ былъ назначенъ командиромъ отнятаго у турокъ корвета «Наваринъ», и привелъ его, въ 1830 г., въ Кронштадтъ, гдѣ удостоился новой награды—ордена св. Анны 2-го класса.

Многіе годы пришлось такимъ образомъ Нахимову пробыть подъ начальствомъ Лазарева, что породило дружескія отношенія между ними. Павелъ Степановичъ чрезвычайно любилъ и почиталъ своего начальника и считалъ его идеаломъ для себя. «Михаилъ Петровичъ Лазаревъ—вотъ кто сдѣлалъ все-съ!» часто говорилъ онъ. Этой любви онъ остался вѣренъ до смерти Михаила Петровича, не смотря на послѣдовавшее со стороны послѣдняго нѣкоторое охлажденіе къ нему. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда уже впрочемъ и трудно было учиться новому, Нахимовъ обнаружилъ извѣстный консерватизмъ, боязнь новизны. Лазаревъ-же, всегда ставившій службу выше отношеній частныхъ, сталъ въ послѣдніе годы жизни болѣе цѣнить нѣкоторыхъ своихъ сотрудниковъ, тщательнѣе слѣдившихъ за усовершенствованіями во флотѣ. Это низвело Нахимова въ глазахъ сослуживцевъ, но не повліяло на любовь его къ Лазареву. Когда послѣдній серьезно заболѣлъ, старый морякъ дни и ночи проводилъ у постели его и заливался горькими слезами слѣдуя за прахомъ его при погребеніи.

Мы остановились на 1830 г. въ разсказѣ о жизни Нахимова. Въ 1831 г. онъ крейсировалъ по Балтійскому морю, а въ 1832 г. назначенъ былъ членомъ комитета, учрежденнаго для предохраненія Кронштадта отъ холеры. Въ этомъ званіи онъ восемь разъ получилъ Высочайшее благоволѣніе. Въ 1833 г. Павелъ Степановичъ принялъ въ

свое завѣдываніе фрегатъ «Палладу», имъ же отстроенный на Охтенской верфи. Судно это подъ командою Нахимова считалось во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ. Въ 1834 г. онъ былъ переведенъ въ Черное море, назначенъ капитаномъ 2-го ранга и сдѣланъ командиромъ корабля «Силистрія». Въ 1837 г. Павелъ Степановичъ получилъ орденъ св. Анны 2-го класса съ Императорскою короною и чинъ капитана 1-го ранга, а въ слѣдующемъ году послѣдовало увольненіе его, съ полнымъ содержаніемъ, за границу, для леченія на водахъ, гдѣ онъ пробылъ около года, до августа 1839 г. По возвращеніи изъ-за границы, Нахимовъ снова завѣдывалъ кораблемъ «Силистрія» и участвовалъ съ нимъ, въ 1840 г., въ перевозкѣ сухопутныхъ войскъ къ черноморскимъ берегамъ, причемъ командовалъ лѣвымъ флангомъ десанта, а на возвратномъ пути содѣйствовалъ истребленію контрабаднаго судна между Анапою и Новороссійскомъ. Слѣдующіе годы, по 1844 г., онъ провелъ большею частію въ крейсерствѣ по Черному морю, причемъ въ 1842 г. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-го класса. Въ 1844 г. Павелъ Степановичъ ходилъ на помощь Головинскому укрѣпленію противъ горцевъ; въ концѣ же слѣдующаго 1845 г. онъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ командиромъ 1-ой бригады 4-ой флотской дивизіи.

По произведеніи въ контръ-адмиралы, до конца жизни своей Нахимовъ служилъ въ Черноморскомъ флотѣ. Всѣ дальнѣйшіе годы до 1853 г. были проведены имъ преимущественно въ крейсерованіяхъ по Черному морю. За отличную распорядительность свою онъ былъ награжденъ въ 1847 г. орденомъ св. Станислава 1-й ст., въ 1849 г.— св. Анны 1-го кл., а въ 1852 г. назначенъ командующимъ 5-ю флотскою дивизіею и произведенъ въ вице-адмиралы.

При началѣ Восточной войны, лѣтомъ 1853 г., Павелъ Степановичъ участвовалъ въ однонедѣльномъ перевезеніи на 33-хъ судахъ изъ Севастополя въ Сухумъ-Кале и Алякрію, тринадцатой пѣхотной дивизіи, состоявшей изъ 16 т. человѣкъ, съ полнымъ вооруженіемъ, двумя баттареями, 827 лошадьми и 30-ти дневнымъ провіантскимъ довольствіемъ. За эту переправу онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-го класса, при лестномъ Высочайшемъ рескриптѣ. Съ именемъ Нахимова связаны наиболѣе славные и печальные дни въ исторіи Черноморскаго флота — Синопъ и Севастополь, гдѣ послѣдовало уничтоженіе судовъ, хотя для экипажа и послѣдній былъ источникомъ новой славы. Послѣ упомянутой выше переправы, отрядъ Павла Степановича крейсеровалъ между Крымомъ и Анатоліею. 4-го ноября 1853 г., онъ захватилъ турецкій пароходъ въ 200 силъ, а 18-го ноября, вмѣстѣ съ адмираломъ Корниловымъ, совершенно уничтожилъ турецкій флотъ у Синопа. У насъ было въ строю 6 линейныхъ кораблей съ 624 орудіями и 5285 человѣкъ команды, у турокъ 7 фрегатовъ, 3 корвета и 2 парохода съ 4200 человѣкъ. Особенный перевѣсъ въ силѣ давала турецкому флоту защита кораблей 6-ю береговыми баттареями. Но не смотря на это, послѣ $2^1/_2$ часоваго сраженія не осталось ни однаго турецкаго судна, ни одной баттареи—все было потоплено, сожжено и уничтожено. Побѣда эта сдѣлала имя Нахимова въ высшей степени популярнымъ и доставила ему орденъ св. Георгія 2-го класса.

Въ 1854 г., по вступленіи флота западныхъ державъ въ Черное море, нашъ флотъ долженъ былъ укрыться въ Севастополѣ, и Нахимову пришлось принять участіе въ славной геройской защитѣ этого города. Въ ряду участниковъ обороны имя его стоитъ на одномъ изъ первыхъ

мѣстъ. За храбрость и распорядительность, онъ получилъ здѣсь двѣ награды: въ январѣ 1855 г. — орденъ Бѣлаго Орла, а въ мартѣ — пожалованъ адмираломъ. Послѣднее званіе ему пришлось носить короткое время: чрезъ два мѣсяца непріятельская пуля прервала дальнѣйшее служеніе его родинѣ.

28-го іюня адмиралъ съ нѣкотовыми близкими къ нему личностями объѣзжалъ бастіоны, во время бомбардированія. Мѣстами приходилось ѣхать подъ градомъ прицѣльныхъ бомбъ, ядеръ и пуль. Нахимовъ былъ чрезвычайно веселъ и даже любезенъ противъ обыкновенія—въ службѣ онъ былъ суровъ и требователенъ. Переѣзжая шагомъ изъ 3-го отдѣленія въ четвертое, во время сильнѣйшей перестрѣлки, онъ говорилъ сопутнику. «Какъ пріятно ѣхать такими молодцами, какъ мы съ вами; такъ нужно, другъ мой, вѣдь на все воля Бога, и ежели Ему угодно, то все можетъ случиться: чтобы вы тутъ ни дѣлали, за чтобы ни прятались, чѣмъ бы ни укрывались, ничто бы не противостояло Его велѣнію, а этимъ показали бы мы только слабость характера своего. Чистый душой и благородный человѣкъ будетъ всегда ожидать смерти спокойно и весело, а трусъ боится смерти, какъ трусъ». Вездѣ по дорогѣ, ласковыми словами, онъ старался поднять духъ солдатъ и матросовъ, впрочемъ одно уже присутствіе любимаго начальника дѣлало послѣднихъ болѣе веселыми и энергичными. Въ башнѣ Малахова кургана служили вечерню. Начальникъ 3-го отдѣленія укрѣпленій Кернъ, отрапортовавъ, что все благополучно, предложилъ посѣтить богослуженіе, но адмиралъ захотѣлъ осмотрѣть, по обыкновенію, новыя непріятельскія работы. Войдя на банкетъ, онъ взялъ трубу у сигнальщика и сталъ смотрѣть не въ амбразуру изъ мѣшковъ, нарочно для этого сдѣланную, а прямо черезъ брустверъ,

открывъ себѣ почти по поясъ. На убѣжденія окружающихъ, по крайней мѣрѣ пригнуться, онъ не обратилъ, какъ и всегда, вниманія. Въ это время двѣ пули ударили близь него. Видя, что это прицѣльныя пули, окружающіе снова стали просить Нахимова сойти съ банкета, но онъ не хотѣлъ, говоря однако-жъ, что «они сегодня довольно мѣтко стрѣляютъ». Только что онъ произнесъ эти слова, какъ былъ раненъ въ лѣвый високъ на вылетъ и мгновенно упалъ безъ крика стона. Послѣ пораненія, Павелъ Степановичъ уже не приходилъ болѣе въ себя — пуля задѣла мозгъ и произошелъ параличъ правой стороны и легкихъ. Единственныя слова, произнесенныя имъ едва внятнымъ голосомъ, были «эхъ, Боже мой, что за вздоръ»; онъ проговорилъ ихъ 29-го іюня, когда ему мѣшали прикладывать лѣвую руку къ ранѣ. Нахимовъ скончался 30-го іюня 1855 г., въ 11 часовъ утра. Тѣло его погребено въ Севастополѣ, по его собственному указанію, рядомъ съ могилами двухъ другихъ морскихъ героевъ—Лазарева и Корнилова, на мѣстѣ, гдѣ воздвигнутъ потомъ храмъ св. Равноапостольнаго князя Владиміра.

Для характеристики Павла Степановича, прибавимъ нѣсколько чертъ его частной жизни. Адмиралъ не былъ женатъ. Семью для него замѣняли адъютанты, подчиненные, матросы; послѣдніе любили его, какъ отца, не смотря на то, что Нахимовъ, добрый и простой, доступный для всякаго въ частныхъ сношеніяхъ, въ службѣ былъ очень строгъ и требователенъ. Энергическій и дѣятельный въ практической службѣ, онъ совершенно терялся въ канцеляріи. Бумагъ не любилъ, часто повторяя съ досадою «заваливаютъ-съ»; вообще, коль скоро дѣло доходило до переписки, то какъ-то жался, не придавалъ себѣ никакой власти и соглашался со всякимъ мнѣніемъ. Но въ близ-

комъ кругу былъ веселъ, шутливъ, остеръ и уменъ. Въ одеждѣ онъ былъ крайне простъ—всегда въ сюртукѣ съ эполетами, въ которыхъ и убитъ. Деньгами своими онъ не дорожилъ, былъ щедръ, идеально честенъ и чуждъ всякихъ искательствъ.

IV.

ГРАФЪ

Дмитрій Николаевичъ Блудовъ,

Президентъ Императорской Академіи наукъ, предсѣдатель государственнаго совѣта и комитета министровъ.

1785—1864 гг.

Дмитрій Николаевичъ принадлежалъ къ старинному роду столбовыхъ дворянъ Блудовыхъ. Онъ родился 5-го апрѣля 1785 г., во Владимірской губерніи, недалеко отъ г. Шуи, въ родовомъ имѣніи, селѣ Романовѣ, пожалованномъ его предку, Назарію Беркуту Блудову, царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, за участіе въ походѣ противъ поляковъ подъ начальствомъ князя Пожарскаго. Отца Блудовъ потерялъ въ раннемъ дѣтствѣ; онъ выросъ подъ надзоромъ матери, Катерины Ермолаевны, урожденной Тишиной, женщины необыкновенно красивой, высоко-нравственной и очень умной. Катерина Ермолаевна осталась послѣ смерти мужа еще молодою, но отказалась отъ втораго брака и посвятила себя воспитанію сына. У нея была еще дочь, значительно старше Дмитрія Николаевича, которая вышла замужъ, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Блудовъ получилъ основательное домашнее воспитаніе; мать его не щадила въ этомъ отношеніи никакихъ издержекъ. По пере-

ѣздѣ въ Москву; кромѣ гувернеровъ, приглашались для уроковъ лучшіе учителя, профессоры университета и университетскаго пансіона. Способностями Дмитрій Николаевичъ обладалъ прекрасными. Его память поражала въ дѣтствѣ учителей, какъ впослѣдствіи его знакомыхъ. Онъ любилъ научныя занятія, но съ особенною страстію предавался чтенію: его не легко было оторвать отъ какой-нибудь исторической книги. Изъ языковъ онъ отлично зналъ французскій, хорошо нѣмецкій и италіанскій, англійскому-же выучился, будучи совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ. Онъ занимался также серьезно классическими языками—греческимъ и латинскимъ, которые не забылъ до старости.

Подобно другимъ столбовымъ дворянамъ того времени, Блудовъ былъ записанъ въ Измайловскій гвардейскій полкъ, чуть не съ пеленокъ, но мать его, не желая предназначать его для военной службы, испросила ему увольненіе изъ полка, и онъ поступилъ въ 1800 г. юнкеромъ въ московскій архивъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь необыкновенныя способности Дмитрія Николаевича и знаніе имъ языковъ скоро обратили на него вниманіе, черезъ полгода онъ былъ произведенъ въ переводчики, а въ 1801 году пожалованъ въ коллежскіе ассесоры. Въ тѣ тяжелыя времена царствованія императора Павла I много молодыхъ людей лучшихъ московскихъ фамилій, поступали на службу въ упомянутый выше архивъ, для избѣжанія военной службы. Блудовъ особенно сблизился съ братьями Тургеневыми—Андреемъ и Александромъ, а также съ Дашковымъ, съ которымъ сохранилъ дружбу на всю жизнь. Въ архивѣ служилъ и извѣстный Вигель, отозвавшійся о Блудовѣ въ своихъ запискахъ съ особеннымъ увлеченіемъ. По его словамъ, уже тогда Блудовъ произвелъ на него необыкновенное впечатлѣніе своимъ блестящимъ умомъ и

даромъ слова. При посредствѣ Дашкова, Дмитрій Николаевичъ познакомился съ Жуковскимъ, благодаря-же общности ихъ вкусовъ и любви къ театру и къ литературѣ, это знакомство скоро перешло въ тѣсную дружбу, сохранившуюся до самой смерти. Жуковскій, Дашковъ и затѣмъ Карамзинъ имѣли особенное вліяніе на образованіе характера Блудова. Въ ранней молодости онъ обладалъ чрезвычайно пылкимъ характеромъ: его быстрый, ѣдкій умъ навлекалъ на него вражду многихъ; дружба-же съ такими кроткими и благодушными людьми, какъ Жуковскій и Карамзинъ, совершенно измѣнила его.

По смерти въ 1801 г. императора Павла, на престолъ вступилъ кроткій, щедро-одаренный отъ природы Александръ I. При коронаціи, Блудовъ и Жуковскій были дежурными при предъявленіи билетовъ для входа на Кремлевскую площадь. День этотъ произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе: весь народъ былъ полонъ радости, счастія и самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее. Черезъ годъ, въ 1802 г., Дмитрій Николаевичъ перешелъ на службу въ Петербургъ, куда вѣроятно влекъ его, между прочимъ, и рядъ реформъ, задуманныхъ новымъ Императоромъ и требовавшихъ много молодыхъ свѣжихъ силъ. Онъ поступилъ здѣсь въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Но и на новомъ мѣстѣ служба мало удовлетворяла его; онъ хотѣлъ одно время перейти въ министерство народнаго просвѣщенія, что не удалось, и даже думалъ было совсѣмъ выйти въ отставку и заняться литературою, но бросилъ затѣмъ это намѣреніе.

Въ 1805 г. Блудовъ ѣздилъ къ опасно заболѣвшей матери въ Москву, гдѣ Жуковскій познакомилъ его съ Карамзинымъ. Это знакомство перешло также мало-по-малу, въ искреннюю пріязнь. По возвращеніи Блудова въ Петер-

бургъ, занятія его въ коллегіи значительно оживились, такъ какъ вновь назначенный товарищъ управляющаго коллегіей графъ Салтыковъ, вскорѣ замѣтилъ способности его, прикомандировалъ его къ себѣ и сталъ занимать постоянными работами, давъ такимъ образомъ случай пріобрѣсти навыкъ къ служебной дѣятельности вообще и къ дипломатической перепискѣ особенно. Въ 1807 г. скончалась мать Дмитрія Николаевича и оставила ему, благодаря своей бережливости, совершенно чистое отъ долговъ, надѣланныхъ ея мужемъ, состояніе, съ 35 тыс. годоваго дохода. Такое наслѣдство было неожиданностью для Блудова, который при жизни матери получалъ отъ нея только очень умѣренную пенсію. Извѣстія объ опасномъ состояніи и затѣмъ смерти Катерины Ермолаевны пришли въ Петербургъ во время серьезной болѣзни Блудова, захворавшаго тифомъ. Ихъ сообщили Дмитрію Николаевичу только по выздоровленіи, но и тогда ударъ былъ такъ силенъ для него, что едва снова не сразилъ его. Графъ Салтыковъ, принимавшій въ немъ живое участіе, желая разсѣять его, воспользовался случаемъ и далъ ему порученіе ѣхать въ Голландію, для доставленія трехъ орденовъ св. Андрея Первозваннаго въ распоряженіе короля Людовика, взамѣнъ предоставленныхъ этимъ послѣднимъ нѣсколькихъ орденовъ «Согласія» первой степени, въ распоряженіе императора Александра. Блудовъ былъ принятъ королемъ очень ласково и награжденъ орденомъ «Согласія», украшеннымъ брилліантами.

Въ 1810 г. Блудовъ получилъ снова особенное назначеніе. Его мать была очень близка съ Каменскими и молодой графъ Николай Михайловичъ, стяжавшій себѣ славу отличнаго полководца блистательными побѣдами надъ шведами, очень любилъ его. Въ 1810 г. графъ Каменскій былъ назначенъ главнокомандующимъ молдавскою арміею и при-

гласилъ Дмитрія Николаевича въ правители дипломатической канцеляріи своей. Это назначеніе было, конечно, очень лестно для молодаго Блудова. Послѣ неудачнаго штурма Рущука, стоившаго намъ около 9000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя, Каменскій, для отраженія многочисленныхъ доносовъ и объясненія нашего положенія, которое далеко не было отчаянно, отправилъ Блудова въ Петербургъ. Блистательная побѣда надъ турками при Батинѣ совершенно возстановила воинскую репутацію графа Каменскаго, но миссія Дмитрія Николаевича была все-таки полезна въ другомъ отношеніи. Каменскому было предписано окончить войну возможно-скорѣе, въ виду опасности со стороны Франціи, и притомъ на условіяхъ черезъ чуръ тяжелыхъ для Турціи. Блудовъ личными объясненіями поддержалъ многократныя представленія графа и условія были измѣнены. Каменскому не пришлось, какъ извѣстно, предпринять новый походъ противъ турокъ—онъ скончался на 34 году отъ рожденія, 4 мая 1811 года. Изъ дѣятельности своей въ Молдавіи, Дмитрій Николаевичъ вынесъ сочувствіе къ славянскимъ племенамъ, интересы которыхъ всегда отстаивалъ, гдѣ только могъ.

Въ апрѣлѣ 1812 г. Блудовъ женился на княжнѣ Аннѣ Андреевнѣ Щербатовой, въ которую былъ влюбленъ въ теченіи 11 лѣтъ, но постоянно встрѣчалъ препятствія къ браку въ гордой княгинѣ Щербатовой, находившей эту партію не соотвѣтственной положенію дочери. Наконецъ его постоянная любовь и твердость молодой дѣвушки, отказывавшейся отъ всѣхъ предложеній, побѣдили упорство матери. Къ тому-же княгиня была серьезно больна, и опасаясь смерти, желала пристроить дочерей, уже лишившихся отца. Послѣ устройства своихъ дѣлъ и женитьбы, ничто не удерживало болѣе Блудова въ С.-Петербургѣ и онъ сталъ искать

порученій за-границу, отъ которыхъ прежде отказывался. Вслѣдствіе чего ему предложено было въ сентябрѣ 1812 г. мѣсто совѣтника русской миссіи въ Стокгольмѣ, которое онъ и принялъ. Такъ какъ постъ этотъ былъ важенъ, а чинъ Дмитрія Николаевича невеликъ, то его произвели въ коллежскіе совѣтники. Нашъ посолъ—Сухтеленъ—долженъ былъ сопутствовать шведскому наслѣдному принцу Бернадоту въ его путешествіи по Швеціи и предполагаемой высадкѣ противъ Наполеона или Даніи и поддерживать его вражду противъ Франціи, Блудову-же приходилось быть повѣреннымъ въ дѣлахъ во время отсутствія посла. Положеніе Дмитрія Николаевича въ Стокгольмѣ было затруднительно, въ виду сильной французской партіи въ Швеціи, къ тому-же на немъ лежала еще трудная обязанность добывать всѣ свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ Европѣ, такъ какъ сношенія черезъ Германію были прерваны и даже иностранные журналы получались чрезъ Швецію. Въ тяжелый для родины 1812 г. грустно жилось Блудову въ столицѣ Швеціи. Личные интересы его также очень пострадали, такъ какъ деревни его, лежавшія въ полосѣ непріятельскаго нашествія, были уничтожены до тла пожаромъ, а изъ крестьянъ — половина истреблена. Его поддерживали жена, твердо вѣрившая въ спасеніе Россіи, и немногіе близкіе знакомые, между которыми выдавалась замѣчательная личность баронессы Сталь-Голштейнъ, съ которой Блудовы очень сошлись. Въ іюнѣ 1813 г., въ Стокгольмъ прибылъ вновь назначенный посломъ баронъ Строгоновъ, и Блудовъ, опредѣленный совѣтникомъ миссіи только для того, чтобы управлять ею, во время отсутствія посланника, вскорѣ вернулся обратно въ Петербургъ. Въ наступившей затѣмъ блестящей эпохѣ царствованія Александра I, состоявшей въ разгромленіи власти Наполеона и возстановленіи прежнихъ поли-

тическихъ отношеній въ Европѣ на вѣнскомъ конгрессѣ, Блудовъ принималъ также нѣкоторое участіе, состоя напр. между прочимъ, въ канцеляріи графа Каподистріи.

По замиреніи, наступило время оживленія внутренней жизни государства, а слѣдовательно и литературы. Постоянная любовь къ послѣдней и близкія отношенія съ корифеями ея, Карамзинымъ и Жуковскимъ, поставили Дмитрія Николаевича въ ряду первыхъ бойцевъ вступавшаго тогда въ жизнь новаго направленія литературы, извѣстнаго подъ именемъ романтизма. Такъ мы видимъ его въ числѣ первыхъ основателей (вмѣстѣ съ Дашковымъ и Жуковскимъ) и дѣятельныхъ сотрудниковъ литературнаго общества «Арзамасъ», возникшаго ради противодѣйствія литературному обществу «Бесѣды любителей русскаго слова», преслѣдовавшаго всякую новизну, главнымъ образомъ сочиненія Карамзина, Жуковскаго, а затѣмъ Пушкина. Поводомъ къ названію новаго общества была статья Блудова «Видѣніе въ Арзамасѣ». Протоколы засѣданій новаго общества велись большею частію Жуковскимъ, но иногда и Дмитріемъ Николаевичемъ. Въ «Арзамасѣ» царили, въ противуположность «Бесѣдамъ», непринужденность и шутки. Каждый членъ имѣлъ свой псевдонимъ, такъ Блудовъ назывался Кассандрой. Собранія общества бывали большею частію у Блудова и Уварова.

Въ концѣ 1817 г., Блудовъ вновь получилъ дипломатическое назначеніе за границу—онъ былъ сдѣланъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ. Скоро и здѣсь, какъ ранѣе въ Стокгольмѣ, ему пришлось быть повѣреннымъ въ дѣлахъ, такъ какъ нашъ посланникъ, графъ Ливенъ, долженъ былъ ѣхать на Ахенскій конгрессъ. Въ Лондонѣ Блудовъ пробылъ болѣе двухъ лѣтъ и оказалъ многія существенныя услуги родинѣ. Но тотъ образъ жизни, который ему при-

ходилось по положенію и связямъ вести въ этомъ городѣ, разстраивалъ его состояніе, а чуждый климатъ и сидячая жизнь, при усиленныхъ занятіяхъ, вредно вліяли на его здоровье; онъ серьезно заболѣлъ и нѣсколько поправившись, порѣшилъ возвратиться въ Петербургъ, куда и прибылъ лѣтомъ 1820 года. На родинѣ ждала Дмитрія Николаевича новая работа. Государь Императоръ задумалъ, посредствомъ обнародыванія важнѣйшихъ политическихъ актовъ и инструкцій своимъ уполномоченнымъ, положить конецъ взводимымъ на него обвиненіямъ въ какихъ то тайныхъ замыслахъ противъ независимости и цѣлости Европы. При этомъ онъ пожелалъ издать документы въ переводѣ на русскій языкъ, чтобы сдѣлать ихъ доступными всѣмъ русскимъ и положить вмѣстѣ съ тѣмъ начало введенія русскаго языка въ дипломатической перепискѣ Эта работа и была поручена Блудову, какъ человѣку близко стоящему къ литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дипломату. Блудовъ избралъ себѣ помощниковъ и дѣятельно приступилъ къ работѣ. Черезъ десять мѣсяцевъ первый томъ перевода былъ оконченъ и представленъ Государю, который остался имъ очень доволенъ и произвелъ Дмитрія Николаевича въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Книга эта появилась въ свѣтъ подъ названіемъ «Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными державами европейскими отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 г. до конгресса въ Веронѣ въ 1822 г.». Первый томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1823 г.; второй, приготовленный также Блудовымъ, изданъ былъ, за отъѣздомъ его за границу, главнымъ его сотрудникомъ по переводу—Дашковымъ. Въ 1822 г., съ удаленіемъ графа Каподистрія отъ дѣлъ произошла перемѣна и въ службѣ Дмитрія Николаевича: онъ былъ откомандированъ къ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ,

по дѣламъ Бессарабіи, и уже больше не возвращался на дипломатическое поприще.

Между тѣмъ событія шли и 19 ноября 1825 г. послѣдовала смерть Императора Александра I, а 14 декабря того же года произошли извѣстные безпорядки на Сенатской площади въ С.-Петербургѣ. По воцареніи на престолъ Императоръ Николай I, нуждаясь въ дѣятельныхъ сотрудникахъ и помощникахъ, обратился за совѣтомъ къ Карамзину, въ виду уваженія, которое питалъ къ этому послѣднему Императоръ Александръ I. Карамзинъ указалъ особенно на двоихъ—Блудова и Дашкова. Вслѣдствіе чего и послѣдовало Высочайшее назначеніе Дмитрія Николаевича въ слѣдственную коммисію о злоумышленныхъ обществахъ, при чемъ ему же поручено было составлять общее донесеніе о дѣйствіяхъ коммисіи. По исполненіи этого порученія, онъ былъ пожалованъ въ статсъ-секретари и въ томъ же 1826 г. назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Это было начало служенія Блудова въ высшихъ служебныхъ должностяхъ. Въ слѣдующемъ 1827 г. онъ получилъ кромѣ того назначеніе управлять дѣлами комитета по злоупотребленіямъ при поставкѣ корабельныхъ лѣсовъ, а въ 1828 г., сдѣланъ главноуправляющимъ иностранныхъ исповѣданій. Въ этомъ послѣднемъ званіи онъ удостоился Высочайшей благодарности за устройство греко-уніатскихъ церквей въ Россіи. Въ томъ же 1828 г., онъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники. Наконецъ во второй половинѣ 1830 г., помимо другихъ своихъ обязанностей, онъ завѣдывалъ временно министерствомъ юстиціи. Около этого времени Дмитрій Николаевичъ занимался еще пересмотромъ историческихъ документовъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ, особенно въ архивѣ кабинета Его Величества. Всѣ

возлагаемыя на него порученія были исполняемы съ самою строгою добросовѣстностью, о чемъ свидѣтельствуетъ лестный для Блудова Высочайшій рескриптъ отъ 13 января 1831 года. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ членомъ комитетовъ по дѣламъ царства Польскаго и западныхъ губерній, а въ слѣдующемъ 1832 г., получилъ въ свое управленіе министерство внутреннихъ дѣлъ, которымъ завѣдывалъ до 1838 г., состоя кромѣ того статсъ-секретаремъ при Императорѣ и участвуя въ различныхъ комитетахъ, напр. для пересмотра существующихъ законовъ о пріемѣ въ учебныя заведенія людей несвободныхъ состояній, для разсмотрѣнія проэкта положенія объ управленіи государственными имуществами и пр. Помимо этихъ многочисленныхъ занятій, въ 1837 г., онъ снова временно завѣдывалъ около полугода министерствомъ юстиціи, которое наконецъ и было ввѣрено ему, указомъ отъ 15 февраля 1838 г., взамѣнъ министерства внутреннихъ дѣлъ, за дѣятельность свою по которому Дмитрій Николаевичъ вновь удостоился лестнаго Высочайшаго рескрипта. Министромъ юстиціи Блудовъ былъ недолгое время. Въ началѣ 1839 г., онъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а въ концѣ этого года назначенъ управляющимъ II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ департамента законовъ. Въ началѣ 1840 г. ему поручено было присутствовать въ департаментѣ дѣлъ царства Польскаго и при отсутствіи предсѣдателя, замѣнить его; кромѣ того въ томъ же году онъ участвовалъ во многихъ комитетахъ: по разграниченію губерній, по устройству Закавказскаго края и пр. Въ 1842 г., за многолѣтнія служебныя труды свои онъ былъ награжденъ возведеніемъ въ потомственное графское достоинство. Не смотря на болѣе чѣмъ сорока лѣтнюю дѣя-

тельность на поприщѣ служебномъ, Блудовъ продолжалъ трудиться съ тою же непоколебимою энергіею: 15 апрѣля 1845 г., онъ окончилъ проэктъ уголовнаго положенія для Имперіи и для царства Польскаго, а въ 1847 г., въ качествѣ уполномоченнаго, онъ заключилъ важный конкордатъ съ римской куріей. По воцареніи Императора Александра II, Дмитрій Николаевичъ былъ назначенъ, въ 1855 году, президентомъ академіи наукъ. Въ 1856 г., онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ еврейскаго комитета, въ 1857 г.— предсѣдателемъ комитета дѣтскихъ пріютовъ, а 1 января 1862 г., — предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, хотя эти послѣднія обязанности возложены были на него временно еще ранѣе, именно на 1861 годъ. Въ великой реформѣ настоящаго царствованія, въ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости Блудовъ также принималъ непосредственное участіе. Съ 1857 г. онъ состоялъ въ комитетѣ для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи въ Россіи, а въ 1861 г., Государь Императоръ выразилъ ему свою искренюю признательность за его труды вообще и въ особенности за скорое успѣшное окончаніе дѣла освобожденія крестьянъ.

Такова многотрудная служебная дѣятельность замѣчательнаго администратора нашего представленная нами въ краткомъ очеркѣ, содержащемъ только главные факты, безъ частностей. Прекрасно владѣя перомъ, Дмитрій Николаевичъ оставилъ послѣ себя нѣкоторые памятники и въ литературѣ. Такъ ему принадлежитъ редакція послѣдняго тома исторіи Карамзина, оставшагося послѣ смерти исторіографа не вполнѣ готовымъ къ печати; подъ его редакціей вышли также два изданія свода законовъ (1842 г. и 1857 года). Далѣе имъ же написано было множество журналь-

ныхъ статей въ періодическихъ изданіяхъ двадцатыхъ годовъ и наконецъ брошюра «Послѣдніе часы жизни Императора Николая».

Графъ Д. Н. Блудовъ скончался отъ нервнаго удара 22-го февраля 1864 г. и погребенъ въ с.-петербургской Александро-Невской лаврѣ.

V.

ИСТОРІОГРАФЪ

Николай Михайловичъ Карамзинъ.

1766—1826 гг.

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился 1-го декабря 1766 г., въ селѣ Преображенскомъ-Карамзинѣ, Михайловка тожъ, Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда. Родъ Карамзиныхъ происходитъ отъ татарскаго мурзы, по имени Кара-мурза, который поступилъ на службу царей московскихъ, принялъ св. крещеніе и былъ награжденъ въ 1606 г. землями въ Нижегородской губерніи. Отецъ Карамзина, Михаилъ Егоровичъ служилъ въ молодости въ Оренбургѣ, въ легкомъ полевомъ баталіонѣ, былъ уволенъ въ отставку капитаномъ и награжденъ имѣніемъ въ Оренбургской, а нынѣ Самарской губерніи, гдѣ и устроилъ особую усадьбу. Онъ былъ женатъ дважды. Николай Михайловичъ былъ вторымъ сыномъ его, отъ перваго брака съ дѣвицей Екатериной Петровной Пазухиной.

Карамзинъ потерялъ мать въ младенчествѣ и росъ подъ наблюденіемъ отца и мачихи, Евдокіи Гавриловны, урожденной Дмитріевой, родной тетки извѣстнаго поэта Ив.

Ив. Дмитріева, на которой отецъ его женился въ 1770 г. Грамотѣ Николай Михайловичъ выучился у мѣстнаго дьячка, подъ руководствомъ котораго въ нѣсколько мѣсяцевъ вполнѣ одолѣлъ чтеніе церковной печати, а затѣмъ познакомился съ гражданскою печатью и письмомъ. Этимъ и закончилось было элементарное образованіе маленькаго Николая, такъ какъ къ дальнѣйшимъ трудамъ его никто не принуждалъ, но онъ былъ мальчикъ любознательный, сталъ много читать и двинулся впередъ. Вотъ какъ самъ Карамзинъ описываетъ свою страсть къ чтенію въ дѣтствѣ въ повѣсти «Рыцарь нашего времени», которая по его собственнымъ словамъ (въ примѣчаніи IX—XIII главамъ) основана на личныхъ воспоминаніяхъ. «Первая свѣтская книга, которую маленькій герой нашъ, читая и читая, наизусть вытвердилъ, была Езоповы басни. Скоро отдали Леону ключъ отъ желтаго шкафа, въ которомъ хранилась библіотека покойной его матери, и гдѣ на двухъ полкахъ стояли романы, а на третьей нѣсколько духовныхъ книгъ: важная эпоха въ образованіи его ума и сердца! Даира, восточная повѣсть, Селимъ и Дамассина, Мирамондъ, исторія лорда N, все было прочтено въ одно лѣто, съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ живымъ удовольствіемъ... Маленькій нашъ герой, въ шесть или семь часовъ лѣтняго утра, поцѣловавъ руку у своего отца, спѣшилъ съ книгою на высокій берегъ Волги, въ орѣховые кусточки, подъ сѣнь древняго дуба! Тамъ въ бѣленькомъ своемъ камзольчикѣ, бросаясь на зелень, читалъ»...

Раннее чтеніе романовъ чрезвычайно дѣйствовало на возбужденіе воображенія маленькаго Карамзина. Понятно, книги эти интересовали 8—9-ти-лѣтняго мальчика не чувствами романической любви, а самой фабулой разсказа. Онѣ были также не безъ извѣстнаго нравственнаго вліянія

на впечатлительнаго читателя, такъ какъ состояли преимущественно изъ повѣстей съ добродѣтельными героями и злодѣями, съ увѣнчаніемъ добродѣтели и наказаніемъ порока. Приведемъ еще выписку изъ упомянутой выше повѣсти «Рыцарь нашего врeиени», вѣрность сообщенныхъ въ ней фактовъ подтверждается къ тому-же и свидѣтельствомъ И. И. Дмитріева. «Леонъ на десятомъ году отъ рожденія могъ уже часа по два играть воображеніемъ и строить замки на воздухѣ. Опасности и героическая дружба были любимою его мечтою. Достойно замѣчанія, что онъ въ опасностяхъ всегда воображалъ себя избавителемъ, а не избавленнымъ: знакъ гордаго, славолюбиваго сердца! Герой нашъ мысленно летѣлъ во мракѣ ночи на крикъ путешественника, умерщвляемаго разбойниками, или бралъ штурмомъ высокую башню, гдѣ страдалъ въ цѣпяхъ другъ его. Такое Донъ-Кихотство воображенія заранѣе опредѣляло моральный характеръ Леоновой жизни». Помимо домашней библіотеки, Карамзинъ доставалъ книги, гдѣ только могъ, и поглощалъ ихъ. Такъ между прочимъ у сосѣда по мнѣніямъ—Пушкина, который далъ ему прочитать въ числѣ другихъ книгъ исторію Ролленя, въ переводѣ Тредьяковскаго.

Кромѣ чтенія, Николай Михайловичъ занимался изученіемъ языковъ—французскаго, у жены упомянутаго выше Пушкина, и нѣмецкаго—у мѣстнаго врача нѣмца-горбуна, замѣчательно кроткой и человѣколюбивой личности. Нѣкоторое время онъ пробылъ въ Симбирскѣ, въ пансіонѣ Фовеля, гдѣ былъ первымъ ученикомъ по успѣхамъ.

Первыя понятія о русской исторіи были пріобрѣтены Карамзинымъ также въ раннемъ дѣтствѣ, въ кругу пріятелей своего отца, всегда радушно принимавшаго и угощавшаго ихъ. Маленькій Николай прислушивался къ раз-

сказамъ и спорамъ этихъ гостей, которымъ деревенское хозяйство, извѣстныя тяжбы въ губерніи и анекдоты старины давали обильный матеріалъ для разсужденій. Между наиболѣе выдававшимися личностями изъ нихъ, онъ вспоминалъ впослѣдствіи объ одномъ воеводскомъ товарищѣ отца, который, опираясь на длинную трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, подаренную ему фельдмаршаломъ Минихомъ, разсказывалъ о временахъ Бирона и Тайной канцеляріи. Съ восьмилѣтняго возраста (въ 1774 г.) Карамзинъ, по примѣру всѣхъ прочихъ дворянскихъ семействъ, былъ записанъ на службу въ одинъ изъ армейскихъ полковъ. При наступленіи-же юношескаго возраста, на 14-мъ году, его отправили въ Москву, въ учебное заведеніе Шадена, одного изъ лучшихъ въ то время профессоровъ Московскаго университета, читавшаго нравственную философію, естественное и народное права и политику. Въ пансіонѣ Шадена было всего восемь воспитанниковъ; въ немъ обращалось особенное вниманіе на изученіе языковъ, въ которыхъ Карамзинъ вскорѣ сдѣлалъ значительные успѣхи. Пользуясь уроками учителей пансіона, онъ посѣщалъ также и университетскіе лекціи; самъ Шаденъ читалъ наконецъ своимъ пансіонеромъ мораль по Геллертовымъ лекціямъ. Карамзинъ впослѣдствіи въ «Письмахъ русскаго путешественника», вспоминаютъ при посѣщеніи памятника Геллерта, о времени когда онъ былъ проникнутъ его ученіями; Шаденъ, чрезвычайно чтившій этого поэта и моралиста, говаривалъ съ жаромъ своимъ пансіонерамъ: «Друзья мои, будьте таковыми, каковыми учитъ васъ быть Геллертъ, и вы будете счастливы». Замѣтивъ въ Карамзинѣ необыкновенный даръ слова, Шаденъ началъ давать ему читать хорошія книги, для образованія его вкуса, и уже тогда предвидѣлъ въ немъ литератора. Въ пансіонѣ Карамзинъ

оставался въ теченіи четырехъ лѣтъ, послѣ чего намѣревался, вѣроятно по совѣту Шадена, ѣхать въ Лейпцигскій университетъ. Вспоминая впослѣдствіи объ этомъ, онъ говорилъ «Но судьба не хотѣла исполнить моего желанія. Воображая, какъ бы я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя такъ сказать, образуется душа наша, и какъ я провелъ ихъ, чувствую горесть въ сердцѣ и слезы на глазахъ. Нельзя возвратить прошедшаго!»

По окончаніи курса въ пансіонѣ, Карамзинъ, по настояніямъ отца и общей рутинѣ, поступилъ въ дѣйствительную военную службу. 28-го апрѣля 1871 г., онъ былъ переписанъ изъ армейскихъ сержантовъ подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ и отправился въ С.-Петербургъ. Карамзинъ служилъ около трехъ лѣтъ, причемъ въ 1782 г. былъ переведенъ изъ 14-й роты Преображенскаго полка въ бомбардирскую, что равнялось повышенію, затѣмъ пожалованъ въ каптернармусы, и наконецъ 6-го февраля 1783 г. уволенъ въ отпускъ, который продолжался 11 мѣсяцевъ. Въ теченіи этого времени онъ потерялъ отца и, призываемый домашними дѣлами, окончательно подалъ въ отставку, вслѣдствіе чего и послѣдовало, 1-го января 1784 г., увольненіе его отъ службы, съ чиномъ арміи поручика. Ко времени пребыванія Николая Михайловича на службѣ, относится сближеніе его съ его родственникомъ Ив. Ив. Дмитріевымъ, тогда сержантомъ Семеновскаго полка. Помимо родства, дружескія отношенія между ними были поддержаны общею склонностью къ литературѣ и сходствомъ въ нравственныхъ качествахъ. Дмитріевъ занимался переводами; слѣдуя его примѣру, принялся за нихъ и Карамзинъ. Согласно запискамъ Ивана Ивановича, первымъ опытомъ Карамзина былъ переводъ съ нѣмецкаго «Разговора австрійской Маріи Терезіи съ русскою императрицею Елизаветою

въ Елисейскихъ поляхъ». По совѣту Дмитріева, онъ показалъ свой трудъ книгопродавцу Миллеру, покупавшему и печатавшему переводы, платя за нихъ книгами изъ своей книжной лавки. «Не могу безъ улыбки вспомнить, съ какимъ торжественнымъ видомъ, разсказываетъ Дмитріевъ, добрый и милый юноша — Карамзинъ вбѣжалъ ко мнѣ, держа въ обѣихъ рукахъ по два томика Фильдингова Томаса Іонеса (Tom Iones), въ маленькомъ форматѣ, съ картинками, перевода Харламова. Это было первымъ возмездіемъ за словесные труды его». Такъ пишетъ И. И. Дмитріевъ, но первымъ печатнымъ трудомъ Карамзина былъ переводъ идилліи Геснера «Деревянная нога», изданный имъ самимъ въ 1783 г., въ С.-Петербургѣ.

По оставленіи службы, Николай Михайловичъ поселился въ Симбирскѣ и жадно накинулся на чтеніе. Такая впечатлительная и даровитая личность, какъ онъ, не могла, конечно, остаться внѣ умственнаго возбужденія, которымъ ознаменовалась въ Европѣ вторая половина XVIII столѣтія. Европейская литература того времени была весьма богата: идиллія Томсона, повѣсти Жанлисъ, трагедіи Вольтера — и проч., давали обильный и интересный матеріалъ любознательному читателю.

Пребываніе Карамзина въ Симбирскѣ было впрочемъ недолгое, такъ-какъ посѣтившій въ 1784 г. этотъ городъ Иванъ Петровичъ Тургеневъ, мѣстный помѣщикъ и просвѣщенный московскій баричъ, уговорилъ его переселиться въ Москву. Тургеневъ былъ однимъ изъ старшихъ членовъ Новиковскаго «Дружескаго Общества» и ввелъ Николая Михайловича въ кружокъ московскихъ масоновъ. Карамзинъ вскорѣ былъ принятъ въ члены, какъ «Общества», такъ и образовавшейся изъ среды его «Типографской компаніи», имѣвшей цѣль издавать и распространять мистическія со-

чиненія. Тогдашніе московскіе масоны были такъ называемые мартинисты — христіанскіе мистики. Они толковали природу и человѣка, искали таинственнаго смысла въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ, унижали школьную мудрость и пр., но требовали отъ учениковъ своихъ истинныхъ христіанскихъ добродѣтелей, не вмѣшивались въ политику и ставили въ законъ вѣрность государю. Къ мартинистамъ принадлежало много замѣчательныхъ людей того времени, начиная съ главы ихъ, Новикова, въ высшей степени свѣтлой личности. Новиковъ и друзья его воспитывали на свои средства бѣдныхъ молодыхъ людей въ школахъ и университетахъ и вообще употребляли значительныя суммы на благотворительность. Близкія отношенія къ мартинистамъ оставили неизгладимый слѣдъ въ Карамзинѣ и довершили нравственное воспитаніе его. Ив. Ив. Дмитріевъ разсказываетъ, что по пріѣздѣ своемъ въ Москву въ 1786 г., онъ нашелъ Николая Михайловича совсѣмъ инымъ человѣкомъ: «Тогда я», говоритъ Дмитріевъ, «почувствовалъ передъ нимъ всю мою незначительность и дивился, за что онъ любитъ меня еще по прежнему».

Между молодыми людьми, которыхъ Новиковъ употреблялъ для перевода книгъ съ разныхъ языковъ, Карамзинъ нашелъ себѣ искренняго друга, въ лицѣ умнаго и образованнаго Александра Андреевича Петрова. По запискамъ Дмитріева, Петровъ былъ знакомъ съ древними и новыми языками, глубоко зналъ родной, обладалъ необыкновеннымъ умомъ и способностію къ здравой критикѣ, но, къ сожалѣнію, ничего не писалъ для публики, а занимался только переводами. Характеръ его былъ совершенно иной, чѣмъ у Карамзина. Послѣдній въ одномъ письмѣ изъ Курляндіи, писанномъ во время путешествія, говоритъ: «Одинакіе вкусы могутъ быть при различныхъ свойствахъ души:

Агатонъ (Петровъ) и я, любили одно, но любили различнымъ образомъ: гдѣ онъ одобрялъ съ покойною улыбкою, тамъ я восхищался; огненной пылкости моей противополагалъ онъ холодную свою разсудительность; я былъ мечтатель, онъ былъ дѣятельный философъ. Часто въ меланхолическихъ припадкахъ свѣтъ казался мнѣ унылъ и противенъ, и часто слезы лились изъ глазъ моихъ; но онъ никогда не жаловался, никогда не вздыхалъ и не плакалъ; всегда утѣшалъ меня, но самъ никогда не требовалъ утѣшенія; я былъ чувствителенъ, какъ младенецъ; онъ былъ твердъ какъ мужъ; но онъ любилъ мое младенчество такъже, какъ я любилъ его мужество». Дружескія отношенія съ Петровымъ имѣли благодѣтельное вліяніе на умственное и нравственное развитіе Николая Михайловича: твердый характеромъ другъ постоянно поддерживалъ его на пути самообразованія и Карамзинъ въ этотъ періодъ своей жизни много читалъ, учился, переводилъ и сочинялъ. Такъ ознакомился онъ въ Москвѣ почти со всѣми первоклассными европейскими писателями. Любимѣйшими авторами его были Гердеръ, Лафатеръ, Геснеръ, Шекспиръ, Стернъ, котораго онъ зналъ чуть-ли не наизусть, и др. По порученію «Дружескаго Общества» онъ перевелъ, согласно свидѣтельству Дмитріева, два или три тома «Размышленій о дѣлахъ Божіихъ» Штурма и сочиненіе Галлера «О происхожденіи зла», изданное въ 1786 г. отдѣльною книжкою. Многіе переводы были имъ затѣмъ сдѣланы и изданы по собственной иниціативѣ, напр. «Юлій Цезарь» Шекспира, «Эмилія Галотти» Лессинга и проч. Съ 1785 по 1789 г. Новиковъ издавалъ и раздавалъ безденежно при Московскихъ Вѣдомостяхъ сборникъ, подъ названіемъ «Дѣтское чтеніе». Сборникъ этотъ редактировался Петровымъ, а Карамзинъ дѣятельно сотрудничалъ въ немъ, помѣстивъ многіе переводные и ориги-

нальные труды свои въ прозѣ и стихахъ. Участіе Николая Михайловича въ «Дѣтскомъ чтеніи» было важно въ томъ отношеніи, что онъ выработалъ здѣсь свой слогъ. Изъ числа многочисленныхъ его сочиненій въ этомъ журналѣ, упомянемъ о повѣсти «Евгенія и Юлія», положившей начало сентиментальнымъ повѣстямъ.

Въ 1789 г. начались административныя преслѣдованія «Дружескаго Общества» и изданія «Типографской компаніи» прекратились, Карамзинъ-же собрался ѣхать за-границу на собственныя средства, вырученныя отъ запродажи брату деревни. Передъ отъѣздомъ онъ разошелся съ мартинистами: ему уже давно не нравилась обрядовая сторона и крайности масонства. Темная область таинственныхъ гаданій была не по его вкусу: по своей природѣ онъ любилъ ясность и наглядность. Онъ заявилъ въ «Обществѣ», что при всемъ уваженіи къ членамъ его и благодарности за доброе расположеніе къ нему, онъ по своимъ убѣжденіямъ не можетъ болѣе быть сочленомъ. Прощаніе Карамзина съ мартинистами было вполнѣ дружеское; ему дали обѣдъ, сожалѣли, но не удерживали.

18-го мая 1789 г., Николай Михайловичъ выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ прожилъ 5 дней и затѣмъ отправился чрезъ Ригу въ Кенигсбергъ. Такъ началось путешествіе его, которое онъ прославилъ своими письмами. Благодаря тщательному изученію памятниковъ искусства, нравовъ и проч., а также постояннымъ бесѣдамъ съ мѣстными знаменитостями науки и литературы, Карамзинъ чрезвычайно обогатилъ свой умъ и вернулся во многомъ измѣнившимся. Путешествіе его продолжалось до сентября 1790 г. За это время онъ побывалъ въ Пруссіи, Саксоніи и др. частяхъ Германіи, въ Швейцаріи, Франціи, Англіи и вернулся изъ Лондона на пароходѣ въ С.-Петербургъ.

Изъ знаменитостей онъ посѣтилъ Канта въ Кенигсбергѣ, Рамлера, Филиппа Морица и др. въ Берлинѣ, Платнера въ Лейпцигѣ, Гердера и Виланда въ Веймарѣ, многократно бесѣдовалъ съ Лафатеромъ въ Цюрихѣ, съ которымъ уже раньше, въ 1787 г., размѣнялся нѣсколькими письмами изъ Москвы, былъ ласково принятъ Боннетомъ въ Женевѣ и получилъ отъ него разрѣшеніе переводить на русскій языкъ «Созерцанія природы», видѣлся въ Парижѣ со многими знаменитостями, какъ напр. Бартелеми, Лавуазье, Лагарпомъ и проч. Что Карамзинъ уже тогда стоялъ на высотѣ умственнаго уровня своего вѣка свидѣтельствуетъ то, что онъ находилъ со всѣми этими учеными и писателями темы для многочасовыхъ, живыхъ бесѣдъ, многими былъ обласканъ и почти всѣхъ умѣлъ заинтересовать собою. Онъ останавливался наиболѣе продолжительное время въ главныхъ центрахъ — Берлинѣ, Лейпцигѣ, Парижѣ, Лондонѣ и особенно Женевѣ, гдѣ пробылъ около 5-ти мѣсяцевъ.

По возвращеніи на родину, Николай Михайловичъ познакомился въ Петербургѣ, чрезъ Дмитріева, съ Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ, которому сообщилъ о своемъ намѣреніи издавать журналъ. Державинъ одобрилъ его предпріятіе и обѣщалъ сотрудничество. Отправившись затѣмъ въ Москву, Карамзинъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года уже выпустилъ объявленіе о «Московскомъ журналѣ», имѣвшемъ выходить съ января 1791 года, съ программой, обнимавшей различныя сочиненія въ прозѣ и стихахъ, оригинальныя и переводныя, критическія обозрѣнія, извѣстія о театральныхъ піесахъ и пр.; не должны были входить въ журналъ «только: теологическія, мистическія, педантическія, сухія піесы». Журналъ Карамзина былъ по истинѣ замѣчательный для своего времени. Въ немъ выказалъ онъ чрезвычайную талантливость свою, не только въ качествѣ

писателя, но и издателя. Въ журналѣ помѣщались новѣйшія сочиненія Державина, Дмитріева, Нелединскаго и многочисленныя труды самого издателя. Всѣ статьи и стихотворенія Карамзина вообще имѣли успѣхъ, но особенный выпалъ на долю «Писемъ русскаго путешественника» и чувствительныхъ повѣстей «Бѣдная Лиза» и «Наталья боярская дочь». Извѣстно, что московскія жители толпами съѣзжались на мѣсто воображаемаго дѣйствія повѣсти «Бѣдная Лиза», подъ Симоновъ монастырь, для сентиментальныхъ воспоминаній и даже слезъ. Деревья во-кругъ пруда, прозваннаго «Лизинымъ», всѣ были исчерчены надписями, между ними были и забавныя, въ родѣ такой какого-то шутника:

Здѣсь бросилася въ прудъ Эрастова невѣста.
Топитесь, дѣвушки: въ пруду довольно мѣста!

«Письма русскаго путешественника», помимо богатства внутренняго содержанія, полнаго замѣчательныхъ описаній красотъ природы и памятниковъ искуства, а также разбросанныхъ въ нихъ мыслей и идей, въ бесѣдахъ съ великими людьми Европы, отличались удивительнымъ для того времени простымъ, живымъ и яснымъ слогомъ, который былъ положительною новостью. Всѣхъ занималъ вопросъ, какимъ образомъ авторъ выработалъ его. По этому поводу приведемъ слѣдующій характерный анекдотъ. Извѣстный поэтъ и мыслитель Ѳ. Н. Глинка, обратился однажды въ разговорѣ къ Карамзину съ вопросомъ: «Откуда взяли вы такой чудесный слогъ?» «Изъ камина», отвѣчалъ Николай Михайловичъ. «Какъ изъ камина»? «Вотъ какъ: я переводилъ одно и то же раза по три, и по прочтеніи бросалъ въ каминъ, пока наконецъ доходилъ до того, что оставался довольнымъ и пускалъ въ свѣтъ». Въ разговорѣ же Карамзинъ выразился такъ: «до изданія Московскаго жур-

нала много бумаги мною перемарано, и не иначе можно хорошо писать, какъ писавши прежде худо и посредственно».

Въ апрѣлѣ 1792 г., разразилась гроза надъ московскими мартинистами: Новиковъ былъ арестованъ, отвезенъ въ Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость на 15 лѣтъ. Сотоварищи его были также разосланы по отдаленнымъ городамъ и деревнямъ. Нельзя не отмѣтить благородной черты Карамзина, рѣшившагося въ такое критическое время сказать смѣлое слово въ защиту бывшихъ своихъ друзей. Послѣ ареста Новикова, онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ извѣстную «Оду къ милости», въ которой почти прямо призывалъ Императрицу къ милосердію.

«Московскій журналъ» Карамзинъ издавалъ только въ продолженіи двухъ лѣтъ. Не смотря на то сочувствіе, которымъ онъ пользовался, подписчиковъ было очень немного—удѣлъ нашихъ писателей того времени былъ не легокъ: приходилось еще создавать читателей. Имѣть огромную и многочисленную работу при какихъ-нибудь 300 *) подписчикахъ было конечно тягостно для Николая Михайловича и онъ порѣшилъ издавать вмѣсто ежемѣсячнаго журнала, повременные литературные сборники. Въ 1793 г. онъ приступилъ къ составленію такого сборника, подъ названіемъ «Аглая», но болѣзнь и смерть друга его А. А. Петрова скоро отвлекли его отъ этихъ занятій. Карамзинъ очень грустилъ по Петровѣ и отправился въ с. Знаменское, Орловское имѣніе друзей его Плещеевыхъ, гдѣ и прожилъ до глубокой осени. Общество мужа и жены Плещеевыхъ, осо-

*) Въ концѣ 1791 г. Карамзинъ говорилъ въ Московскомъ журналѣ: „Если бы у меня на сей годъ не 300 субскрибентовъ, а 500, то я постарался бы на тотъ годъ сдѣлать наружность журнала пріятнѣе для глазъ читателей и пр.»

бенно послѣдней, дѣйствовало на него всегда успокоительно и благотворно; по словамъ Дмитріева Настасья Ивановна Плещеева питала къ Николаю Михайловичу чувства нѣжнѣйшей матери. Въ Знаменскомъ Карамзинъ продолжалъ собирать «Аглаю», но она вышла въ свѣтъ значительно позже, въ декабрѣ 1784 г. По возвращеніи же въ Москву въ 1793 г., онъ издалъ отдѣльной книжкой всѣ свои сочиненія и переводы подъ именемъ «Мои бездѣлки», въ двухъ частяхъ. Это изданіе было принято публикою съ восторгомъ и вызвало, какъ извѣстно, такое-же собраніе сочиненій Дмитріева, подъ заглавіемъ «И мои бездѣлки».

Весною 1794 г. Карамзинъ снова отправился въ Знаменское, гдѣ въ іюнѣ получилъ извѣстіе, очень встревожившее его, что найдена въ Москвѣ одна лавка мартинистовъ, забытая при слѣдствіи надъ Новиковымъ въ 1792 г., и найденныя въ этой лавкѣ книги, въ томъ числѣ и его переводъ «Юлія Цезаря» Шекспира, сожжены по распоряженію московскаго главнокомандующаго князя Прозоровскаго. Тревога оказалась напрасною—Карамзинъ никогда не привлекался къ дѣлу масоновъ,—но какъ бы то ни было, онъ былъ испуганъ, огорченъ и остался въ Знаменскомъ до глубокой осени. Въ декабрѣ 1794 г., по возвращеніи въ Москву, онъ издалъ первую книжку «Аглаи», вторая же появилась въ январѣ 1795 года. Въ «Аглаѣ» помѣщено продолженіе «Писемъ русскаго путешественника» и нѣкоторыя новыя статьи и стихотворенія Карамзина, между прочимъ «Цвѣтокъ на гробъ моего «Агатона», посвященный воспоминаніямъ о Петровѣ.

Въ февралѣ 1795 г. Карамзинъ отправился въ Симбирскъ, для продажи своего имѣнія, что и покончилъ, отдавъ имѣніе за 16 тыс. рублей братьямъ. Участіе его въ текущей литературѣ, впрочемъ, продолжалось, такъ какъ

во всѣхъ нумерахъ «Московскихъ вѣдомостей» этого года въ отдѣлѣ смѣси, помѣщены различныя переводныя статьи его. Болѣзнь Н. И. Плещеевой вызвала его затѣмъ въ Знаменское, гдѣ онъ оставался до зимы, такъ что прошелъ даже слухъ, что онъ удаленъ на житье въ деревню. Въ декабрѣ 1795 г. онъ вернулся въ Москву съ новою мыслею издать сборникъ въ родѣ альманаха. Мысль эта была приведена имъ въ исполненіе не тотчасъ а чрезъ нѣкоторое время, такъ какъ до изданія альманаха «Аониды», онъ выдалъ въ свѣтъ свои повѣсти «Юлію», переводную «Мелина» и второе изданіе «Аглаи». Въ 1796 г. скончалась Императрица Екатерина II. Вступленіе на престолъ Императора Павла I Карамзинъ привѣтствовалъ одою («На случай присяги московскихъ жителей»), но затѣмъ въ это царствованіе почти ничего не писалъ новаго, а продолжалъ только издавать свои прежнія сочиненія. Такъ вышли въ 1797 и 1798 годахъ новыя изданія сочиненій его «Мои бездѣлки», «Бѣдная Лиза», «Письма русскаго путешественника» и пр. Карамзинъ не избѣжалъ все-таки ложнаго доноса на него Императору. Гроза была отклонена, благодаря графу Ростопчину, женатому на двоюродной сестрѣ Н. И. Плещеевой, урожденной Протасовой. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Бантышъ-Каменскій. Одинъ недоброжелатель (изъ противной партіи) прислалъ Императору Павлу ложный доносъ на Карамзина, выставляя его человѣкомъ вреднымъ для правительства и безбожникомъ. «Знаешь ли ты Карамзина»? спросилъ Императоръ дежурнаго своего генералъ-адъютанта Ростопчина, давъ ему прочесть полученную бумагу.—«Знаю», отвѣчалъ послѣдній,—«съ отличной стороны по сочиненіямъ его, и не узнаю въ семъ сочиненіи».—«Я ожидалъ этого»,—продолжалъ Паяелъ I-й, ибо мнѣ извѣстенъ доноситель; вотъ и рѣшеніе мое».—Произ-

неся эти слова, Государь бросилъ донось въ каминъ». Въ 1799 г. Карамзинъ издалъ третью и послѣднюю книжку «Аонидъ». Мы имѣли свидѣтельство, что въ это время онъ уже началъ вчитываться въ русскія лѣтописи. Отъ 2-го мая 1800 г. онъ пишетъ Дмитріеву: «Я по уши влѣзъ въ Русскую Исторію, сплю и вижу Никона съ Несторомъ».

Съ вошествіемъ на престолъ Императора Александра I, 12-го марта 1801 г., началось чрезвычайное оживленіе литературной дѣятельности Николая Михайловича. Новаго Императора онъ привѣтствовалъ одою, замѣчательною по мыслямъ и желаніямъ, выраженнымъ въ ней. За оду онъ получилъ Высочайшій подарокъ — брилліантовый перстень. Поощренный этою наградою, Карамзинъ написалъ еще оду на коронацію, въ которой выражался еще тверже и яснѣе. Ее онъ поднесъ при посредствѣ Трощинскаго молодому Императору и удостоился вторичной награды—опять перстня. Вслѣдъ затѣмъ онъ написалъ «Слово похвальное Екатеринѣ II», пользуясь оффиціальными актами. Это сочиненіе его замѣчательно по многимъ мыслямъ, проведеннымъ въ немъ и какъ первый оригинальный трудъ въ историческомъ родѣ. За него онъ удостоенъ былъ новаго Высочайшаго подарка—драгоцѣнной табакерки.

Въ апрѣлѣ 1801 г. Карамзинъ женился на Елизаветѣ Ивановнѣ Протасовой, родной сестрѣ его друга, Настасьи Ивановны Плещеевой. Въ письмѣ къ брату онъ говоритъ, что любилъ и зналъ свою молодую жену уже 13 лѣтъ. Невѣста Карамзина не была богата, имѣла всего 150 душъ. Въ этомъ первомъ бракѣ своемъ Николай Михайловичъ былъ вполнѣ счастливъ, но счастіе это не было продолжительнымъ. Скоро, какъ мы увидимъ ниже, судьба приготовила ему тяжелое испытаніе.

Между тѣмъ съ перемѣною литературныхъ обстоя-

тельствъ и большею свободою слова, книгопродавцы и типографщики начали приступать къ Карамзину съ просьбою издавать журналъ, надѣясь на большія выгоды, такъ какъ потребность въ хорошихъ изданіяхъ была тогда большая: кругъ читателей уже разросся, а онъ любимый публикою писатель, такъ долго молчалъ. Другъ Карамзина, Дмитріевъ, также вызывалъ его на литературное поприще. Николай Михайловичъ уступилъ этимъ просьбамъ и началъ изданіе «Вѣстника Европы». Новый журналъ имѣлъ иной характеръ, чѣмъ «Московскій Журналъ». Въ немъ первое мѣсто занимали вопросы общественные, а не литературные или отвлеченные вообще. Главная цѣль «Вѣстника» была знакомить съ Европою и сообщать свѣдѣнія обо всемъ, что въ ней происходило замѣчательнаго и любопытнаго, хотя литературный отдѣлъ имѣлъ тамъ свое мѣсто, также какъ и внутренній. Журналъ выходилъ двумя книжками въ мѣсяцъ и почти въ каждой книжкѣ было по собственной оригинальной статьѣ Карамзина, кромѣ мелочей и переводовъ. Сочиненія Николая Михайловича, помѣщаемыя въ журналѣ, имѣли отчасти совершенно новый характеръ; такъ онъ выступилъ въ «Вѣстникѣ», между прочимъ, съ замѣчательными статьями по политическимъ и внутреннимъ вопросамъ и помѣщалъ отъ времени до времени разные историческіе опыты, одинъ другого удачнѣе. «Вѣстникъ Европы» имѣлъ успѣхъ въ публикѣ и приносилъ Карамзину матеріальныя выгоды: въ 1803 г., въ письмѣ къ М. Н. Муравьеву, онъ упоминаетъ, что журналъ приноситъ ему до 6,000 руб. въ годъ.

Въ это время онъ былъ вполнѣ доволенъ своими занятіями, счастливъ въ семейной жизни и матеріально обезпеченъ, такъ что отказался отъ каѳедры русской исторіи въ Дерптѣ, ему предложенной, но скоро постигъ его ударъ

судьбы: 4-го апрѣля 1802 г. скончалась его супруга, а вскорѣ затѣмъ онъ потерялъ и младенца — дочь. Николай Михайловичъ былъ чрезвычайно потрясенъ этими потерями. Въ день погребенія жены онъ шелъ, съ открытою головою, блѣдный около пятнадцати верстъ (отъ Свирлова до Донскаго монастыря) за гробомъ ея; самъ опустилъ его въ могилу и бросилъ первую горсть земли. «Все для меня исчезло» пишетъ онъ брату, «въ предметѣ остается одна могила. Стану заниматься трудами, сколько могу. Лизанька того хотѣла».

Въ 1803 г. Карамзинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ второй полуисторическій трудъ—повѣсть «Марѳа Посадница», которая имѣла успѣхъ не менѣе «Бѣдной Лизы». Занятія его исторіей все усиливались. Повидимому мысль писать исторію родины была еще юношескою его мечтою, къ этому-же времени она вполнѣ опредѣлилась. По совѣту Дмитріева, онъ не сталъ болѣе медлить въ исполненіи своего намѣренія и обратился, 28-го сентября 1803 г., съ письмомъ къ товарищу министра просвѣщенія Михаилу Никитичу Муравьеву, воспитателю Императора Александра, въ которомъ заявлялъ о желаніи своемъ писать исторію Россіи и просилъ о пенсіи, въ виду недостаточности своихъ средствъ. Письмо имѣло полный успѣхъ—31-го октября 1803 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи его исторіографомъ, съ ежегоднымъ пенсіономъ въ двѣ тысячи руб. Карамзинъ додержалъ «Вѣстникъ Европы» до конца года, затѣмъ передалъ его своему бывшему сослуживцу П. П. Сумарокову и съ 1804 годомъ выступилъ на новое поприще.

Въ январѣ этого года онъ сочетался вторымъ бракомъ съ Екатериною Андреевною Колывановою, дочерью князя Вяземскаго, съ которою и прожилъ въ полной дружбѣ и

счастіи до самой своей смерти. Бракъ этотъ улучшилъ матеріальное положеніе Карамзина, такъ какъ Екатерина Андреевна имѣла приданое въ 800 душъ въ Нижегородской губ.

Николай Михайловичъ выступилъ на поприще исторіографа съ весьма малой подготовкой, онъ былъ замѣчательный писатель, но не получилъ все-таки классическаго образованія и не имѣлъ никакой ученой подготовки. Поле, которое приходилось ему, такъ сказать, воздѣлать, почти совершенно не было подготовлено. Источники лежали разбросанными по монастырямъ, архивамъ и библіотекамъ; лѣтописи не были изслѣдованы, объяснены, даже изданы ученымъ образомъ; хронографовъ никто не зналъ; для древней географіи не сдѣлано никакихъ приготовленій; хронологія перепутана и пр. и пр. Самъ Карамзинъ не предвидѣлъ всѣхъ трудностей, предстоящихъ ему. «Въ пять шесть лѣтъ», пишетъ онъ Муравьеву, «я надѣюсь дойти до Романовыхъ»! Онъ не дошелъ до нихъ послѣ двадцатилѣтнихъ трудовъ... Подивимся-же тому, что сдѣлалъ нашъ знаменитый историкъ, и забудемъ о недостаткахъ его творенія...

Окончивъ въ 1804 году изданіе «Сочиненій» своихъ, въ 8 частяхъ, начатое въ 1804 г., Николай Михайловичъ энергично приступилъ къ выполненію взятой на себя задачи. По Высочайшему повелѣнію ему были открыты всѣ архивы и библіотеки. Онъ чрезвычайно углубился въ свой предметъ. По свидѣтельству Дмитріева, Карамзинъ на первыхъ порахъ, кромѣ исторіи, ни объ чемъ не могъ думать и говорить. 14-го сентября онъ уже пишетъ Муравьеву: «Я кончилъ введеніе; оно состоитъ въ отвѣтѣ на вопросы: Кто были древніе обитатели въ Россіи? Кто были наши предки — Славяне, Варяги и Варяга-Русь! Шагъ самый

трудный! Въ разгаръ этихъ занятій, въ ноябрѣ 1804 г., ему предложена была совѣтомъ Харьковскаго университета, профессура русской исторіи, географіи и статистики. Карамзинъ отказался отъ нея. Въ томъ-же году ему пожалованъ былъ чинъ надворнаго совѣтника, согласно просьбѣ его, обращенной къ Муравьеву, чтобы историографъ былъ уравненъ въ порядкѣ чиновъ съ профессорами; до тѣхъ поръ онъ все еще числился отставнымъ поручикомъ.

Въ 1805 г. Карамзинъ продолжалъ трудиться и оканчивалъ второй томъ исторіи, не обращая вниманія на злобные выходки Шмиковской партіи: въ Петербургскомъ Маломъ театрѣ была сыграна комедія Шаховскаго «Новый Стернъ», содержавшая явныя насмѣшки надъ сентиментальностью Николая Михайловича. По принятому на себя правилу, Карамзинъ никогда не отвѣчалъ на нападки на него, чѣмъ даже сердилъ друзей, напр.: впослѣдствіи Дмитріева при рѣзкихъ нападкахъ Каченовскаго въ «Вѣстникѣ Европы». Несмотря впрочемъ на эти нападки, передѣланная С. Н. Глинкою драма «Наталья боярская дочь» изъ повѣсти Карамзина того-же названія имѣла большой успѣхъ при представленіи 30 го августа 1805 г. Времена сентиментальности еще не миновалась. Весь 1806 годъ Николай Михайловичъ снова проработалъ надъ своимъ трудомъ, впрочемъ откликнулся на манифестѣ 30-го ноября, призывавшій русскихъ къ составленію милиціи для борьбы съ Наполеономъ и написалъ «Пѣснь воиновъ». Въ 1807 году скончался покровитель историографа М. Н. Муравьевъ и Карамзинъ обратился къ могущественному тогда статсъ-секретарю Н. И. Новосильцеву, прося доложить государю, что онъ ревностно исполняетъ должность историографа и заключилъ IV томъ описаніемъ нашествія Батыя. 1808 и 1809 года прошли въ тѣхъ-же историческихъ трудахъ.

Въ концѣ 1809 г. былъ въ Москвѣ Императоръ Александръ, вмѣстѣ съ Великою Княгинею Екатериною Павловною. Императоръ, встрѣтясь съ Карамзинымъ на балѣ, сказалъ ему нѣсколько привѣтственныхъ словъ, а Великая Княгиня, познакомясь съ нимъ чрезъ графа Ростопчина, осыпала его ласками и пригласила къ себѣ въ Тверь. Такъ началось сближеніе Николая Михайловича съ Императорскою фамиліею. Въ декабрѣ того-же года Карамзинъ ѣздилъ въ Тверь, прожилъ тамъ шесть дней и всякій день по вечерамъ читалъ исторію Россіи Великой Княгинѣ и Великому Князю Константину Павловичу. «Они плѣнили меня своею милостію», пишетъ онъ брату.

Въ 1810 году Карамзинъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст., при лестномъ Высочайшемъ рескриптѣ. Онъ хворалъ въ этомъ году и трудился менѣе. Въ письмѣ къ брату отъ 19-го сентября онъ пишетъ. «Въ нынѣшній годъ я почти совсѣмъ не подвинулся впередъ, описавъ только княженіе Василія Дмитріевича, сына Донскаго...» Въ ноябрѣ этого года онъ былъ снова у Великой Княгини въ Твери, и между прочимъ бесѣдовалъ съ нею о положеніи дѣлъ въ Россіи. Ея Высочество просила его изложить высказанныя имъ мысли на бумагѣ, что онъ и исполнилъ затѣмъ въ Москвѣ. Такъ произошла знаменитая «Записка о древней и новой Россіи», отвезенная имъ въ Тверь въ февралѣ 1811 года. По полученіи ея, говорятъ, Великая Княгиня предложила Карамзину мѣсто тверскаго губернатора, но онъ отказался.

Въ мартѣ того-же года посѣтилъ Тверь Императоръ, и Николай Михайловичъ читалъ здѣсь впервые Государю оконченные томы «Исторіи». Государь плѣнился слышаннымъ и обласкалъ историографа, но когда Великая Княгиня передала ему упомянутую выше «Записку» тайкомъ отъ

автора, то вдругъ охладѣлъ къ нему и даже не простился при отъѣздѣ. Великая Княгиня продолжала относиться къ Николаю Михайловичу все съ тою-же благосклонностью и постоянно поддерживала съ нимъ дружескую переписку. Въ іюнѣ 1811 г. онъ былъ снова въ Твери, чтобы откланяться Великой Княгинѣ, уѣзжавшій съ мужемъ принцемъ Ольденбургскимъ въ Вышній Волочекъ. Въ іюнѣ 1812 г. Карамзинъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники.

При нашествіи Наполеона, онъ оставался въ Москвѣ до послѣдней крайности и покинулъ ее только 1 сентября, отправившись въ Нижній Новгородъ, гдѣ ожидала его семья, выбывшая изъ города значительно ранѣе. Покидая Москву, онъ не принялъ никакихъ мѣръ для сохраненія своей библіотеки, собранной годами—она погибла при пожарѣ города. Николай Михайловичъ сохранилъ только свою «Исторію», достигшую уже VI-го тома. Одинъ экземпляръ ея былъ отданъ имъ супругѣ, а другой въ архивъ иностранной коллегіи, заблаговременно спасенной отъ огня. Въ это время Карамзинъ, конечно, не могъ заниматься своимъ трудомъ. Къ тому же присоединились и денежныя затрудненія, вслѣдствіе общей дороговизны и раззоренія крестьянъ. Тѣмъ не менѣе Карамзины участвовали по мѣрѣ силъ въ общихъ пожертвованіяхъ на борьбу съ врагомъ. «Жена моя», пишетъ исторіографъ Дмитріеву, 18-го декабря, «представила на службу 70 человѣкъ, которыхъ вооруженіе и прочее стоило намъ около 10,000 руб.: вотъ весь нашъ доходъ годовой. Даже и пенсіи не получаю, ибо казенная палата еще не открылась».

Въ іюнѣ 1813 г. Карамзины переѣхали въ Москву и Николай Михайловичъ думалъ ѣхать въ Петербургъ, для печатанія написанныхъ уже томовъ. Трудъ его остановился на описаніи царствованія Василія Іоанновича. «Едва ли

могу продолжать ее (исторію)», писалъ онъ брату. «Лучше выдать, пока я живъ». Однако послѣдовавшія событія и взятіе Парижа въ 1814 г. оживили его и онъ привѣтствовалъ возвращеніе Императора на родину одою: «Освобожденіе Европы и слава Александра I.» Ода эта произвела большой эффектъ и была послѣднимъ стихотворнымъ произведеніемъ Карамзина. Императрица Марія Ѳеодоровна прислала ему за нее розу, сорванную собственною рукою. Онъ продолжалъ свой трудъ, закончилъ VII томъ и приступилъ къ VIII-му, который окончилъ въ октябрѣ 1815 г. Наконецъ въ началѣ 1816 г. онъ окончательно порѣшилъ ѣхать въ Петербургъ, для представленія Государю восьми написанныхъ томовъ, и отправился туда.

Въ Петербургѣ онъ былъ принятъ необыкновенно ласково всѣмъ высшимъ обществомъ, съ нѣкоторыми представителями котораго, напр. съ графомъ Каподистріа даже очень сблизился. Наибольшее же удовольствіе находилъ въ бесѣдахъ съ членами литературнаго общества «Арзамасъ», въ числѣ членовъ котораго было нѣсколько близкихъ друзей его, напр. Жуковскій, Дашковъ и др. Представиться Государю однако ему не удавалось долгое время. Наконецъ 15 марта Николай Михайловичъ былъ принятъ Императоромъ и осыпанъ милостями. Ему пожалованъ былъ чинъ статскаго совѣтника, Анненская лента—не за «Исторію», а за «Записку», какъ выразился Государь—и 60 тыс. руб. на печатаніе его труда. Карамзинъ долженъ былъ жить въ Петербургѣ, при чемъ Его Величество милостиво предложилъ ему проводить лѣто въ Царскомъ Селѣ. Вслѣдствіе чего, 25-го мая 1816 г., онъ и переѣхалъ, со всею семьею, въ Царское Село, гдѣ Карамзинымъ отвели на жительство два китайскіе домика. Здѣсь историографъ ежедневно встрѣчался съ Императоромъ и даже удостоивался

посѣщеній его. Обѣ Императрицы также осыпали его привѣтомъ и ласкою; ко вдовствующей Маріи Ѳеодоровнѣ, имѣвшей жительство въ Павловскѣ, онъ приглашался съ супругою два-три раза въ недѣлю.

Въ это время Николай Михайловичъ совершенно оставилъ свои историческія и литературные труды и занялся исключительно типографскими хлопотами. Исторія печаталась въ военной типографіи, которая имѣла не мало недостатковъ. Много приходилось также преодолѣвать разныхъ частныхъ непріятностей, существованіе которыхъ видно уже изъ того, что повелѣнія печатать на условіяхъ, предложенныхъ авторомъ и безъ цензуры, объявлялись по два раза. Для ускоренія хода дѣла, «Исторія» печаталась впослѣдствіи въ 3-хъ типографіяхъ одновременно, кромѣ военной, еще въ сенатской и въ медицинской, но все таки печатанье шло вяло и Карамзинъ былъ, судя по письмамъ, измученъ, какъ этою безурядицею, такъ и многочисленными корректурами. Въ 1817 г. онъ пишетъ Дмитріеву: «Корректурная моя дѣятельность продолжается и доводитъ меня почти до обморока. Вообрази, что печатаю вдругъ въ трехъ типографіяхъ: въ военной, медицинской и сенатской! но вообрази также, что до сего времени не могу кончить и I тома, хотя печатаютъ уже второй, и третій, и четвертый!».

Въ сентябрѣ 1817 г. Николай Михайловичъ составилъ, по случаю отъѣзда Высочайшаго двора въ Москву, для Императрицы Маріи Ѳеодоровны «Записку о достопамятностяхъ этого города». «Записка» эта не предназначалась къ печатанію, но была все-таки помѣщена затѣмъ въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» безъ вѣдома автора и по невѣрному списку, обезображенному многими ошибками, и вызвала сильную критику Каченовскаго въ его «Вѣстникѣ

Европы», на которую Николай Михайловичъ, по своему обыкновенію, не возражалъ.

Наконецъ къ февралю 1818 г., изданіе труда Карамзина было окончено: «Исторія государства Россійскаго» появилась въ свѣтъ въ восьми томахъ. Не смотря на дурную печать и бумагу, цѣна была назначена по 55 руб. ассигнаціями за экземпляръ. Все же интересъ публики къ столь давно ожидавшейся «Исторіи» былъ такъ великъ, что всѣ напечатанные 3 тыс. экземпляровъ разошлись менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ, и Карамзинъ продалъ книгопродавцамъ Сленинымъ право на новое изданіе за вознагражденіе въ 50 тыс. руб., которые должны были быть выплачены въ 5 лѣтъ.

Вслѣдъ затѣмъ Карамзинъ снова приступилъ къ продолженію своего труда. «Я снова принялся за 9-й томъ», пишетъ онъ Дмитріеву отъ 25 марта, «пишу ноты къ первой главѣ». Но трудъ подвигался медленно; вращаніе въ высшихъ сферахъ очень отвлекало его отъ дѣла. Къ тому же лѣтомъ начались опять усиленныя корректурныя занятія по второму изданію «Исторіи». 10-го іюля 1818 года Николай Михайловичъ былъ избранъ въ члены Академіи, единодушно въ торжественномъ засѣданіи ея, по предложенію президента А. С. Шишкова, бывшаго его врага, который въ Петербургѣ, при личныхъ свиданіяхъ, вполнѣ помирился съ нимъ, а по прочтеніи «Исторіи» даже сдѣлался его почитателемъ. По просьбѣ Шишкова, Карамзинъ произнесъ въ торжественномъ засѣданіи Академіи 5-го декабря 1818 г. рѣчь, содержавшую много здравыхъ мыслей, но въ то время произведшую скорѣе невыгодное впечатлѣніе—надъ нею даже подсмѣивались. Темою рѣчи была программа занятій Академіи.

Милости Высочайшаго двора къ Карамзину между тѣмъ все увеличивались. У обѣихъ Императрицъ онъ становился домашнимъ человѣкомъ, очень часто обѣдалъ, проводилъ вечера и говорилъ искренно о всѣхъ предметахъ. Самъ

Императоръ все болѣе и болѣе сближался съ нимъ. Между прочимъ въ одной изъ искреннихъ бесѣдъ Государь сообщилъ ему о мысли своей возстановить Польшу въ ея древнихъ границахъ. Возвратясь домой, Николай Михайловичъ написалъ извѣстную «Записку противъ возстановленія Польши» и въ тотъ же вечеръ 17 октября 1819 г. прочиталъ ее Императору. На «Запискѣ» оставшейся въ бумагахъ Карамзина, приписано его рукою: «Читано Государю въ тотъ же вечеръ. Я пилъ у него чай въ кабинетѣ, и мы пробыли вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ осьми до часу за полночь. На другой день я у него обѣдалъ, обѣдалъ еще и въ Петербургѣ... но мы душею разстались, кажется, на вѣки... Потомство! достоинъ ли я былъ имени гражданина Россійскаго? Любилъ ли Отечество? вѣрилъ ли добродѣтели, вѣрилъ ли Богу!» Карамзинъ ошибся въ мнѣніи, что онъ разошелся съ Государемъ душею на вѣки— Императоръ Александръ сохранилъ вполнѣ прежнее свое благоволеніе къ нему. Популярность «Исторіи» также возростала и уже появилась первый французскій переводъ ея. Въ началѣ 1820 г. Николай Михайловичъ за «Исторію» удостоенъ почетной награды и отъ Академіи. 8-го января онъ присутствовалъ на торжественномъ засѣданіи ея и читалъ нѣкоторыя главы еще не напечатаннаго IX-го тома. По окончаніи чтенія, А. С. Шишковъ предложилъ собранію поднести историографу за труды его по Россійской исторіи большую золотую медаль. Предложеніе это было принято членами единогласно и медаль тутъ же поднесена Карамзину, при громкихъ рукоплесканіяхъ всѣхъ присутствовавшихъ. Къ веснѣ этого года относится заступничество Николая Михайловича за Пушкина, которому за его «рукописныя» сочиненія, распространившіяся во многихъ спискахъ, угрожало серьезное наказаніе. Благодаря ходатайству историографа предъ начальникомъ поэта, графомъ Каподистріа, и Императрицей Маріей Ѳеодоровной, Пуш-

кинъ былъ только удаленъ изъ Петербурга въ Бессарабію, подъ начальство и надзоръ И. Н. Инзова. Въ 1821 году IX-ый томъ «Исторіи» былъ изданъ и Карамзинъ приступилъ къ слѣдующимъ X-му и XI-му томамъ. Онъ писалъ эти томы весь 1822 и часть 1823 года, въ ноябрѣ котораго приступилъ къ печатанію ихъ. Томы эти вышли въ 1824 г., но сбывались вопреки ожиданіямъ, плохо.

Къ пасхѣ въ 1824 г. Карамзинъ былъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Трудъ его продолжался и вызывалъ многочисленныя критики, какъ напримѣръ: строгая Лелевеля, снисходительная нѣмецкаго ученаго Герена и пр. («Исторія» была уже переведена и на нѣмецкій языкъ). Характеръ-же историографа сталъ значительно мѣняться. Въ іюлѣ 1825 г. онъ, по желанію Императора, ѣздилъ съ графомъ Аракчеевымъ осматривать, устроенныя имъ военныя поселенія. Очарованный пріемомъ графа, Николай Михайловичъ, всегда возстававшій противъ поселеній, даже въ откровенныхъ бесѣдахъ съ Государемъ, сталъ вдругъ хвалить ихъ.

1-го декабря 1825 г. скончался благодѣтель Карамзина Александръ I, и историографъ былъ глубоко потрясенъ этою нежиданною кончиною. Извѣстный день 14-го декабря, Николай Михайловичъ провелъ въ Зимнемъ дворцѣ у Императрицъ и такъ писалъ о немъ Дмитріеву отъ 19-го декабря: «Я, мирный историографъ, алкалъ пушечнаго грома, будучи увѣренъ, что не было иного способа прекратить мятежа». Одѣтый по тогдашней модѣ въ чулкахъ и башмакахъ, Карамзинъ вышелъ на площадь, чтобы удостовѣриться лично, гдѣ Государь, и простудился. Эта простуда, а также потрясеніе отъ тяжелыхъ событій не прошли Николаю Михайловичу даромъ — въ началѣ 1826 г. онъ заболѣлъ изнурительною лихорадкою. Въ мартѣ болѣзнь ослабла было, но скоро снова усилилась и медики стали посылать его, для поправленія здоровья, въ Италію. Въ

виду этого Карамзинъ сталъ ходатайствовать о мѣстѣ русскаго резидента во Флоренціи. Императоръ Николай отвѣчалъ милостивымъ письмомъ въ которомъ говорилъ, что «Россійскому исторіографу не нужно подобнаго предлога, дабы имѣть тамъ способъ жить свободно, и заниматься своимъ дѣломъ» и предложилъ заграничный отпускъ на годъ, 50 тыс. руб. на путешествіе и казенный фрегатъ «Елену», для переѣзда моремъ въ Италію. Кромѣ того, чтобы передъ отъѣздомъ больной могъ подышать чистымъ воздухомъ, приказалъ отвести для Карамзиныхъ помѣщеніе въ Таврическомъ дворцѣ, куда они и переѣхали въ началѣ мая 1826 г. Но вотъ получилось новое горестное извѣстіе о смерти Императрицы Елизаветы Алексѣевны, и Николай Михайловичъ не перенесъ новаго удара — состояніе его сдѣлалось безнадежнымъ. Тогда Императоръ Николай, зная о неустроенномъ положеніи его дѣлъ и о неполномъ обезпеченіи его семейства, почтилъ исторіографа 13-го мая 1826 г. слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ:

Николай Михайловичъ!

«Разстроенное здоровье Ваше принуждаетъ Васъ покинуть на время Отечество и искать благопріятнѣйшаго для Васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъявить вамъ мое искреннее желаніе, чтобы Вы скоро возвратились къ намъ, съ обновленными силами, и могли снова дѣйствовать, для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ тоже время и за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ Вашу благородную, безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самого и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую Вы заслуживаете своею жизнію, какъ гражданинъ, своими трудами, какъ писатель. Александръ сказалъ Вамъ: Русскій народъ достоинъ знать свою Исторію. Исторія Вами написанная, достойна Русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, но чего не успѣлъ исполнить братъ мой.

Въ приложенной бумагѣ найдете Вы изъявленіе воли моей, которая будучи съ моей стороны одною только справедливостью, есть для меня и священное завѣщаніе Александра. Желаю, чтобъ путешествіе было Вамъ полезно, и чтобы оно возвратило вамъ силы для довершенія главнаго дѣла вашей жизни. Пребываю Вамъ всегда благосклонный Николай».

Въ приложенномъ же указѣ Министру Финансовъ было слѣдующее: «Исторіографу Россійской Имперіи, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Карамзину, отъѣзжающему для излеченія своего заграницу, повелѣваемъ производить отнынѣ по пятидесяти тысячъ рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы сумма сія, обращаемая ему въ пенсіонъ, была послѣ него производима сполна женѣ его, а по смерти ея также сполна ихъ дѣтямъ—сыновьямъ до вступленія всѣхъ ихъ въ службу, а дочерямъ до замужества послѣдней изъ нихъ».

Карамзинъ былъ глубоко тронутъ этою милостью и отвѣчалъ на другой Государю письмомъ, написанномъ дрожащею рукою. По прочтеніи указа, онъ безпрестанно повторялъ, «это ужъ слишкомъ много». Несмотря на слабость, Николай Михайловичъ все еще надѣялся поправиться. По словамъ близкаго друга его В. А. Жуковскаго, онъ все еще думалъ о будущемъ, о довершеніи своего труда. «Теперь я богатъ», говорилъ онъ, «могу завести себѣ верховую лошадь; постоянное движеніе поможетъ мнѣ возстановить здоровье». Но состояніе его все ухудшалось: 20-го мая онъ впалъ въ безпамятство, а 22-го мая 1826 г. скончался. На другой день посѣтилъ прахъ его, для послѣдняго цѣлованія, Императоръ и горько плакалъ надъ нимъ. Отпѣваніе и погребеніе совершено было 25-го мая, въ Александро-Невскомъ монастырѣ, при многочисленномъ стеченіи народа. Такъ жилъ и умеръ одинъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ русскихъ людей замѣчательной эпохи Александра I...

VI.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

1814—1841 гг.

Нельзя не сознаться, что мы, русскіе, вполнѣ заслуживаемъ упрекъ въ извѣстной долѣ апатіи, проявляемой нами по отношенію къ судьбѣ нашихъ выдающихся дѣятелей; внѣшнія обстоятельства, несущія на себѣ тоже извѣстную долю отвѣтственности, являются, во всякомъ случаѣ лишь второстепенными факторами. Лучшимъ доказательствомъ справедливости нашихъ словъ можетъ служить такой крупный представитель нашей отечественной литературы, какъ М. Ю. Лермонтовъ, біографія котораго и по сіе время все еще такъ мало извѣстна, такъ отрывочна, что по ней рѣшительно нѣтъ возможности составить себѣ всестороннее и полное понятіе о личности покойнаго поэта. Люди, стоявшіе близко къ нему, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ ревниво сохраняютъ про себя воспоминанія о немъ. Исключеній—немного. Да и тѣ, которые рѣшаются прервать молчаніе повѣствуютъ намъ лишь объ одной чисто-внѣшней сторонѣ жизни поэта, о его юнкерскихъ шалостяхъ, о похожденіяхъ въ большомъ свѣтѣ и т. п.

Между тѣмъ послѣднія именно и будятъ въ насъ множество вопросовъ, не давая отвѣта ни на одинъ изъ нихъ.

Лермонтовъ родился въ Москвѣ, 3-го октября 1814 г. Впрочемъ г-жа Хвостова и г. Лонгиновъ, оба оставившіе о поэтѣ свои воспоминанія, (не безупречныя по точности, прибавимъ къ слову) утверждаютъ, что годъ его рожденія слѣдуетъ отнести къ 1815. Разногласіе это служитъ лишь новымъ подтвержденіемъ того недостатка въ матерьялахъ къ подробной біографіи Лермонтова, о которомъ говорили мы выше. Свѣдѣнія о его семьѣ тоже очень скудны. Мать его, Марья Михайловна, была единственной дочерью Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной, страстно привязанной къ дочери и, послѣ ранней утраты ея, перенесшей всю свою привязанность на внука. Марья Михайловна полюбила бѣднаго армейскаго офицера, стоявшаго на общественной лѣстницѣ гораздо ниже ея, и противъ воли матери и родныхъ, вышла за него замужъ. Обстоятельство это, разумѣется, подало поводъ къ цѣлому ряду непріятныхъ столкновеній, породило семейный разладъ. Мать Лермонтова прожила недолго. По рожденіи сына она впала въ изнурительную чахотку и умерла въ 1817 г., когда сыну ея не было еще и трехъ лѣтъ.

По смерти матери Лермонтовъ остался на рукахъ у бабушки, Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой. Повидимому между отцомъ и ею по этому поводу происходила нѣкотораго рода борьба. Такъ напр. въ письмахъ Сперанскаго къ Аркадію Алексѣевичу Столыпину, брату Арсеньевой мы находимъ слѣдующія строки: «Елизавету Алексѣевну ожидаетъ крестъ новаго рода: Лермонтовъ *требуетъ* къ себѣ сына, едва согласился оставить еще на два года. Странный и, говорятъ, худой человѣкъ». Какъ бы то ни было Лермонтовъ остался у бабушки. Отецъ лишь изрѣдка пріѣзжалъ въ Москву и бралъ къ себѣ сына по праздникамъ. Семейный разладъ этотъ, конечно, не могъ пройти совер-

шенно безслѣдно для Лермонтова. Въ замѣткахъ, составленныхъ его учителемъ русскаго языка г. А. З. и напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ (1872 г.), мы читаемъ: «очевидно, что положеніе высоко одареннаго мальчика между аристократическою бабушкою и какимъ-то, рѣдко видаемымъ, бѣдно-обстановленнымъ отцомъ, котораго появленіе въ домѣ непріятно бабушкѣ—этимъ объясняется болѣзненная неровность въ характерѣ Лермонтова»...

Объ отцѣ достовѣрныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Родственники жены, какъ мы видѣли выше, были о немъ нелестнаго мнѣнія; но безпристрастными судьями мы ихъ считать не можемъ. Нѣкоторые рисуютъ его человѣкомъ любившимъ пожить въ свое удовольствіе. Угроза его взять сына къ себѣ заставила Арсеньеву увезти маленькаго Мишу въ пензенскую деревню Тарханы, гдѣ теперь находится могила поэта и гдѣ протекло его дѣтство.

Г. А. З., свидѣтельство котораго мы приводили выше разсказываетъ, что въ домѣ г-жи Арсеньевой все было разсчитано для пользы и удовольствія ея внука. Кругъ знакомства ограничивался, преимущественно, родственниками.

Сначала Лермонтовъ учился дома. Гувернерами были, конечно, иностранцы. Даже нянька его была нѣмка. Особую привязанность питалъ Лермонтовъ къ французу Жендро, капитану наполеоновской гвардіи. Когда Жендро умеръ, оплаканный Лермонтовымъ, его мѣсто занялъ по отзывамъ весьма ученый еврей, Леви. Но съ Леви Лермонтовъ ладилъ хуже. Англійскому языку онъ выучился у слѣдующаго гувернера, мистера Винсона, впослѣдствіи перешедшаго въ домъ графа Уварова. По свидѣтельству русскаго учителя, Лермонтовъ вообще «учился прекрасно, велъ себя благородно и особенные успѣхи оказывалъ въ русской словесности».

Въ 1826 г. г-жа Арсеньева отвезла внука въ Москву, гдѣ онъ поступилъ въ университетскій благородный пансі-

онъ полупансіонеромъ, такъ какъ бабушка рѣшительно не соглашалась разстаться съ своимъ любимцемъ. Въ университетскомъ пансіонѣ Лермонтовъ продолжалъ учиться хорошо и на публичномъ экзаменѣ получилъ первый призъ. Сверхъ того онъ занимался небезуспѣшно музыкой и рисованьемъ.

Г-жа Хвостова въ своихъ запискахъ описываетъ наружность Лермонтова въ этотъ періодъ жизни не особенно лестно: «неуклюжій, косолапый шестнадцатилѣтній мальчикъ, съ красными, но умными, выразительными глазами, съ вздернутымъ носомъ и язвительною усмѣшкою». Свидѣтельству этому однако противорѣчатъ воспоминанія близкихъ къ Лермонтову лицъ. Такъ, г. А. З. утверждаетъ, что если въ наружности Лермонтова и была нѣкоторая неловкость—онъ былъ сутуловатъ, смотрѣлъ въ землю — но ничего не было неуклюжаго и каррикатурнаго. «Какъ теперь смотрю я на моего милаго питомца, говоритъ онъ, отличившагося на пансіонскомъ актѣ, кажется, 1829 г. Среди блестящаго собранія, онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковскаго «Къ Морю» и заслужилъ громкія рукоплесканія. Онъ прекрасно рисовалъ, любилъ фехтованье, верховую ѣзду, танцы, и ничего въ немъ не было неуклюжаго: это былъ коренастый юноша, обѣщавшій сильнаго и крѣпкаго мужа въ зрѣлыхъ лѣтахъ». Далѣе г. А. З. возражаетъ также и противъ того замѣчанія, что Лермонтова грызло честолюбіе, мысль, что онъ дуренъ, незнатнаго происхожденія, желаніе попасть въ люди и быть обязаннымъ въ этомъ только самому себѣ.

Послѣднимъ увѣреніямъ мы, однако, не можемъ дать ни малѣйшей вѣры. Что Лермонтовъ обладалъ этими чертами характера—внѣ всякаго сомнѣнія. Въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ говоритъ прямо: «тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ». Раньше, въ томъ-же письмѣ, онъ жалуется на безсонницу.

Если ужъ человѣку не спится отъ мысли о своемъ ничтожествѣ, то значитъ въ душѣ его порядочный запасъ гордости, честолюбія и т. п. страстей Если наставникъ, слѣдившій повидимому за питомцемъ внимательно и съ любовью, не замѣтилъ ихъ въ немъ, то это слѣдуетъ приписать, во первыхъ, тому обстоятельству, что честолюбіе Лермонтова развилось нѣсколько позже, когда его окружала уже иная, особенно способная развить его среда, во вторыхъ тому, что мальчикомъ, какъ и впослѣдствіи, Лермонтовъ былъ мало разговорчивъ, замкнутъ въ себѣ, несообщителенъ.

Развиваться, мыслить, Лермонтовъ сталъ очень рано; свидѣтельство тому его стихотворенія перваго періода, въ которыхъ въ зачаточномъ состояніи мы находимъ всѣ думы, развитыя имъ позднѣе въ лучшихъ его созданіяхъ. И тогда, какъ впослѣдствіи, въ немъ уже сказывалась сильная, порывистая натура. Въ его стихахъ являются печальные, мрачные мотивы. Такъ напримѣръ въ 1832 г., слѣдовательно только 18 лѣтъ, въ одномъ изъ своихъ французскихъ писемъ, писанныхъ имъ изъ юнкерской школы, онъ вставляетъ слѣдующіе стихи:

Конецъ! Какъ звучно это слово!
Какъ много-мало мыслей въ немъ!
Послѣдній стонъ—и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ; а потомъ?
Потомъ васъ чинно въ гробъ положатъ,
И черви вашъ скелетъ обгложутъ,
А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
Придавитъ монументомъ васъ;
Простивъ вамъ каждую обиду,
Отслужитъ въ церкви панихиду,
Которой—(я боюсь сказать)
Не суждено вамъ услыхать;
И если вы скончались въ вѣрѣ,
Какъ христіанинъ, то гранитъ
На сорокъ лѣтъ по крайней мѣрѣ
Названье ваше сохранитъ
Съ двумя плачевными стихами,
Которыхъ, къ счастію вы сами

Не прочитаете во вѣкъ.
Когда жъ чиновный человѣкъ
Захочетъ мѣста на кладбищѣ,
То ваше тѣсное жилище
Разроетъ заступъ похоронъ
И грубо выкинетъ васъ вонъ;
И можетъ быть изъ вашей кости,
Подливъ воды, подсыпавъ крупъ,
Кухмистеръ изготовитъ супъ—
(Все это дружески, безъ злости)
А тамъ голодный аппетитъ
Хвалить васъ будетъ съ восхищеньемъ,
А тамъ желудокъ васъ сваритъ,
А тамъ—но съ вашимъ позволеньемъ
Я здѣсь окончу свой разсказъ,
И этого довольно съ васъ.

Страсти тоже рано пробудились въ поэтѣ. Когда ему было десять лѣтъ, бабушка брала его съ собою на Кавказъ, куда вся семья ѣздила на воды. Лермонтовъ, въ своей ученической тетради, упоминаетъ объ этой поѣздкѣ и разсказываетъ, что тамъ онъ страстно влюбился въ дѣвочку лѣтъ девяти. Замѣтку свою онъ заканчиваетъ словами: «горы Кавказскія для меня священны». Вообще дикая и величественная природа Кавказа произвела на Лермонтова сильное впечатлѣніе.

Кончивъ курсъ въ благородномъ пансіонѣ, Лермонтовъ поступилъ въ московскій университетъ. Здѣсь, впрочемъ онъ оставался не долго. Г-жа Е. А. Ладыженская, сестра г-жи Хвостовой, написавшая свои замѣчанія на «Воспоминанія» послѣдней, утверждаетъ, что удаленіе Лермонтова изъ университета послѣдовало вслѣдствіи желанія его перейти въ Петербургъ. Петербургскій университетъ дозволилъ переходъ не иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ Лермонтовъ выдержалъ вступительный экзаменъ. Такое требованіе вывело Лермонтова изъ себя и онъ съ досады поступилъ въ юнкерскую школу. «Шумъ, произведенный этимъ дѣломъ, пишетъ она, совершенно извратившимъ карьеру молодого человѣка, который преимущественно отличался умствен-

ными способностями, вызвалъ начальство установить съ той поры, что студенты могутъ переходить изъ одного университета въ другой, ничего не теряя изъ своихъ ученыхъ годовъ». По другимъ свѣдѣніямъ Лермонтовъ былъ исключенъ изъ университета за шалость.

Какъ бы то ни было, въ 1831 г. Лермонтовъ оставилъ университетъ, переѣхалъ въ Петербургъ и сталъ готовиться въ юнкерскую школу. Что побудило его на столь рѣзкій переходъ? — Отвѣчать можно только догадками. Выше мы приводили отрывки изъ его писемъ, свидѣтельствующія, что несмотря на его юность, жажда славы, отличій, не давала ему покоя. Стремленіе первенствовать, выдвинуться изъ толпы, постоянно руководило имъ. Съ такими задатками онъ неминуемо долженъ былъ тяготиться неопредѣленностью своего положенія въ свѣтѣ. Аристократическая бабушка и отецъ, бѣдный, армейскій секундъ - маіоръ, если такъ можно выразиться, сталкивались безпрестанно въ его мысляхъ и парализовали другъ друга. Кромѣ того надо также взять во вниманіе и то обаяніе, какое производилъ военный мундиръ на молодежь того времени. Всѣ товарищи Лермонтова шли по этой дорогѣ. Очень естественно, что и его увлекъ общій потокъ, тѣмъ болѣе, что военная жизнь, въ ту пору, служила синонимомъ какого-то изъ ряду вонъ веселаго, разудалаго, безшабашнаго и вольнаго существованья. Домашнее воспитаніе, полученное Лермонтовымъ, при всемъ своемъ наружномъ блескѣ, едва-ли можетъ считаться фундаментальнымъ. Скорѣй всего, что оно концетрировалось около знанія иностранныхъ языковъ. Ни подготовкой, ни характеромъ Лермонтовъ не годился для роли ученаго. Кромѣ-же ученой карьеры, существовала только чиновническая, дипломатическая. Очень естественно, что поэтъ не остановился на ней.

Двухгодичное пребываніе Лермонтова въ юнкерской школѣ (1832—1834) ознаменовано цѣлымъ рядомъ не со-

всѣмъ похвальныхъ школьничествъ. Царствовавшій между юнкерами духъ ерничества отразился и на немъ. Слѣды вліянія названной среды, равно какъ и физіономія послѣдней, всего ярче отражаются въ стихотвореніяхъ Лермонтова того періода, принадлежащихъ къ извѣстной категоріи «нескромныхъ». Таковы «Уланша», «Петергофскій праздникъ» и нѣкоторыя другія.

Между товарищами своими, пишетъ одинъ изъ «однокашниковъ» поэта, Лермонтовъ ничемъ не отличался отъ другихъ. Въ школѣ Лермонтовъ имѣлъ страсть приставать съ своими острыми и часто даже злыми насмѣшками къ тѣмъ изъ товарищей, съ которыми онъ былъ болѣе друженъ. Разумѣется, тѣ платили ему тѣмъ-же, и это его очень забавляло». Привычка эта, какъ извѣстно, осталась о Лермонтова навсегда и была отчасти причиной его преждевременнаго конца. Тотъ-же его товарищъ далѣе разсказываетъ: «Лермонтовъ былъ довольно силенъ, въ особенности имѣлъ большую силу въ рукахъ, и любилъ состязаться въ томъ съ юнкеромъ Карачинскимъ, который извѣстенъ былъ по всей школѣ, какъ замѣчательный силачъ — онъ гнулъ шомпола и дѣлалъ узлы, какъ изъ веревокъ. Много пришлось за испорченные шомпола гусарскихъ карабиновъ переплатить ему денегъ унтеръ-офицерамъ, которымъ поручено было сбереженіе казеннаго оружія. Однажды оба они въ залѣ забавлялись подобными tours de force; вдругъ вошелъ туда директоръ школы, генералъ Шлиппенбахъ. Каково было его удивленіе, когда онъ увидалъ подобныя занятія юнкеровъ. Разгорячась, онъ началъ дѣлать имъ замѣчанія»:—Ну, не стыдно-ли вамъ такъ ребячиться! Дѣти что-ли вы, чтобъ такъ шалить! .. Ступайте подъ арестъ? Ихъ арестовали на одни сутки. Послѣ того Лермонтовъ презабавно разсказывалъ намъ про выговоръ, полученный имъ и Карачинскимъ. «Хороши дѣти,—повторялъ онъ,—которыя могутъ изъ желѣзныхъ шомполовъ вязать узлы».

Въ школѣ у всѣхъ почти юнкеровъ были свои шуточныя наименованія. Лермонтовъ носилъ названіе Маёшки вѣроятно вслѣдствіи своей сутуловатости, такъ какъ въ «Notre Dame de Paris» одно изъ дѣйствующихъ лицъ, уродливое и горбатое, носитъ это имя. Подъ этимъ прозвищемъ Маешки Лермонтовъ фигурируетъ въ написанной имъ шуточной и нескромной поэмѣ «Монго» (Монго — Столыпинъ, товарищъ и родственникъ Лермонтова).

Впрочемъ, если общій духъ, царствовавшій въ школѣ и отразился на Лермонтовѣ, то все-таки, онъ не могъ уничтожить въ конецъ тѣхъ лучшихъ задатковъ, которые таились въ душѣ юноши. Отдавая различныя нескромныя поэмы въ журналъ, выходившій одно время въ школѣ, Лермонтовъ не любилъ даже показывать товарищамъ своихъ другихъ стихотвореній. По вечерамъ, послѣ учебныхъ занятій, онъ часто уходилъ въ отдаленныя классныя комнаты, въ то время пустыя, и тамъ одинъ просиживалъ долго и писалъ до поздней ночи, стараясь туда пробраться незамѣченнымъ товарищами. Вообще съ самаго поступленія въ юнкерскую школу въ Лермонтовѣ преобладало мрачное настроеніе. Такъ, письмо свое, гдѣ говоритъ о поступленіи въ юнкерское училище, онъ начинаетъ такъ: «Не умѣю представить себѣ, какое дѣйствіе произведетъ на васъ моя великая новость; до сихъ поръ я жилъ для поприща литературнаго, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я — воинъ. Быть можетъ тутъ есть особенная воля Провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли, можетъ быть по немъ дойду до послѣдней цѣли всего существующаго; вѣдь лучше умереть со свинцомъ въ груди, чѣмъ отъ медленнаго старческаго истощенія. И такъ, если начнется война, клянусь вамъ Богомъ, что я всегда буду впереди». — И далѣе: «Нѣсколько дней я былъ въ тревогѣ,

теперь прошло; все кончилось: я жилъ, я слишкомъ скоро созрѣлъ; и затѣмъ нѣтъ больше мѣста чувствованіямъ...

Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ
И вдохновеній мирныхъ! Но, безумный,
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ,
И сердце бросилъ въ море жизни шумной:
И міръ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Такъ сочный плодъ, до времени созрѣлый,
Между цвѣтовъ виситъ осиротѣлый;
Ни вкуса онъ не радуетъ, ни глазъ,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
И жадный червь его грызетъ, грызетъ,
И между тѣмъ какъ нѣжныя подруги
Колеблются не вѣтвяхъ—ранній плодъ
Лишь тяготитъ свою... до первой вьюги!
— Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межь людьми ни рабъ, ни властелинъ,
И все что чувствуетъ—онъ чувствуетъ одинъ!

Изъ тѣхъ же писемъ видно также, что въ душѣ Лермонтова произошло какое-то раздвоеніе, внутренній разладъ. Окружающая обстановка неудовлетворяла его. Онъ искалъ внѣшнихъ развлеченій, шумныхъ удовольствій. «Еслибъ вы знали, какую жизнь я намѣренъ повести, пишетъ онъ, это будетъ прелестно! Во первыхъ, развлеченья, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете; но увы! пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше вѣры; мнѣ нужны наслажденія матерьяльныя, счастіе осязательное, такое счастіе, которое покупается золотомъ, чтобъ я могъ носить его съ собой въ карманѣ какъ табакерку, которое бы только обманывало мои чувства, оставляя мою душу въ покоѣ и въ бездѣйствіи». «Впередъ знайте, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую и говорю иначе, и Богъ вѣсть, что еще изъ меня выйдетъ въ продолженіи года. До сихъ поръ я только и дѣлалъ, что сбивался съ колеи; теперь я смѣюсь надъ этимъ, смѣюсь надъ собою и надъ другими. Я отцвѣлъ

для наслажденій, и они мнѣ надоѣли, хоть я и пользовался ими. Но это очень грустный предметъ»... Нѣсколько ранѣе онъ писалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ вамъ, со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я право не знаю, какимъ путемъ идти мнѣ—путемъ ли порока или пошлости. Конечно, оба эти пути ведутъ часто къ той-же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постараетесь утѣшать меня—это было бы лишнее! Я счастливѣе чѣмъ когда нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Вамъ не нравятся эти выраженія, но увы: скажи мнѣ, съ кѣмъ ты видишься, и я скажу, кто ты таковъ».

Лермонтовъ поступилъ въ школу лейбъ-гусарскимъ юнкеромъ, такъ какъ въ то время юнкера числились въ полкахъ и носили присвоенный ихъ частямъ мундиръ Поступленіе его на службу унтеръ-офицеромъ считалось съ 13 ноября 1832 г. Въ 1834 г. онъ былъ произведенъ въ корнеты. Съ этого момента начинается для Лермонтова разсѣянная жизнь въ свѣтскомъ кругу, наполненная различными похожденіями, побѣдами надъ женскими сердцами и т. п.

Между матерьяломъ любопытнымъ для біографіи Лермонтова А. Н. Пыпинъ указываетъ на ученическія тетради, идущія отъ 1827 до 1831 г., по которымъ можно хронологически прослѣдить, какъ рано пробудилась въ Лермонтовѣ потребность поэтической дѣятельности, на какихъ мотивахъ она останавливалась, какіе идеалы занимали его и съ какой любовью онъ отдавался своей поэзіи. Между ними мы встрѣчаемъ также и переписки особенно нравившихся Лермонтову вещей (Шильонскій узникъ, Жуковскаго, и Бахчисарайскій фонтанъ, Пушкина). Первая поэма Лермонтова, «Черкесы», относился къ 1827 г. затѣмъ слѣдуютъ «Кавказскій плѣнникъ» куда вошли цѣликомъ нѣкоторыя стихи Пушкина, «Корсаръ», «Мелкія стихотворенія», (1829 г.), переводы изъ Шиллера (Перчатка и др.), поэма

«Преступникъ», первый очеркъ «Демона» и двѣ неоконченныя повѣсти «Олегъ» и «Два брата». Къ 1830 г. относиться второй очекъ «Демона», нѣсколько стиховъ изъ «Каина» Байрона, много мелкихъ стихотвореній, прозаическія переводы изъ Байрона и трагедія въ стихахъ: «Испанцы».

Въ 1831 г. написанъ третій очеркъ «Демона» романтическая драма «Странный человѣкъ», восточная повѣсть въ стихахъ «Ангелъ смерти», первый очеркъ «Бородино» и множество сюжетовъ и плановъ для предполагавшихся, но большею частію не выполненныхъ поэмъ, драмъ и трагедій.

Въ 1832 г. написанъ «Измаилъ-Бей» и цѣлый рядъ поэмъ и повѣстей въ стихахъ. «Хаджи-Абрекъ» написанъ въ юнкерской школѣ

О вліяніи Байрона на поэзію Лермонтова говорено было очень много. Одинъ изъ критиковъ, а именно Дудышкинъ, доходитъ напримѣръ до того, что прямо отрицаетъ самостоятельность мрачного элемента въ поэзіи Лермонтова, всецѣло приписывая ее вліянію великаго британскаго поэта. Нечего говорить, что подобное заключеніе нелѣпо: будь Лермонтовъ въ существеннѣйшей части своего творчества простымъ подражателемъ—никогда не имѣть бы его поэзіи и сотой доли того громаднаго вліянія на современниковъ, какое безспорно имѣлъ онъ. Всего вѣрнѣе, что Байронъ именно оттого и повліялъ такъ на Лермонтова, что послѣдній встрѣтилъ у него много родственнаго, близкаго къ себѣ. Лермонтовъ съ особою любовью останавливается на самыхъ мелкихъ, чисто внѣшнихъ обстоятельствахъ, которыя, по его мнѣнію, сближаютъ его съ излюбленнымъ имъ поэтомъ. «Есть сходство въ жизни моей съ лордомъ Байрономъ, пишетъ онъ напримѣръ. Его матери въ Шотландіи предсказала старуха, что онъ будетъ *великій человѣкъ* и будетъ два раза *женатъ*. Про меня на Кавказѣ предсказала тоже самое старуха моей бабушкѣ. Дай Богъ, что-

бы и надо мной сбылось, хотя-бъ я былъ также несчастливъ, какъ Байронъ. Къ слову прибавимъ, что суевѣріе и фатализмъ были въ довольно сильной степени присущи Лермонтову.

Смерть Пушкина (1837 г.), какъ извѣстно, произвела въ Петербургѣ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ особенности волновалась молодежь. Очень естественно, что и Лермонтовъ отнесся къ этому событію небезучастно. Въ извѣстномъ стихотвореніи своемъ онъ явился какъ бы представителемъ общаго негодованія и общей скорби. Хотя стихотвореніе Лермонтова при первомъ своемъ появленія въ публикѣ оканчивалось словами: «Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ, и на устахъ его печать!» т. е. было безъ заключительной строфы, тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ кружкахъ стихотвореніе это произвело неблагопріятное впечатлѣніе.

Случилось Лермонтову столкнуться съ однимъ изъ своихъ родственникомъ, Н. А. С—мъ, принадлежавшимъ къ той части высшаго общества, которая къ Пушкину относилась холодно, почти враждебно, Дантеса же оправдывала. Возгорѣлся жаркій споръ. Лермонтовъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, тутъ-же набрасалъ энергическую, дышащую негодованіемъ заключительную строфу.

Распространеніе въ публикѣ подобнаго стихотворенія при тогдашнихъ условіяхъ грозило серьезными непріятностями для автора. Лермонтовъ кинулся къ А. Н. Муравьеву и просилъ его замолвить за него словечко у Мордвинова. Произошло недоразумѣніе. «На другой день, пишетъ Муравьевъ; я поѣхалъ къ моему родичу. Мордвиновъ былъ очень занятъ и не въ духѣ: «Ты всегда съ старыми вещами, сказалъ онъ, я давно читалъ эти стихи графу Бенкендорфу, и мы не нашли въ нихъ ничего предосудительнаго». Обрадовавшись такою вѣстью, я поспѣшилъ къ Лермонтову, чтобы его успокоить, и не заставъ дома, написалъ ему отъ слова до слова то, что сказалъ мнѣ Мордви-

новъ. Когда же возвратился домой, нашелъ у себя его записку, въ которой онъ опять просилъ моего заступленія, потому что ему грозитъ опасность. Долго ожидая меня, написалъ онъ на томъ же листкѣ чудные свои стихи «Вѣтка Палестины», которые по внезапному вдохновенію у него исторглись въ моей образной, при видѣ палестинскихъ пальмъ, принесенныхъ мною съ востока»...

Дѣло въ томъ, что Мордвинову стихи Лермонтова были извѣстны лишь въ первоначальной редакціи. Вечеромъ того же дня Лермонтова арестовали.

По другимъ свѣдѣніямъ гр. Бенкендорфъ нашелъ нужнымъ доложить о стихахъ на смерть Пушкина Государю, потому что нѣкоторые узнавали себя въ этихъ стихахъ, и о нихъ заговорила съ графомъ одна озлобленная старуха сплетница изъ высшаго круга. Начальнику гвардейскаго штаба, Веймарну, велѣно было произвести у Лермонтова въ Царскомъ селѣ обыскъ. Лермонтовъ, однако, тамъ не жилъ, а постоянно пребывалъ въ Петербургѣ. Потому въ Царскомъ найдена лишь нетопленная квартира, да пустые ящики. Записка А. Н. Муравьева попалась при обыскѣ. Начались новыя недоразумѣнія. Мордвинова потребовали къ гр. Бенкендорфу. Возвратясь оттуда Мордвиновъ накинулся на Муравьева «При тогдашней строгости, замѣчаетъ послѣдній это могло дурно для меня кончиться; но меня выручилъ изъ бѣды бывшій начальникъ штаба жандармскаго корпуса, генералъ Дубельтъ. Когда Веймаръ показалъ ему мою записку, уже пришитую къ дѣлу, Дубельтъ очень спокойно у него спросилъ: «что онъ думаетъ о стихахъ Лермонтова безъ конечнаго къ нимъ прибавленія?» тотъ отвѣчалъ: что въ четырехъ послѣднихъ стихахъ и заключается весь ядъ. «А если Муравьевъ ихъ не читалъ, точно также какъ и Мордвиновъ, который ввелъ его въ такой промахъ? «возразилъ Дубельтъ. Веймаръ одумался и оторвалъ мою записку отъ дѣла».

Иные утверждаютъ, что Лермонтовъ не былъ заключаемъ подъ арестъ. Такъ или иначе, но Лермонтова изъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка перевели прапорщикомъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, находившійся на Кавказѣ.

Пребываніе Лермонтова на Кавказѣ было непродолжительно. Арсеньева энергически хлопотала за внука и въ концѣ 1837 г. или въ началѣ 1838 г. съ достовѣрностью неизвѣстно, онъ былъ возвращенъ въ гвардію, сначала въ гродненскій, а затѣмъ и лейбъ-гусарскій полкъ. Изъ писемъ Лермонтова мы видимъ, что ссылка его на Кавказъ, придала ему новый интересъ въ глазахъ свѣта и по возвращеніи своемъ оттуда онъ сталъ положительно львомъ гостиныхъ и салоновъ. Лермонтовъ всецѣло предался вихрю удовольствій и велъ самый разсѣянный, часто свѣтскій образъ жизни. Воспоминанія г. Хвостовой, нѣкоторое время бывшей цѣлью ухаживанья Лермонтова, затѣмъ брошенной имъ, застаютъ его именно въ этотъ періодъ его жизни.

Въ 1835 г. въ Библіотекѣ для Чтенія напечатанъ «Хаджи-Абрекъ». Въ 1837 г. и 1848 г. появились въ Современникѣ «Бородино» и «Казначейша». «Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ» напечатана въ 1838 г въ литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду, «Споръ» въ Москвитянинѣ 1841 г. Первое изданіе «Стихотвореній» вышло въ 1840 г. Въ томъ же и слѣдующемъ году—два изданія «Героя нашего времени».

Появленіе въ печати «Пѣсни о Калашниковѣ» обязано заступничеству Жуковскаго, пришедшаго отъ нея въ совершенный восторгъ.

Въ февралѣ 1840 г. Лермонтовъ дрался на дуэли съ Барантомъ, сыномъ извѣстнаго историка и французскаго посланника при нашемъ дворѣ. Поводомъ послужили какія-то слова, сказанныя Лермонтовымъ, въ которыхъ онъ не хотѣлъ извиниться. Барантъ вызвалъ его на балѣ у

гр. Лаваль. Дуэль была сначала на шпагахъ, потомъ на пистолетахъ, такъ какъ шпага Лермонтова сломалась. Лермонтовъ получилъ легкую царапину; самъ же выстрѣлилъ на воздухъ.

Такъ какъ послѣднее обстоятельство могло служить смягчающимъ вину, то Лермонтовъ и упомянулъ о немъ на слѣдствіи. Баранту объясненіе это не понравилось. Онъ сталъ утверждать, что факты извращены. Лермонтовымъ. Между поэтомъ, заключеннымъ на гауптвахтѣ и сыномъ посланника произошло объясненіе. Лермонтовъ предложилъ послѣднему возобновить дуэль, коль скоро онъ будетъ выпущенъ на свободу. Барантъ удовольствовался объясненіемъ, а Лермонтовъ поплатился за него, такъ какъ оно отягчило его вину.

13-го апрѣля 1840 г. Лермонтовъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ пѣхотный Тенгинскій полкъ на Кавказъ. Тотчасъ по прибытіи къ мѣсту своего назначенія онъ отправился въ экспедицію противъ чеченцовъ. Ранѣе впрочемъ, а именно въ 1837 г. онъ уже бывалъ за Кубанью и участвовалъ въ дѣлѣ подъ начальствомъ генерала Вельяминова.

Въ концѣ 1840 г. Лермонтовъ побывалъ въ Петербургѣ и Москвѣ, а въ началѣ 1841 г. возвратился къ своему посту. Пріѣхавъ на Кавказъ, онъ взялъ отпускъ по болѣзни и поселился въ Пятигорскѣ, въ кругу близкихъ пріятелей, каковы: М. П. Глѣбовъ, С. В. Трубецкой, кн. Васильчиковъ.

О послѣдней дуэли Лермонтова, изъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ свѣдѣній, существуетъ только свидѣтельство друга его, кн. Васильчикова. Дравшійся съ нимъ, отставной маіоръ Мартыновъ, отказался отъ разъясненій. Мы, слѣдовательно, можемъ привести здѣсь только разсказъ Васильчикова. Приступая къ изложенію дѣла послѣдній говоритъ: «глубокое уваженіе къ памяти поэта и добраго

товарища не увлечетъ меня до односторонняго обвиненія того, кому, по собственному его выраженію, злой рокъ судилъ быть убійцей Лермонтова». Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же Васильчиковъ замѣчаетъ: «Отдавая полную справедливость внутренинимъ побужденіямъ, которыя внушали Лермонтову глубокое отвращеніе къ современному обществу, нельзя однако не сознаться что это настроеніе его ума и чувствъ было невыносимо для людей, которыхъ онъ избиралъ цѣлью своихъ придирокъ и колкостей безъ всякой видимой причины, а просто какъ предметъ, надъ которымъ онъ изощрялъ свою наблюдательность»...

Въ Пятигорскѣ Лермонтовъ и Мартыновъ встрѣчались въ домѣ генеральши Верзилиной. Есть слухи, что одна изъ дочерей послѣдней, красавица, интересовала собой обоихъ молодыхъ людей. Мартыновъ, повидимому, былъ счастливѣе Лермонтова. Онъ отличался стройностью фигуры, выразительностью чертъ и высокимъ ростомъ. Носилъ обыкновенно бѣлый бешметъ и суконную черкеску, рукава которой любилъ засучивать. Послѣднее обстоятельство собственно и послужило ближайшимъ поводомъ къ ссорѣ. Лермонтовъ жестоко преслѣдовалъ Мартынова своими сарказмами. Говорятъ будто онъ зналъ маіора еще въ Петербургѣ и недоразумѣніе между ними, притомъ не въ пользу поэта, шло и съ этой стороны. Какъ бы то ни было Лермонтовъ, на балу у генеральши Верзилиной при всемъ обществѣ подтрунилъ надъ засученными рукавами Мартынова. Выходя изъ дома на улицу, Мартыновъ подошелъ къ Лермонтову и сказалъ ему очень тихимъ и ровнымъ голосомъ по французски: «Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень часто терпѣлъ ваши шутки, но я не люблю, чтобы ихъ повторяли при дамахъ». Лермонтовъ такимъ-же спокойнымъ тономъ отвѣчалъ: «а если не любите, то потребуйте у меня удовлетворенія» оба затѣмъ разошлись и друзья думали, что все дѣло этимъ и окончилось.

Дуэль, однако, состоялась 15 іюля въ $6^1/_2$ ч. вечера. Барьеръ былъ отмѣренъ въ 15 шаговъ и отъ него въ обѣ стороны еще по 10 шаговъ. Оба стояли на крайнихъ точкахъ и, по условію, могли стрѣлять когда вздумается, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру. Мартыновъ первый подошелъ къ барьеру. Лермонтовъ остался неподвиженъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслоняясь рукой и локтемъ по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста. Въ эту минуту и въ послѣдній разъ, говоритъ кн. Васильчиковъ, я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленнаго на него. Мартыновъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и выстрѣлилъ. Лермонтовъ упалъ, какъ будто его скосило на мѣстѣ, не сдѣлавъ движенія ни взадъ, ни впередъ, не успѣвъ даже захватить больное мѣсто, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди раненные или ушибленные. Мы подбѣжали. Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ—сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкія».

Лермонтовъ былъ похороненъ на кладбищѣ въ Пятигорскѣ, но затѣмъ прахъ его перевезенъ въ имѣніе его бабушки, Тарханы, Пензенской губерніи.

Извѣстія о смерти Лермонтова появилось въ Одесскомъ Вѣстникѣ въ слѣдующемъ видѣ: «15 іюля, около 5 часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ: въ это самое время, между горами Машукою и Бештау, скончался лечившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ».

Говорятъ что вышеупомянутая гроза разразилась сильнымъ ударомъ грома въ то самое мгновеніе, какъ выстрѣлъ изъ пистолета повергъ Лермонтова на землю.

VII.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.

1795—1829 г.

Грибоѣдовъ родился 4 января 1795 г. въ Москвѣ. Отецъ его, Сергѣй Ивановичъ, имѣлъ чинъ не большой (секундъ-майора), но родъ свой велъ отъ старинной дворянской фамиліи, польскаго происхожденія, многіе члены которой занимали важныя государственныя должности еще въ до-петровскія времена. Жили Грибоѣдовы въ собственномъ домѣ (сохранившемся и по настоящее время), въ аристократическомъ кварталѣ, вращались въ высшемъ обществѣ и, вообще, любили тянуться за старой знатью. Мать писателя, Настасья Ѳеодоровна, происходившая тоже изъ рода Грибоѣдовыхъ, но отъ другой его вѣтви, въ особенности отличалась пристрастіемъ своимъ къ родовитости, приличіямъ, связямъ и т. д. Свято блюла она традиціи своего круга и во всемъ подчинялась его законамъ. Въ домѣ первенствующую роль играла она; на нея же, въ свою очередь, сильно вліялъ братъ ея, Алексѣй Ѳеодоровичъ Грибоѣдовъ, являвшійся для сестры образцомъ знатнаго барина. Подъ его руководствомъ заключались новыя связи, регулировались привычки и обычаи, дѣлались необходимые визиты и проч.

Алексѣй Ѳеодоровичъ впослѣдствіи послужилъ племяннику прототипомъ Фамусова.

Несмотря однако на свои смѣшныя слабости Настасья Ѳеодоровна къ воспитанію сына относилась совершенно иначе, чѣмъ вообще принято въ родственной ей сферѣ и постаралась дать молодому Грибоѣдову серьезныя, фундаментальныя и обширныя свѣдѣнія. Грибоѣдовъ учился дома. Первымъ наставникомъ его былъ Петрозиліусъ, человѣкъ чрезвычайно ученый, издавшій первый обстоятельный каталогъ московской университетской библіотеки, но нѣсколько педантичный. Грибоѣдовъ, разумѣется, по живости своего ума, не могъ привязаться къ подобному наставнику. Петрозиліуса, впрочемъ, въ скоромъ времени замѣнилъ гувернеръ Богданъ Ивановичъ Іонъ, который кромѣ весьма солидныхъ знаній отличался чрезвычайно симпатичнымъ характеромъ. Для Грибоѣдова онъ сталъ не только наставникомъ, но другомъ, и руководителемъ. Первый во всю свою жизнь хранилъ къ нему самую теплую привязанность. На предполагавшейся дуэли Грибоѣдова съ Якубовичемъ секундантомъ былъ Іонъ. Впослѣдствіи, когда Грибоѣдова не стало, старикъ гувернеръ любилъ сходиться съ его другомъ Бѣгичевымъ и оба вмѣсти оплакивали погибшаго.

Іонъ, впрочемъ, былъ не единственнымъ наставникомъ Грибоѣдова. Трудъ этотъ раздѣляли и другіе преподаватели, дававшіе уроки каждый по своей спеціальности. Оставшіяся послѣ Александра Сергѣевича записныя тетради свидѣтельствуютъ о его усидчивости, способности къ изслѣдованіямъ чисто научныхъ вопросовъ и, вообще, рисуютъ его какъ человѣка, въ которомъ были задатки для замѣчательнаго ученаго.

Кромѣ наукъ съ неменьшимъ усердіемъ Грибоѣдовъ занимался и музыкою, бывшей въ домѣ его родителей въ большемъ почетѣ. Тамъ, по вечерамъ, очень часто собирались любители и составлялись небольшіе домашніе концерты.

Впослѣдствіи онъ бралъ уроки у извѣстнаго петербургскаго профессора гармоніи, Іоганна Миллера и такимъ образомъ усвоилъ себѣ не только практическія, но и весьма солидныя теоритическія свѣдѣнія. Любовь къ музыкѣ не покидала Грибоѣдова никогда, онъ остался ей вѣренъ до самой смерти.

Настасья Ѳеодоровна, заботясь о солидномъ образованіи сына не упускала однако изъ виду и чисто практическихъ цѣлей. По ея мнѣнію образованіе это должно было служить первой ступенью для дальнѣйшихъ успѣховъ въ свѣтѣ, открыть дорогу къ блестящей карьерѣ. И вотъ, благодаря этому обстоятельству, Грибоѣдовъ, окончивъ домашнее воспитаніе, въ 1810 г., поступаетъ въ университетъ. Соображенія относительно карьеры заставили Настасью Ѳеодоровну остановиться на этико-политическомъ отдѣленіи, открывавшемъ будущему кандидату путь къ дипломатическому поприщу; но, по существовавшимъ въ то время правиламъ, молодой Грибоѣдовъ, въ свободное отъ юридическихъ лекцій время, могъ посѣщать также и лекціи другихъ профессоровъ, чѣмъ онъ, разумѣется, и пользовался. Ради удаленія вредныхъ вліяній Грибоѣдовъ былъ опредѣленъ въ университетъ вольнослушателемъ и не ѣздилъ туда иначе, какъ въ сопровожденіи гувернера.

Въ ту эпоху московскій университетъ въ числѣ своихъ профессоровъ считалъ нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ спеціалистовъ, относившихся къ дѣлу самымъ добросовѣстнымъ образомъ, перенесшихъ на нашу почву традиціи лучшихъ западныхъ университетовъ. Занятія ихъ не ограничивались чтеніемъ лекцій. Студентовъ они считали своими друзьями, открывали имъ дома свои и входили во всѣ мелочи ихъ быта и потребностей. Нѣкоторые изъ нихъ устраивали даже частные курсы, посвященные подробному изученію отдѣльныхъ вопросовъ исторіи, эстетики и философіи.

Самымъ крупнымъ представителемъ этихъ достойныхъ

профессоръ является Іоганнъ Теофиль Буле, перешедшій въ Москву изъ геттингенскаго университета. По видимому Грибоѣдовъ еще до поступленія въ университетъ посѣщалъ частные курсы этого ученаго, читавшіеся имъ на дому для студентовъ. Буле, между прочимъ, былъ горячимъ поклонникомъ Аристотеля и изучалъ сущность и основы драмы, въ то же время отдавая всю свою симпатію комедіи. Душевной веселости и средству поддерживать и развивать ее онъ посвятилъ цѣлое сочиненіе. Образцомъ ему служили, разумѣется, классики. За собой онъ увлекъ также и Грибоѣдова, который съ особой любовью началъ изучать Плавта и Теренція. Буле умѣлъ цѣнить даровитаго юношу и часто одному ему посвящалъ продолжительныя бесѣды, рано пріучившія Грибоѣдова къ отвлеченному мышленію. Вліяніе Буле именно оттого и было благотворно, что положило прочное основаніе литературному образованію Грибоѣдова. Отъ ложнаго же псевдо-классицизма своего учителя онъ отрѣшился весьма быстро.

Очень естественно, что, вращаясь въ новой, лучшей средѣ, Грибоѣдовъ невольно сталъ сравнивать ее съ той, въ которую судьбѣ было угодно забросить его съ рожденія. Въ душѣ его мало по малу зародились догадки, сомнѣнія, возникъ роковой разладъ. Внѣшней же поддержки искать ему было не у кого. Ближе всего стояла къ нему старшая сестра его, Софья, но и она тоже не могла раздѣлять его новыхъ стремленій. О прочихъ, разумѣется, и говорить нечего. Мать его не только не сочувствовала первымъ попыткамъ сына на литературномъ поприщѣ, но относилась къ нимъ съ явнымъ презрѣніемъ. Какое впечатлѣніе производила на юношу деспотическая опека дяди, можно судить потому, что, какъ говорено выше, дядя этотъ воплощенъ имъ въ послѣдствіи въ Фамусовѣ. Чрезвычайно любопытенъ и характеренъ недавно открытый черновой набросокъ Грибоѣдова, служащій характеристикой личности

Фамусова. «Вотъ характеръ, который почти исчезъ въ наше время, пишетъ въ немъ Грибоѣдовъ, но двадцать лѣтъ тому назадъ былъ господствующимъ, характеръ моего дяди. Историку предоставляю объяснить, отчего въ тогдашнемъ поколѣніи развита была повсюду какая-то смѣсь пороковъ и любезности; извнѣ рыцарство въ чувствахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства. Тогда уже многіе дуэллировались, но всякій пылалъ непреодолимою страстью обманывать женщинъ въ любви, мужчинъ въ карты или иначе; по службѣ начальникъ уловлялъ подчиненнаго въ разныя подлости обѣщаніями, которыхъ не могъ исполнить, покровительствомъ, не основанномъ ни на какой истинѣ; но за то какъ и платили ихъ свѣтлостямъ мелкіе чиновники, вѣрные рабы—спутники до перваго затмѣнія! Объяснимся круглѣе: у всякаго была въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ. Кажется, нынче этого нѣтъ, а можетъ быть и есть, но дядя мой принадлежитъ къ той эпохѣ. Онъ какъ левъ дрался съ турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ переднихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его нравоученій: «*я*, братецъ!».

Подъ вліяніемъ отношеній къ окружающей средѣ первыя произведенія Грибоѣдова носятъ на себѣ характеръ сатирическій. Напыщенный патріотизмъ Озерова вызвалъ пародію «Дмитрій Дрянской». Затѣмъ Грибоѣдовъ набросалъ было планъ трагедіи «Родамистъ и Зенобія», но не обработалъ его, а перешелъ къ комедіи, уже содержавшей въ себѣ зародышъ той обличительной обрисовки общества, какую встрѣчаемъ мы въ «Горе отъ ума». Комедія эта называлась «Студентъ» и сюжетъ ея заключался въ слѣдующемъ: богатый и вліятельный человѣкъ Звѣздовъ въ Казани познакомился съ стряпчимъ Беневоленскимъ и въ благодарность за веденіе дѣлъ обѣщалъ выдать за его сына-студента свою воспитанницу. Послѣдняя любитъ другого.

Когда студентъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы жениться на ней, она, составивъ заговоровъ съ женою Звѣздова и ея братомъ, рядомъ хитростей заставляетъ Звѣздова измѣнить рѣшеніе. Въ Звѣздовѣ встрѣчаются родственныя черты съ Фамусовымъ, въ братѣ его жены, Саблинѣ—съ Скалозубомъ, только тотъ и другой еще блѣдны.

Событія 1812 г. или, говоря правильнѣе, отношенія къ нимъ того общества, гдѣ вращался Грибоѣдовъ, подали поводъ молодому писателю набросать планъ пьесы, въ прологѣ къ которой являются тѣни древнихъ героевъ, Святослава, Мономаха, Петра, въ дальнѣйшихъ же дѣйствіяхъ выступаютъ себялюбивые и мелочные потомки ихъ, ничего общаго съ первыми не имѣющіе.

Къ этой же эпохѣ принадлежитъ и первоначальный планъ комедіи «Горе отъ ума», читанный Грибоѣдовымъ Іону и одному изъ университетскихъ товарищей. Семнадцати-лѣтній авторъ выливалъ въ своемъ произведеніи все накопившееся на душѣ негодованіе, бичевалъ сатирой окружающую среду, но не умѣлъ еще совладать съ внутренней, серьезной стороной своего творенія. Для изображенія яркой картины цѣлого общества юношескія силы оказывались слабыми.

Грибоѣдовъ не остался безучастнымъ къ военнымъ событіямъ 1812 г. (въ это время онъ уже вышелъ изъ университета). Въ драмѣ своей, о которой говорено выше, онъ громитъ пассивность извѣстной части общества и въ особенности налегаетъ на ополченіе «безъ дворянъ». Самъ онъ потому горѣлъ желаніемъ стать въ ряды народнаго войска; но обстоятельства воспрепятствовали этому намѣренію. Грибоѣдовъ очутился въ гусарскомъ полку графа Салтыкова, сбиравшагося и снаряжаемаго порядочно таки туго и, черезъ время, за смертію графа, вовсе распущеннаго. Неудачи, однако, не охладили патріотическаго порыва Грибоѣдова. Горя желаніемъ принять дѣятельное участіе въ воен-

ныхъ дѣйствіяхъ, онъ поступаетъ въ Иркутскій гусарскій полкъ и 1813 г. застаетъ его уже на стоянкѣ въ одномъ изъ литовскихъ мѣстечекъ.

Неуходившіяся силы юности, относительная свобода, воспослѣдовавшая за цѣлыми годами принужденія въ чопорномъ, помѣшанномъ на приличіяхъ кружкѣ, увлекли Грибоѣдова на путь бурныхъ развлеченій и сомнительныхъ проказъ. Будущій творецъ «Горя отъ ума», вдругъ обратился въ завзятаго гусара, сообразно традиціямъ тогдашняго времени. Чтобъ охарактеризовать этотъ періодъ его жизни, приведемъ примѣръ: разъ Грибоѣдовъ, вмѣстѣ съ товарищами явился въ брестскій монастырь, прогналъ органиста, занялъ его мѣсто, началъ импровизацію, восхитившую всю церковь и затѣмъ, среди католической литургіи, заигралъ камаринскую. Прочія шалости были въ томъ-же родѣ. Къ счастію, однако, увлеченіе гусарскими замашками было непродолжительно. Покочевавъ по различнымъ мѣстечкамъ и городамъ, Грибоѣдовъ наконецъ, очутился въ Брестѣ, состоящимъ при командирѣ кавалерійскихъ резервовъ, генералѣ Кологривовѣ. Кологривовъ былъ человѣкъ новаго направленія. Около него группировались лучшіе люди, собирались представители мѣстной интеллигенціи. Грибоѣдовъ, мало стѣсняемый службой, снова обратился къ прерваннымъ литературнымъ занятіямъ. Въ «Вѣстникѣ Европы» одно за другимъ появляются два его письма, одно, относящееся до организаціи кавалерійскихъ резервовъ, другое, описывающее праздникъ въ честь Кологривова. Въ это же время возраждается у него страсть къ драматическимъ опытамъ, и онъ передѣлываетъ французскія комедіи (Молодые супруги —Le secret du ménage). Поддержку въ страсти своей къ театру молодой писатель нашелъ въ князѣ А. Шаховскомъ, извѣстномъ впослѣдствіи водевилистѣ, служившемъ въ это время тоже въ военной службѣ. Поворотъ Грибоѣдова на болѣе раціональный путь, разумѣется, совершился подъ

вліяніемъ его внутренняго настроенія. Судя по его письмамъ, надо предполагать, что перевороту этому былъ не чуждъ Бѣгичевъ, сначала принимавшій дѣятельное участіе въ различныхъ проказахъ, но затѣмъ скоро сознавшій ихъ пошлость и непривлекательность. Обмѣнъ мыслей, болѣе строгій анализъ окружающей среды повелъ и къ болѣе правильному взгляду, какъ на собственные поступки, такъ и на сотоварищей-гусаръ. Прежніе собутыльники обратились для Грибоѣдова въ «казарменныхъ готтентотовъ». Въ письмахъ своихъ онъ уже досадуетъ на «участь умныхъ людей большую часть жизни проводить съ дураками». Скалозубы, Горичевы, Репетиловы узнаются имъ среди тѣхъ самыхъ людей, вкусъ которыхъ онъ еще недавно раздѣлялъ.

Подъ вліяніемъ нравственнаго переворота Грибоѣдовъ мѣняетъ образъ занятій, и въ 1815 г. перебирается въ Петербургъ. Здѣсь онъ снова сталкивается съ Шаховскимъ и съ жаромъ отдается театру: пишетъ и переводитъ комедіи, водевили, разныя бездѣлки къ бенефисамъ знакомыхъ актеровъ. Такъ въ 1815 г. появляется на сценѣ его «Молодые супруги», въ 1817 г. — «Притворная невѣрность» (Les fausses infidelités, Барта), въ 1818 г. «Своя семья или замужняя невѣста», написанная вмѣстѣ съ Шаховскимъ и Хмѣльницкимъ, въ 1819 г. небольшая сцена «Проба интермедіи».

Раннія произведенія Грибоѣдова (исключеніе дѣлаетъ только «Своя семья») не отличались ни бойкостью, ни легкостью стиха. Загоскинъ напавшій въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» на молодаго драматурга и закончившій свой разборъ стихомъ изъ Мольеровской комедіи: «Такіе, графъ, стихи противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи» поплатился жестоко. Грибоѣдовъ, задѣтый за живое, отвѣтилъ своему зоилу мѣткимъ и злымъ «Лубочнымъ театромъ», бойкіе стихи котораго ужъ никакъ не подходили подъ опредѣленіе Загоскина.

Кромѣ театральныхъ пьесъ, Грибоѣдовъ въ названный

періодъ времени написалъ бездну мелкихъ замѣтокъ, писемъ, эпиграммъ, критическихъ статей, разсѣянныхъ по различнымъ современнымъ журналамъ. Друзей своихъ онъ энергично защищаетъ отъ нападокъ критиковъ. Такъ напримѣръ: на разборъ Гнѣдича Катенинской «Ольги», передѣланной изъ «Леноры» Бюргера, онъ отвѣчаетъ критикой, гдѣ сначала отражаетъ упреки въ нарушеніи правилъ грамматики и логики, а затѣмъ, пародируетъ Гнѣдича и начинаетъ придираться къ мелочамъ. Пародія мѣстами выходитъ очень удачная. Въ литературѣ Грибоѣдовъ не принадлежалъ ни къ одному изъ существовавшихъ лагерей и помѣщалъ статьи въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, не заботясь о ихъ окраскѣ. Цѣня, напримѣръ, Булгарина за готовность его исполнять всевозможныя порученія, онъ охотно отдавалъ свои сочиненія въ «Сынъ Отечества» и «Сѣверную Пчелу». Надо впрочемъ прибавить, что въ то время Булгаринъ не стоялъ еще такъ низко, какъ впослѣдствіи. За Грибоѣдовымъ онъ сильно ухаживалъ.

Въ Петербургѣ жизнь Грибоѣдова протекала довольно шумно. Онъ былъ окруженъ толпой молодежи, вращался среди завзятыхъ театраловъ, не былъ чуждъ и романическихъ похожденій, обыкновенно слагавшихся для него особенно благопріятно. Его бойкая и остроумная рѣчь составила ему быстро блестящую репутацію въ обществѣ. Но все это, тѣмъ не менѣе, не смущало его внутренняго міра, не прерывала его работы надъ собой, не нарушало независимости его взглядовъ и убѣжденій. «Кровь сердца всегда говорила у него въ лицѣ», пишетъ о немъ Бестужевъ (Марлинскій) въ своихъ воспоминаніяхъ, «никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, что слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать другихъ—никогда. Твердость, съ которой онъ обличалъ порочныя привычки одного лица, несмотря на знатность особы, показалась бы инымъ Катоновской суровостью, даже

дерзостью». Страстнымъ, увлекающимся, правдивымъ, строгимъ къ другимъ и въ особенности къ себѣ — такимъ является Грибоѣдовъ всегда и всюду Лесть и подслуживанье для него невыносимы. Такъ съ Булгаринымъ, напримѣръ, онъ именно потому порвалъ сношенія, что тотъ засыпалъ его похвалами. Въ письмѣ своемъ къ нему онъ пишетъ: «Мои правила, правила благопристойности и собственное къ себѣ уваженіе не дозволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной». «Вы меня хвалили, какъ автора, а я именно, какъ авторъ, не произвелъ еще ничего истинно изящнаго».

Увлеченный вліяніемъ времени, Грибоѣдовъ не избѣгъ масонства. Его имя значится въ числѣ членовъ ложи «Des amis réunis» вмѣстѣ съ именами Пестеля, Норова, Чаадаева (1816 г.). Нельзя отрицать, что кружокъ масоновъ, наложилъ на Грибоѣдова также и свою печать. Взгляды его стали суровѣе, требованія отъ жизни строже. Онъ ознакомился съ новыми стремленіями, новыми интересами. Знакомство съ Пушкинымъ укрѣпило въ немъ серьозный взглядъ на призваніе литературы. Сближеніе съ Одоевскимъ расширило умственный горизонтъ.

Подъ вліяніемъ душевнаго перелома, порожденнаго названнымъ кружкомъ, Грибоѣдовъ принялся за передѣлку своего «Горе отъ ума» и набросалъ планъ, въ общихъ чертахъ вполнѣ схожій съ окончательной его редакціей. Общая картина московскаго кружка вылилась рельефно, только личность Чацкаго пока оставалась невыясненной, да нѣкоторыя частности являлись въ неудовлетворительномъ видѣ; нѣкоторыхъ и между прочимъ удачнѣйшихъ лицъ— напримѣръ Репетилова—не было, за то существовали вовсе ненужныя, какъ напримѣръ: жены Фамусова.

Выше мы говорили, что прототипомъ Фамусова послужилъ родной дядя Грибоѣдова, (дочь его — Софьей). Ошибочно, однако, было бы заключать, что авторъ представилъ

намъ фотографическія копіи съ дѣйствительныхъ личностей. Послѣднія служили ему лишь нѣкотораго рода руководной нитью; будучи истиннымъ художникомъ, Грибоѣдовъ заимствовалъ обликъ намѣченнаго лица, типъ же создавалъ самъ. Доказательствомъ тому служатъ догадки современниковъ, узнававшихъ въ одномъ и томъ же лицѣ разныхъ личностей (Хлестова, напримѣръ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, тетка Грибоѣдова, по другимъ — Офросимова, Скалозубъ—Паскевичъ, по другимъ—Аракчеевъ и проч).

Дуэль Шереметьева съ Завадовскимъ изъ-за извѣстной въ то время танцовщицы Истоминой, чуть не повлекшая за собой вторую дуэль между Якубовичемъ и Грибоѣдовымъ, повлекла за собой важную перемѣну въ жизни послѣдняго. Шереметевъ былъ убитъ на повалъ. Произошелъ переполохъ. Хотя поединокъ Грибоѣдова съ Якубовичемъ и былъ отсроченъ на неопредѣленное время, въ виду несчастнаго окончанія перваго, но встревоженная семья Александра Сергѣевича стала упорнѣе, чѣмъ когда либо, настаивать на отъѣздѣ его изъ столицы. Поводовъ къ такому желанію было не мало. Во первыхъ, боялись за послѣдствія его участія въ названной исторіи, во вторыхъ, находили лучшимъ удалить его отъ соблазновъ большаго города, такъ какъ шалости молодого человѣка отчасти роняли его во мнѣніи бомонда, наконецъ въ третьихъ, семья, живя не по средствамъ нуждались въ матерьяльной помощи сына. Повѣренный въ дѣлахъ Персіи, Мазаровичъ, убѣждалъ Грибоѣдова принять мѣсто въ посольствѣ. (Съ 1817 г, Грибоѣдовъ былъ причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ). Послѣ долгой борьбы и колебаній онъ рѣшилъ пожертвовать собой ради семьи и въ послѣднихъ числахъ августа 1818 г. выѣхалъ изъ Петербурга. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, разсказывая о всевозможныхъ уловкахъ, придумываемыхъ имъ для того, чтобы остаться въ столицѣ, онъ со смѣхомъ упоминаетъ о требованіи своемъ дать ему сразу два чина; зная,

что этого не сдѣлаютъ, онъ нарочно притворялся одержимымъ бѣсомъ честолюбія, хотя никогда въ этомъ грѣхѣ повиненъ не былъ.

Хотя за новое, насильно навязанное дѣло Грибоѣдовъ брался неохотно, но разъ принявъ его на себя, онъ уже не считалъ возможнымъ относиться къ нему спустя рукава, а, по свойственной ему честности, отдался ему всей душой. Охраненіе интересовъ Россіи стало его первой заботой. Энергично заступается онъ за русскихъ подданныхъ, борется съ недоброжелательствомъ персидскихъ властей, отвѣчаетъ отпоромъ на враждебную намъ коалицію съ сыномъ шаха, Аббасъ-мирзой во главѣ, противодѣйствуетъ интригамъ представителей западныхъ европейскихъ державъ, добивается возврата въ Россію насильно задерживаемыхъ въ Персіи русскихъ плѣнныхъ и различныхъ кавказскихъ жителей, бѣжавшихъ во время войны во владѣнія шаха.

Тяжкимъ гнетомъ ложатся ему на душу всевозможныя дрязги; онъ скучаетъ и возмущается окружающей средой, деспотизмомъ и надменностью, тѣсно перепутанныхъ съ рабствомъ и уничиженіемъ. Отдохновеніе Грибоѣдовъ находилъ только въ своихъ литературныхъ занятіяхъ. «Сильная воля его укрѣпилась, говоритъ Бѣгичевъ, всегдашнее его любознаніе не имѣло уже преграды и разсѣянія. Онъ много читалъ по всѣмъ предметамъ, по всѣмъ отраслямъ науки и много учился». Доказательствомъ справедливости этихъ словъ, между прочимъ, можетъ служить усидчиво занятіе Грибоѣдова во время пребыванія въ Персіи, персидскимъ и арабскимъ языками, на столько помогшее ему ознакомиться съ знаніемъ быта и людей Востока, что вскорѣ онъ невольно выдвинулся изъ ряда прочихъ дипломатовъ.

«Горе отъ ума» всецѣло заняло Грибоѣдова въ его «дипломатическомъ монастырѣ», какъ онъ называетъ посольство. Онъ не разставался болѣе съ своимъ твореніемъ и

всѣ досуги посвящалъ тщательной его обработки. Оставаясь вдали отъ рисуемой имъ среды, онъ легче могъ воспроизвести общую ея картину, обогатясь жизненнымъ опытомъ, могъ шире взглянуть на свою задачу. Ярче сознавая недостатки тогдашняго общества, онъ, естественно, опредѣленнѣе сознавалъ и тотъ идеалъ, къ которому слѣдовало стремиться. Личность Чацкаго, такимъ образомъ, сама собой, обрисовалась Грибоѣдову.

Современники много спорили о томъ, кого именно хотѣлъ изобразить Грибоѣдовъ въ лицѣ своего героя. Нѣкоторые указывали на Чаадаева, другіе на Катенина. Творецъ Онѣгина сразу понялъ, что въ этомъ носителѣ всѣхъ лучшихъ стремленій, въ горячемъ и безпощадномъ обличителѣ Фамусовыхъ, Скалозубовъ и проч., могъ воплощаться только самъ Грибоѣдовъ. Другаго толкованія Чацкаго было бы безполезно и искать. Въ немъ авторъ излилъ все, что наболѣло на душѣ, высказалъ все то, что часто и мучило его самого.

Попавъ въ Персію противъ воли, обогатившись лишь печальнымъ опытомъ, Грибоѣдовъ, естественно всей душой рвался оттуда. Наконецъ онъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ А. П. Ермолова, сначала сердившагося на него за дуэль съ Якубовичемъ, но потомъ оцѣнившаго его за энергію и отвагу. Особенно поразилъ Ермолова одинъ эпизодъ, а именно, когда Грибоѣдовъ сталъ самъ во главѣ колонны измученныхъ плѣнниковъ и бѣглецовъ и, не боясь преслѣдованій, провелъ ее до самой границы Россіи. Въ концѣ 1821 г. Грибоѣдовъ былъ посланъ въ Тифлисъ для сообщенія о войнѣ, вспыхнувшей между Персіей и Турціей. Ермоловъ, зная о желаніи Грибоѣдова не возвращаться болѣе въ Персію, выхлопоталъ ему при себѣ мѣсто секретаря. Предлогомъ къ тому послужило слѣдующее обстоятельство: проѣздомъ изъ Персіи Грибоѣдовъ переломилъ въ двухъ мѣстахъ руку. Врачъ, пользовавшій его, такъ неудачно ис-

полнилъ свою обязанность, что по прибытіи въ Тифлисъ руку пришлось переломить снова. Ермоловъ сослался на необходимость продолжительнаго леченія и просьба его была уважена.

Въ 1822 г. мы находимъ уже Грибоѣдова въ Тифлисѣ. Первое время онъ чувствовалъ себя тамъ относительно счастливымъ. Онъ встрѣтилъ людей, съ которыми могъ бесѣдовать о занимавшихъ его вопросахъ, сошелся съ нѣкоторыми семейными кружками, (въ одномъ изъ нихъ онъ встрѣчался съ княжной Ниной Чавчавадзе, вышедшей за него впослѣдствіи замужъ), наконецъ обрѣлъ столь дорогое ему фортепьяно, по которомъ такъ скучалъ въ Персіи. Въ Тифлисѣ же окончены Грибоѣдовымъ и первыя два дѣйствія «Горе отъ ума».

Скоро, однако, прежняя тоска овладѣла душой Александра Сергѣевича. Въ письмѣ къ Бѣгичеву онъ пишетъ: «меня занимаетъ борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ» и далѣе «обѣщаю, что мы будемъ вѣшать и прощать, и плюемъ на исторію». Здѣсь изъ-подъ шутки слышатся уже слезы. Кромѣ того Грибоѣдовъ начиналъ сознавать, что долгое отсутствіе изъ той среды, которую рисовалъ онъ въ своемъ твореніи, нѣсколько затуманило краски. Оживить хотѣлось ему воспоминанія и онъ, таки, наконецъ, добился отпуска, хотя и кратковременнаго. Побывавъ въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1823 г. онъ на слѣдующій годъ, испросивъ заграничный отпускъ, и не воспользовавшись имъ, снова уѣхалъ туда и на этотъ разъ остался тамъ долѣе года.

Свидѣвшись съ Бѣгичевымъ Грибоѣдовъ тотчасъ-же приступилъ къ чтенію своей комедіи. Первый актъ вызвалъ нѣкоторыя замѣчанія. Сначала Грибоѣдовъ нѣсколько обидѣлся на друга, но затѣмъ обдумалъ и сжегъ написанное. «Не безпокойся, сказалъ онъ Бѣгичеву, заставшему его передъ печкой, все готово въ головѣ моей». Черезъ недѣ-

лю актъ былъ оконченъ въ новой редакціи. Москва подѣйствовала на Грибоѣдова возбуждающе. Обиліе матерьяла увлекло его. Онъ усердно сталъ посѣщать балы, пикники, собранія, всюду черпая краски для своей картины. Общество показалось ему сильно измѣнившемся и притомъ въ неблагопріятную сторону. Консервативные элементы, равно какъ и элементы противоположные имъ мало удовлетворяли его. Онъ столкнулся довольно близко съ кружкомъ декабристовъ, по словамъ Бѣгичева, сочувствовалъ желанію нѣкоторыхъ перемѣнъ, но въ общемъ, ясно видѣлъ слабыя стороны тайнаго союза и даже смѣялся надъ второстепенными его дѣятелями. Подъ этими именно впечатлѣніями и созданъ имъ Репетиловъ.

Въ концѣ 1824 г. Грибоѣдовъ переѣхалъ въ имѣніе Бѣгичева, село Дмитріевское (Тульской губ., Ефремовскаго уѣзда) и тамъ, въ уединеніи, приступилъ къ окончательной обработкѣ своего излюбленнаго творенія. Черновой планъ комедіи ясно свидѣтельствуетъ, съ какой тщательностью обработывалъ онъ каждый стихъ, какъ старался достичь возможнаго совершенства даже во внѣшней формѣ.

Первоначально Грибоѣдовъ не предназначалъ своей комедіи для сцены. Разъ, однако, знакомому его сестры, графу Вьельгорскому, попалъ случайно въ руки отрывокъ изъ «Горя отъ ума». Графъ пришелъ въ такой восторгъ, такъ настоятельно требовалъ выдачи остальнаго, что Грибоѣдовъ сдался: это рѣшило участь комедіи. Вьельгорскій сталъ показывать рукопись своимъ знакомымъ, молва разнеслась мигомъ и общей энтузіазмъ поневолѣ увлекъ и самого Грибоѣдова. Онъ поддался искушенію и пріѣхавъ въ Петербургъ лѣтомъ 1824 г. сталъ дѣятельно хлопотать о постановкѣ своей комедіи. Но здѣсь его встрѣтили новыя огорченія: ради цензурныхъ соображеній ему пришлось урѣзывать и смягчать нѣкоторыя изъ лучшихъ мѣстъ. Урѣзки

ети, впрочемъ, послужили отчасти на пользу: нѣкоторые немного растянутые стихи сжаты, слогъ выровненъ.

Въ Петербургѣ комедія возбудила общій восторгъ. Въ Москвѣ же извѣстная часть общества заволновалась. Мало по малу усердная агитація, ведомая лицами яко бы узнавшими себя въ осмѣянныхъ личностяхъ, переползла и на берегъ Невы. Къ постановкѣ пьесы на сценѣ возникли серьезныя препятствія, Грибоѣдову пришлось разстаться съ своими иллюзіями. Судьбѣ было угодно, чтобъ авторъ увидѣлъ свое безсмертное произведеніе только разъ, да и то на любительскомъ театрѣ. Въ 1827 г. въ Эривани, въ его присутствіи «Горе отъ ума» было разъиграно офицерами на сценѣ, устроенной по мысли генерала Красовскаго, въ бывшемъ дворцѣ персидскихъ сердарей. Въ Петербургѣ же комедія дана въ первый разъ лишь 26 января 1831 г. въ Москвѣ — 27 ноября того же года, т. е. 2 года спустя послѣ смерти ея автора.

Полное изданіе «Горя отъ ума» появилось тоже лишь въ 1833 г. да и то съ значительными урѣзками. Раньше (1825 г.) оно напечатано въ видѣ отрывковъ въ альманахѣ Булгарина «Русская Талія». Масса читателей ознакомилась съ комедіей изъ рукописныхъ списковъ, которыхъ насчитываютъ до сорока тысячъ.

Въ злобныхъ и явно недоброжелательныхъ критикахъ на «Горе отъ ума» не было не достатка. Особеннымъ усердіемъ въ этомъ направленіи отличался М. А. Дмитріевъ, писавшій въ «Вѣстникѣ Европы» Каченовскаго.

Грубую брань зоиловъ Грибоѣдовъ сносилъ молча, не принимая ни какого участія въ спорахъ. Онъ даже удерживалъ отъ этого и друзей своихъ. За то въ другомъ направленіи литературная дѣятельность его значительно расширяется и онъ съ особеннымъ рвеніемъ придается поэзіи. Въ «Сѣверную Пчелу» и «Сынъ Отечества» онъ еще съ Кавказа присылалъ небольшія корреспонденціи и стихотво-

ренія (Хищники на Кавказѣ). Здѣсь же написаны имъ «Востокъ», отрывки изъ поэмы «Кальянчи» торжественный прологъ на открытіе новаго театра въ Москвѣ, оставшійся впрочемъ неоконченнымъ, «Домовой» дошедшій до насъ только въ отрывкѣ, опера-водевиль: «Кто братъ? Кто сестра? или «За обманомъ обманъ», написанная вмѣстѣ съ кн. П. А. Вяземскимъ.

Когда срокъ заграничнаго отпуска истекъ, Грибоѣдовъ принужденъ былъ возвратиться въ Грузію. Путь туда онъ избралъ объѣздомъ черезъ Кіевъ и Крымъ, гдѣ онъ посѣтилъ всѣ, даже мельчайшіе уголки южнаго берега. По видимому онъ искалъ новыхъ вдохновеній, но послѣднее почему-то не являлось и Грибоѣдовъ приходилъ отъ этого въ отчаяніе, сомнѣваясь даже въ своемъ талантѣ. Плодомъ этого путешествія остался лишь черновой дневникъ, въ которомъ Грибоѣдовъ, въ сжатой формѣ, набрасывалъ свои впечатлѣнія и мысли. Обширность его знаній, острота соображенія, отражающіяся въ этихъ наброскахъ, поражаютъ невольно.

Грибоѣдовъ настигъ Ермолова въ Екатериноградской станицѣ, откуда снаряжалась экспедиція. Здѣсь до него достигла вѣсть о событіяхъ 14 декабря. Вскорѣ къ Ермолову прибылъ фельдъегерь съ приказаніемъ немедленно арестовать Грибоѣдова, захватить всѣ его бумаги и выслать въ Петербургъ. Ермоловъ предупредилъ Грибоѣдова о грозящей опасности, затѣмъ исполнилъ требуемыя формальности и донесъ военному министру, что взялъ Грибоѣдова такъ, что онъ не успѣлъ истребить своихъ бумагъ. При этомъ онъ рѣшился замолвить о Грибоѣдовѣ доброе слово, отозвавшись съ большей похвалой о его служебныхъ и дѣловыхъ способностяхъ.

Въ Петербургѣ Грибоѣдовъ былъ посаженъ въ особомъ помѣщеніи при главномъ штабѣ, откуда его водили въ крѣпость для допросовъ. Мать его, при первомъ извѣстіи объ

арестѣ сына разразилась бранью и упреками. Грибоѣдовъ, не сознавая за собой никакой серьезной вины, томился отъ скуки и ссорился съ надсмотрщиками. Многіе изъ лицъ, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ слѣдствію, принимали участіе въ судьбѣ Грибоѣдова Видя какъ Грибоѣдовъ пишетъ вопросы на вопросные пункты—а онъ писалъ, по своей всегдашней привычкѣ, смѣло и правдиво, одно очень вліятельное лицо сказало ему: «Александръ Сергѣевичъ! Что вы пишете! Пишите: знать не знаю, вѣдать не вѣдую?» Грибоѣдовъ послѣдовалъ совѣту.

Выходки Репетилова по поводу «секретнѣйшаго союза Князя Григорія», показанія виновниковъ катастрофы что они ему, какъ и Пушкину, не говорили *всего*, оберегая талантъ такого человѣка, который можетъ прославить Россію и находя, что его слѣдуетъ оберечь отъ всякихъ невзгодъ и случайностей» значительно облегчили роль слѣдователей и помогли имъ уяснить полную невиновность Грибоѣдова. Послѣдній былъ освобожденъ и даже награжденъ слѣдующимъ чиномъ.

Первое время его вторичнаго пребыванія на Кавказѣ, было крайне тягостно. «Два старшихъ генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летятъ» писалъ онъ. Отношенія его къ Ермолову становились все холоднѣе. Онъ сталъ замѣчать въ немъ эгоизмъ и подверженность страстямъ. Наконецъ Паскевичъ принялъ на себя намѣченную роль и тягостное положеніе дѣлъ прекратилось. Грибоѣдовъ занялъ при немъ то же мѣсто, какое занималъ и при предшественникѣ. Начатая еще при Ермоловѣ персидская война, разгорѣлась. Скоро Паскевичу, а съ нимъ и Грибоѣдову, пришлось присоединиться къ дѣйствующей арміи. Грибоѣдовъ участвовавшій во всѣхъ битвахъ, поражалъ всѣхъ своей неустрашимостью. Замѣтивъ разъ въ себѣ волненіе при близкомъ паденіи ядра, Александръ Сергѣевичъ вздумалъ пріучать себя переносить опасность и съ этою цѣлью разъ-

ѣзжалъ въ открытыхъ мѣстахъ, заранѣе назначивъ, сколько именно выстрѣловъ слѣдуетъ переждать ему. Когда Аббасъ-Мирза, разбитый на голову подъ Нахичеванью, сталъ просить о мирѣ, для переговоровъ съ нимъ былъ посланъ Грибоѣдовъ. Зная хорошо персовъ, Грибоѣдовъ не далъ ввести себя въ обманъ и, не смотря на притворную податливость враговъ, въ донесеніи своемъ, предрекъ возобновленіе враждебныхъ дѣйствій. Дальновидность Грибоѣдова, совѣтамъ котораго послѣдовали, ускорила развязку войны. Новое внезапное нападеніе было отражено и, при посредствѣ Грибоѣдова, заключенъ Туркманчайскій договоръ, чрезвычайно выгодный для Россіи. Персія обязалась выплатить большую контрибуцію.

Въ 1828 г. Паскевичъ поручилъ Грибоѣдову доставить оффиціальное отношеніе о результатахъ кампаніи и послѣдній отправился въ Петербургъ.

Пребываніе его въ столицѣ было не долго. Его осыпали почестями и, въ заключеніе, назначили полномочнымъ министромъ въ Тегеранъ. Грибоѣдовъ между тѣмъ, мечталъ совсѣмъ объ иномъ. Въ головѣ его созрѣлъ планъ новаго творенія, къ несчастію сохранившагося лишь въ видѣ отрывка, но обѣщавшаго развиться въ оригинальную вещь, полную поэзіи и силы: Грузинской ночи. Ему хотѣлось сбросить съ себя оффиціальный мундиръ, уединиться, отдаться всецѣло своему вдохновенію. Судьба судила иначе. Въ разговорѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Грибоѣдовъ, увлекшись соображеніями о благѣ Россіи, горячо доказывалъ необходимость уравнять права русскаго полномочнаго въ Тегеранѣ съ правами представителя Англіи. Соглашаясь съ его доводами подумали, что рѣчь заключаетъ намекъ, полупросьбу. Слѣдствіемъ такого недоразумѣнія явилось вышеозначенное назначеніе.

Грустный, съ недобрыми предчувствіями отправлялся Грибоѣдовъ на свой почетный постъ. Проводы друзей походили скорѣй на похороны.

Увлекая Грибоѣдова на роковой путь, судьба точно пожелала подъ конецъ подарить его минутой счастья. Княжна Нина Чавчавадзе давно уже нравилась Грибоѣдову. Проѣзжая Тифлисъ, Грибоѣдовъ снова встрѣтился съ нею и, неожиданно для себя, сдѣлалъ ей предложеніе. Оно было принято. Затѣмъ Грибоѣдову пришлось присоединиться къ отряду и только по окончаніи кампаніи вернулся онъ, больной лихорадкою, къ невѣстѣ. Свадьба была сыграна и онъ, съ молодой женой, сіяя счастьемъ, пустился далѣе. Письма его ясно отражаютъ то блаженное состояніе, какое испытывалъ онъ, но въ тоже время въ нихъ, то тутъ, то тамъ, проскользаютъ грустныя нотки,—какъ бы предчувствіе близкой смерти.

Въ Таврисѣ Грибоѣдовъ оставилъ жену, а самъ отправился въ Тегеранъ, обѣщая вернуться скоро. Изъ Тегерана прибылъ только обезображенный трупъ его.

Мы знаемъ уже, что ни Грибоѣдовъ къ персіянамъ, ни персіяне къ нему не питали симпатіи. Въ Тегеранѣ онъ сразу принялъ твердое, но вызывающее положеніе, иногда шедшее въ разрѣзъ съ принятыми на Востокѣ приличіями и обычаями. Имъ, разумѣется, главнымъ образомъ руководило желаніе своей твердостью внушить уваженіе къ Россіи. Результаты, однако, получились плачевные. Настойчивость его при требованіи уплаты контрибуціи, освобожденіе русскихъ плѣнныхъ, нарушеніе этикета, все это возстановляло противъ него шаха и способствовало планамъ его личныхъ враговъ, къ числу которыхъ принадлежалъ зять шаха, Ала-Яръ-Ханъ. Къ этому еще присоединялось буйное поведеніе нѣкоторыхъ подчиненныхъ Грибоѣдова, возстановлявшихъ противъ себя народъ. Предлогомъ къ катастрофѣ послужило слѣдующее обстоятельство.

Главный евнухъ гарема шаха, Мирза-Якубъ, бывшій русскій подданный, просилъ Грибоѣдова содѣйствовать возвращенію его на родину. Грибоѣдовъ, по своей привычкѣ,

взялся за дѣло съ жаромъ. Между тѣмъ, опасаясь разоблаченія различныхъ тайнъ, персидское правительство поспѣшило всѣми силами воспрепятствовать этому плану. Якуба то обвиняли въ воровствѣ, то назначали надъ нимъ верховный судъ. Грибоѣдовъ ни останавливался ни передъ чѣмъ. Тогда враждебная партія, съ духовенствомъ во главѣ, стала возбуждать народъ, поджигая его къ явному насилію. Къ несчастью въ это же время въ домѣ посольства укрылись двѣ русскія подданныя. На этотъ фактъ поспѣшили указать, какъ на нѣчто неслыханное, какъ на вмѣшательстно иностранцевъ въ мѣстныя дѣла — и бунтъ вспыхнулъ. 3-го января 1829 г., толпа разъяреннаго народа ворвалась въ посольство, смяла караулъ, одолѣла горсть отстрѣливавшихся казаковъ. Грибоѣдовъ, не знавшій страха, явился во главѣ своихъ людей, съ саблей въ рукѣ. Онъ былъ узнанъ толпой и варварски умерщвленъ. Кромѣ него погибло 37 человѣкъ русскихъ. Домъ разграбленъ. Спасся одинъ секретарь посольства, Мальцевъ, съ неимовѣрными усиліями ускользнувшій изъ Тегерана.

Разогнать толпу власти явились только тогда, когда все было кончено. Есть основаніе думать, что англійское посольство не было совершенно чуждо интриги. Повидимому шахъ и его союзники хотѣли устрашить русскихъ нападеніемъ. Убійствъ не ожидали. Ихъ импровизовала толпа.

Изувѣченное тѣло Грибоѣдова узнали только по пальцу, сведенному вслѣдствіе раны, полученной на дуэли съ Якубовичемъ — перевезли въ Тифлисъ и на дорогѣ ему оказывали большія почести. Сообразно желанію покойнаго, бренныя останки его преданы землѣ въ монастырѣ св. Давида, на той самой горѣ, съ которой онъ любилъ любоваться видомъ Тифлиса. На могилѣ Грибоѣдова стоитъ бронзовый крестъ. Колѣнопреклоненная женская фигура, обхватываетъ его руками. У подножія лежитъ книга «Горе отъ ума».

VIII.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

1810—1848 гг.

Виссаріонъ Григорьевичъ родился въ февралѣ 1810 г. Отецъ его, Григорій Никифоровичъ «Бѣлынскій», былъ сынъ священника села Бѣлыни, Нижнеломовскаго уѣзда, Пензенской губ. Получивъ первоначальное образованіе въ пензенской семинаріи, гдѣ вѣроятно и дана была ему по имени роднаго села фамилія, смягченная впослѣдствіи Виссаріономъ Григорьевичемъ, онъ поступилъ въ петербургскую медицинскую академію, окончилъ въ ней курсъ лекаремъ и и началъ службу свою, въ 1809 г., въ Балтійскомъ флотѣ. Скоро онъ женился въ Кронштадтѣ, на дочери флотскаго офицера, а въ 1810 г., во время стоянки флотскаго экипажа, въ которомъ служилъ Григорій Никифоровичъ, въ Свеаборгѣ, у него родился первый сынъ Виссаріонъ. Въ 1816 г., онъ оставилъ службу во флотѣ и былъ назначенъ уѣзднымъ врачемъ въ г. Чембаръ.

Дѣтскіе годы Виссаріона Григорьевича были весьма тяжелы, вслѣдствіе семейнаго разлада и несчастныхъ качествъ его отца. Нельзя сказать, чтобы послѣдній былъ вполнѣ недостойнымъ человѣкомъ; по свидѣтельству многихъ близ-

В. Бѣлинскій

кихъ къ Бѣлинскимъ людей, не мало можно было найти въ Григоріѣ Никифоровичѣ и хорошихъ чертъ. Онъ былъ все-таки человѣкъ образованный, чуждый многихъ предразсудковъ, честенъ и прямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣрчивъ, лѣнивъ и безпеченъ. Вслѣдствіе послѣднихъ качествъ, онъ разошелся съ уѣзднымъ обществомъ, растерялъ практику, и не находя разумнаго сочувствія въ семействѣ, сталъ болѣе и болѣе предаваться пьянству. Мать Виссаріона Григорьевича была женщина добрая, но неразвитая, раздражительная и сварливая. Различіе характеровъ и взглядовъ, а также недостатокъ матеріальныхъ средствъ вели къ постояннымъ ссорамъ между нею и Григоріемъ Никифоровичемъ. Ссоры эти и общій незаладъ жизни нехорошо отзывались на дѣтяхъ, невинныхъ мученикахъ домашняго ада. Есть свидѣтельства, что Виссаріону Григорьевичу приходилось выносить въ дѣтствѣ даже побои отца... Грамотѣ и письму учился Бѣлинскій у мѣстной чембарской учительницы, дочери чиновника, Цитровской, обучившей на своемъ вѣку цѣлыя поколѣнія горожанъ, шедшихъ къ ней по недостатку школъ. Онъ продолжалъ ученіе дома, занявшись подъ руководствомъ отца латынью, а затѣмъ поступилъ въ открывшееся чембарское уѣздное училище.

Первоначально весь штатъ училища состоялъ изъ одного смотрителя Грекова, добраго и кроткаго человѣка, но затѣмъ были приглашены еще два преподавателя—для закона Божія и русскаго языка. Нравы въ училищѣ были самые патріархальные: учителя нерѣдко оставляли учениковъ и уходили домой, а ученики тогда отправлялись цѣлымъ училищемъ купаться. Въ 1823 г. чембарское училище ревизовалъ Лажечниковъ, извѣстный писатель, бывшій тогда директоромъ училищъ Пензенской губерніи, и тогда-же замѣтилъ Бѣлинскаго, поразившаго его своими выдающимися способностями. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самъ Лажечниковъ: «Во время дѣлаемаго мною экзамена высту-

пилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12-ти, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтлѣлся разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ, между тѣмъ, на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно... На всѣ дѣлаемые ему вопросы, онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностію, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ большею частію, своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ»... Послѣ экзамена Лажечниковъ подарилъ мальчику книгу, которую тотъ принялъ «безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ».

Въ августѣ 1825 г. Бѣлинскій перешелъ въ пензенскую гимназію, въ которой пробылъ три съ половиною года. Гимназіи того времени вообще находились въ плохомъ положеніи и пензенская не представляла собой исключенія. Страдали онѣ отъ недостатка въ способныхъ и опытныхъ преподавателяхъ, отъ отсутствія правильныхъ методовъ преподаванія, недостаточнаго контроля надъ нимъ и особенно по совершенному прекращенію надолго преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ, вслѣдствіе выхода учителей изъ заведенія. А выходы эти были часты, такъ какъ по плохому матеріальному положенію, учителя изъ своекоштныхъ студентовъ пребывали въ гимназіи только для полученія ассесорскаго чина, дававшаго право на дворянство, казенные же студенты отбывали обыкновенно только обязатель-

ный срокъ. Оставались въ заведеніи болѣе продолжительное время, главнымъ образомъ, менѣе даровитые, неспособные и т. п. Первая сцена, которую встрѣтилъ напр. вновь пріѣхавшій въ гимназію директоръ, незадолго до поступленія туда Бѣлинскаго, было «погребеніе кота мышами», какъ объясняли ученики, выносившіе на рукахъ изъ класса учителя словесности, понятно въ какомъ видѣ. Правда, къ поступленію въ гимназію Бѣлинскаго, порядки въ ней улучшились, но во всякомъ случаѣ положеніе училища все еще оставалось очень неблагопріятнымъ.

Изъ лучшихъ учителей въ то время были двое преподавателей математики Ляпуновъ и Протопоповъ, — латинскаго языка Дмитревскій и особенно преподаватель естественной исторіи М. М. Поповъ, «кладъ для гимназіи», по выраженію Лажечникова. Поповъ преподавалъ только въ двухъ высшихъ классахъ гимназіи — третьемъ и четвертомъ, но зналъ Бѣлинскаго и въ младшихъ по дружбѣ его съ одноклассникомъ своимъ, племянникомъ Попова. Замѣтивъ необыкновенную любознательность въ даровитомъ мальчикѣ, Поповъ всячески поощрялъ ее, давалъ ему читать книги и журналы, разрѣшалъ задаваемые имъ вопросы и часто бесѣдовалъ съ нимъ. Интересно свидѣтельство Попова, приводимое, Лажечниковымъ, о даровитости Бѣлинскаго. «По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неровный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукѣ и литературѣ». Уже тогда Бѣлинскій обнаруживалъ страстную любовь къ литературѣ, которую раздѣлялъ съ нимъ и учитель. Поповъ разсказываетъ, что лекціи по естественнымъ наукамъ, по поступленіи Бѣлинскаго въ третій классъ, часто превращались у него въ теорію и исторію литературы. «А гербаризація? Бывало, когда отправлюсь съ учениками до засѣки, что позади городскаго гулянья, или до рощей, что за рѣкой Темзой, Бѣлинскій

пристаетъ ко мнѣ съ вопросами о Гете, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодыя сердца».

Въ гимназіи Бѣлинскій учился далеко не удовлетворительно, хотя и перешелъ изъ перваго во второй классъ, а во второмъ получилъ даже за ученье награду. По словамъ Попова, онъ не чувствовалъ склонности къ математикѣ, а иностранные языки, географія, грамматика и все, что преподавалось по системѣ заучиванія, плохо шло ему въ голову. Вообще умъ Бѣлинскаго мало выносилъ познаній изъ школьнаго ученія, хотя память у него была отличная, сообразительность также очень развитая. Онъ много пріобрѣталъ познаній чтеніемъ и размышленіями. «Бывало проэкзаменуйте его, какъ обыкновенно экзаменуютъ дѣтей — онъ изъ послѣднихъ», говоритъ Поповъ, «а поговорите съ нимъ дома подружески, даже о точныхъ наукахъ — онъ первый ученикъ. Съ 1828 года Бѣлинскій сталъ неглижировать классными занятіями и въ январѣ 1829 г. отмѣчено въ гимназической вѣдомости, что за нехожденіе въ классъ, Бѣлинскій не рекомендуется, а въ февралѣ онъ былъ вычеркнутъ и совсѣмъ изъ списковъ за тоже. Это произошло потому, что Бѣлинскій задумалъ прямо поступить въ университетъ — лѣта ему дозволяли это, вступительный экзаменъ былъ легокъ, къ тому-же въ гимназіи за недостаткомъ учителей терялось много времени, да и вступленіе новаго директора (Протопопова) ознаменовалось непривычными для гимназистовъ строгостями. Къ Рождеству 1828 г. Бѣлинскій уѣхалъ подъ вліяніемъ своей мысли въ Чембаръ и уже не возвращался въ гимназію.

19-го сентября 1829 г. Виссаріонъ Григорьевичъ выдержалъ экзаменъ на поступленіе въ студенты московскаго университета, вскорѣ былъ принятъ, а затѣмъ подалъ просьбу о переходѣ на казенное содержаніе. Рѣшеніе по этой просьбѣ не могло быть раньше Рождества и Бѣлинскому

пришлось очень бѣдствовать за этотъ періодъ времени, къ тому же скоро потребовался значительный расходъ на форменное платье. Прося денегъ на платье, Бѣлинскій разсказываетъ въ письмѣ домашнимъ, «какъ профессоръ и инспекторъ Ч. грозился исключить даже всѣхъ ходящихъ на лекціи въ обыкновенной одеждѣ». Привести свою угрозу въ исполненіе онъ, конечно, не могъ, но Бѣлинскій всетаки опасался «навлечь негодованіе начальства».

Наконецъ Виссаріонъ Григорьевичъ былъ принятъ въ казеннокоштные и остался вначалѣ очень доволенъ новымъ своимъ положеніемъ. Въ письмахъ къ роднымъ онъ хвалитъ и столъ, и комнаты, и инспектора и пр. Скоро однако Бѣлинскому пришлось измѣнить свое мнѣніе. Въ письмѣ отъ 24 сентября 1830 г., мы встрѣчаемъ слѣдующій его отзывъ: «я теперь нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ, что лучше бы согласился быть подъячимъ въ чембарскомъ земскомъ судѣ»... Онъ жалуется, что при новомъ инспекторѣ стѣсняютъ помѣщеніе студентовъ, плохо кормятъ ихъ и пр. Положеніе его ухудшилось еще вслѣдствіе личнаго столкновеніе съ начальствомъ. Какъ только я пріѣхалъ, пишетъ Бѣлинскій роднымъ въ февралѣ 1831 г., то ректоръ призвалъ меня въ правленіе и началъ бранить за то, что я поздно пріѣхалъ. Этимъ я обязанъ П. (прежнему инспектору), который тогда очень помнилъ меня и отрекомендовалъ меня ректору и Щ. (новому инспектору). Многіе казенные-же пріѣзжали гораздо позже меня и имъ за это ни слова не сказали. Передъ окончаніемъ холеры я не ночевалъ ночи двѣ или три дома. Прихожу къ Щ. за однимъ дѣломъ, и онъ начинаетъ меня ругать!...

Въ кружкѣ студентовъ, сотоварищей Бѣлинскаго уже на первыхъ порахъ обнаружились литературные интересы. Завязывались безконечные споры о классицизмѣ и романтизмѣ, еще не оставленные тогда и въ литературѣ... Бѣлинскій, отличавшійся необыкновенною горячностью въ спо-

рахъ, былъ самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма, поклонникомъ Жуковскаго, Пушкина и др. и въ то время жестоко преслѣдовалъ онъ всякое литературное старовѣрство, все пошлое и фальшивое и немало доставалось отъ него не только Ломоносову, но и Державину за реторическіе стихи и пустозвонныя фразы. Мало по малу случайныя сходки товарищей въ 11-мъ нумерѣ, гдѣ жилъ Бѣлинскій, приняли болѣе правильный характеръ и образовалось нѣчто въ родѣ общества «Литературныхъ вечеровъ», главными учредителями котораго были Бѣлинскій и М. Б. Чистяковъ, впослѣдствіи извѣстный педагогъ. Члены общества разсуждали о прочитанномъ въ журналахъ, о лекціяхъ профессоровъ, читали также собственныя сочиненія и переводы, при чемъ имена авторовъ не назывались, для свободы критики. Президента общества не было; секретаремъ же былъ Чистяковъ. На этихъ вечерахъ Бѣлинскій прочиталъ написанную имъ около этого времени трагедію, которая была не первымъ произведеніемъ его пера, такъ какъ еще въ гимназіи онъ писалъ стихи, но бросилъ ихъ, убѣдившись въ отсутствіи поэтическаго таланта. На трагедію же онъ возлагалъ большія надежды, думая, что она произведетъ сильное впечатлѣніе въ литературѣ. Но она была совершенно неудачна: Бѣлинскій былъ тогда крайнимъ романтикомъ, трагедія его была наполнена убійствами и раздирательными сценами, очень ходульна и неестественна, хотя во всякомъ случаѣ замѣчательна по вліянію на его судьбу и какъ свидѣтельство о его настроеніи: въ ней былъ горячо затронутъ крѣпостной вопросъ. Въ то время Бѣлинскій очень увлекался театромъ, страсть къ которому у него обнаружилась еще въ Пензѣ, гдѣ онъ посѣщалъ спектакли, доваемые крѣпостными помѣщика Гладкова, содержавшаго пензенскій театръ. По иниціативѣ инспектора студентовъ, профессора математики Щепкина, былъ устроенъ въ университетѣ домашній театръ. Костюмы доставались изъ Петров-

скаго театра, а актеръ Щепкинъ объяснялъ студентамъ сценическіе пріемы. Театръ шелъ удачно: искусная игра студентовъ и замѣчательная игра извѣстнаго тогда Радивилова на особой придуманной имъ балалайкѣ привлекали много московской публики. Увлеченіе этимъ театромъ и побудило Виссаріона Григорьевича представить свою трагедію въ цензурный комитетъ, состоявшій изъ университетскихъ профессоровъ, не смотря на предостереженіе Лажечникова и другихъ, что она положительно невозможна. Вотъ какъ самъ Бѣлинскій разсказываетъ въ письмѣ домашнимъ о послѣдовавшемъ результатѣ: «Прихожу черезъ недѣлю въ цензурный комитетъ и узнаю, что мое сочиненіе цензоровалъ Л. А. Ц... Прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ ректору, сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: «Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!» Не буду много распространяться, скажу только, что несмотря на то, что мой цензоръ, въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета, расхвалилъ мое сочиненіе и мои таланты какъ нельзя лучше, оно признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ, и о немъ составили журналъ!... Но послѣ—это дѣло уничтожено, и ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ ему подаваться особенныя донесенія. — Каково это?... надѣялся на вырученную сумму откупиться отъ казны, жить на квартирѣ и хорошенько экипироваться — и всѣ мои блестящія мечты обратились въ противную дѣйствительность, горькую и бѣдственную...»

По разсказу Лажечникова неудача трагедіи очень тяжело отозвалась на Бѣлинскомъ: «Съ того времени сталъ онъ нерадиво посѣщать лекціи и вскорѣ пересталъ ходить на нихъ. Жизнь его помутилась». Впрочемъ, судя по письмамъ, удрученное состояніе Виссаріона Григорьевича длилось не особенно долго, а впослѣдствіи онъ навѣрно былъ очень

радъ, что трагедія его не вышла въ свѣтъ. Однако вся эта исторія имѣла для него и очень серьезное послѣдствіе—въ сентябрѣ 1832 г. (по другимъ свѣдѣніямъ, впрочемъ менѣе вѣроятнымъ—1831 г.) онъ былъ исключенъ «за неспособность». Главною причиною исключенія надо считать впечатлѣніе, произведенное трагедіей, хотя, какъ мы видѣли, Бѣлинскій мало посѣщалъ лекціи и слишкомъ два года былъ оставляемъ на лекціяхъ перваго курса, но въ то время, по имѣющимся примѣрамъ, одно это еще не могло вести къ исключенію. Виссаріонъ Григорьевичъ былъ чрезвычайно смущенъ постигшей его новой неудачей и около года скрывалъ ее отъ родныхъ, пока дѣла его нѣсколько не улучшились...

Бѣлинскій очень мало вынесъ изъ университета, который въ его время находился еще только на порогѣ возрожденія. Изъ профессоровъ было много нравственно прекрасныхъ личностей, были и серьезные ученые, какъ Каченовскій, но не было живыхъ талантливыхъ людей, могущихъ возбуждать умственно. Единственное исключеніе представлялъ Надеждинъ, но онъ началъ чтеніе лекцій (въ 1831 г.) уже къ концу пребыванія Бѣлинскаго въ университетѣ и хотя имѣлъ на Виссаріона Григорьевича чрезвычайное вліяніе, но больше своими сочиненіями, личнымъ знакомствомъ и т. д. Такъ закончилось школьное образованіе Виссаріона Григорьевича... Но самостоятельно учиться и развиваться онъ продолжалъ всю жизнь, какъ учился и развивался помимо и уроковъ, и лекцій чтеніями и размышленіями въ бытность свою въ гимназіи и университетѣ. .

По выходѣ изъ университета Виссаріонъ Григорьевичъ очутился въ крайней нуждѣ. Онъ поселился со своими земляками и родственниками Ивановыми, изъ которыхъ одинъ служилъ небольшимъ чиновникомъ въ сенатѣ, а другой былъ студентъ, и сталъ искать уроковъ и какой нибудь литературной работы. Въ это время онъ перевелъ

«Монфермельскую молочницу» романъ Поль-де-Кока въ 4-хъ ч. «Къ Рождеству», пишетъ онъ роднымъ, — «съ великими трудами, просиживая иногда напролетъ цѣлыя ночи, а во время дня не слѣзая съ мѣста, перевелъ его, въ надеждѣ пріобрѣсти рублей 300. Но фортуна и тутъ прежестоко подшутила надо мной, въ газетахъ было объявлено о другомъ переводѣ сего самаго сочиненія, и потому я едва-едва могу получить 100 р. асс.» Наконецъ, въ половинѣ великаго поста, онъ познакомился съ Надеждинымъ и сталъ получать постоянную работу для его журналовъ («Телескопъ» и «Молва»), въ видѣ переводовъ съ французскаго. Надо замѣтить, что оригинальными произведеніями Бѣлинскій выступилъ на литературное поприще ранѣе, его стихотвореніе «Русская быль», весьма впрочемъ слабое, и небольшая библіографическая статейка, по поводу одной брошюры о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина, были помѣщены въ весьма курьезномъ журналѣ «Листокъ», выходившемъ нѣкоторое время въ 1831 г.

Но работы для Надеждина далеко еще не обезпечивали Бѣлинскаго и онъ продолжалъ искать занятій. Такъ между прочимъ старался получить мѣсто уѣзднаго учителя въ Бѣлоруссіи, но это не удалось. Только къ 1834 г. положеніе его улучшилось: онъ нашелъ выгодные уроки и извѣщаетъ родныхъ, что достаетъ за нихъ 64 руб. въ мѣсяцъ. Переводами онъ также продолжалъ заниматься и перевелъ другой романъ «Поль-де-Кока» «Магдалину», вышедшій въ 1833 г.

Съ сентября 1834 г. начинается серьезная литературная дѣятельность Бѣлинскаго, въ этомъ мѣсяцѣ онъ выступилъ въ «Молвѣ» съ замѣчательной статьей «Литературныя мечтанія», составлявшей живой и талантливый обзоръ судьбы русской литературы. Въ ней Бѣлинскій пришелъ къ выводу, что у насъ «нѣтъ литературы», въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ онъ ее понимаетъ; но этотъ отри-

цательный выводъ не страшитъ его, выводъ этотъ важенъ и дорогъ какъ первое сознаніе объ истинномъ значеніи литературы — съ него должны начаться ея дѣйствительное развитіе и успѣхи. Статья эта произвела большое впечатлѣніе. По мыслямъ, заключавшимся въ ней, авторомъ ее считали Надеждина и, дѣйствительно, она во многомъ написана подъ его вліяніемъ. Бѣлинскій, какъ критикъ, былъ продолжатель Надеждина и исходная точка его соприкасалась со взглядами предшественника. Съ другой стороны статью эту считали за выраженіе взглядовъ кружка Станкевича, къ которому тѣсно принадлежалъ тогда Бѣлинскій. Но надо замѣтить, что онъ входилъ въ кружокъ философовъ—идеалистовъ, гдѣ первенствовалъ Станкевичъ, какъ самостоятельный членъ и вообще тогда и послѣ, откуда и гдѣ бы не заимствовалъ онъ познанія свои, онъ ихъ переработывалъ, такъ сказать, въ плоть и кровь свою и дѣлалъ изъ нихъ самостоятельные выводы, до которыхъ часто не додумывался и передавшій основныя понятія Виссаріону Григорьевичу.

Съ Станкевичемъ нашъ знаменитый критикъ познакомился по всей вѣроятности еще въ университетѣ и былъ съ нимъ друженъ до самой его смерти. Пыпинъ въ біографіи Бѣлинскаго относитъ это знакомство ко времени изданія упомянутаго выше «Листка» т. е. къ 1831 году. Болѣзненный и тихій по характеру, поэтъ и мечтатель, Станкевичъ былъ естественно склоненъ къ отвлеченному мышленію и къ созерцанію болѣе, чѣмъ къ вопросамъ жизненнымъ и практическимъ. Благодаря же своему тонкому художественному пониманію, безспорному философскому таланту и необыкновенному и глубокому уму онъ сталъ центромъ замѣчательнаго кружка чистыхъ идеалистовъ, одинаково съ нимъ отрѣшившихся отъ дѣйствительности и предавшихся изученію важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ, въ противоположность другому не менѣе замѣчатель-

ному кружку молодежи, съ самаго начала увлекавшихся общественными теоріями. Заслуга Станкевича несомнѣнна— онъ первый началъ у насъ серьезное изученіе нѣмецкой философіи и ввелъ его въ программу, которую нужно было пройти нашей образованности. Философія и поэзія поглощали всѣ интересы кружка; Шекспиръ, Гете и Шиллеръ былъ предметомъ особеннаго поклоненія. Другимъ предметомъ почитанія былъ еще театръ. Вотъ какъ говорилъ Бѣлинскій о немъ въ первой своей статьѣ — «Театръ! любите ли вы театръ, какъ я люблю его, то-есть всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго?» — Изъ кружка Станкевича Бѣлинскій сблизился особенно и на всю жизнь съ главой кружка и вступившимъ впослѣдствіи въ него В. П. Боткинымъ. Одновременно со Станкевичемъ онъ познакомился съ Кольцовымъ и глубоко полюбилъ его.

Послѣ «Литературныхъ мечтаній» Виссаріонъ Григорьевичъ сталъ много писать для «Телескопа» и «Молвы», но матеріальное положеніе его все еще продолжало быть неудовлетворительнымъ, тѣмъ болѣе, что на его рукахъ были братъ и племянникъ. Онъ опять давалъ уроки, которыхъ впрочемъ никогда не могъ долго выносить. Надо замѣтить однако, что не всегда обстоятельства были виною затруднительнаго положенія Бѣлинскаго, онъ самъ отличался полною непрактичностью и даже, когда представлялась возможность, не могъ справиться со своими дѣлами.

Въ маѣ 1835 г. Надеждинъ оставилъ службу въ университетѣ и собираясь заграницу передалъ изданіе «Телескопа» и «Молвы» Бѣлинскому и его друзьямъ. Новая редакція энергично принялась за дѣло. Вліяніе ея отразилось на «Телескопѣ», который тотчасъ превратился въ журналъ съ опредѣленнымъ эстетическимъ взглядомъ. Цѣлью журнала стало опредѣлить по понятіямъ кружка тогдашнее со-

стояніе литературы, преслѣдовать всякую рутину, объяснять истинныя требованія литературы и указывать явленія, въ которыхъ совершается ея здравое развитіе. Журналъ оставался въ рукахъ кружка въ продолженіи полугода и имъ было издано 6 книжекъ. И по возвращеніи Надеждина изъ заграницы Бѣлинскій также дѣятельно участвовалъ въ «Телескопѣ» и «Молвѣ», пока въ октябрѣ 1836 года не послѣдовало неожиданное прекращеніе журнала, происшедшее вслѣдствіе помѣщенія въ 15-й (предпослѣдней) книжкѣ его «Философскаго письма» Чаадаева.

Послѣ прекращенія журнала, Бѣлинскій остался безъ всякихъ средствъ. Надежда его найти постоянную работу въ петербургскомъ журналѣ «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду» осталась тщетною. Послѣ посланныхъ двухъ-трехъ библіографическихъ статеекъ о повѣстяхъ Н. Ф. Павлова, онъ не сотрудничалъ болѣе въ журналѣ, не сойдясь съ редакторомъ (Краевскимъ) въ характеристикѣ этихъ повѣстей. Не находя другой работы, Бѣлинскій началъ составлять учебникъ грамматики, мысль о которомъ занимала его впрочемъ уже давно. Онъ напечаталъ учебникъ на свой счетъ и весной 1837 г. онъ появился въ свѣтъ. Надежды Виссаріона Григорьевича на поправленіе этимъ путемъ своихъ обстоятельствъ однако не оправдались. Книга, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, имѣла и существенные недостатки, напр. неправильность нѣкоторыхъ теоритическихъ объясненій состава предложенія, а, главное далеко не была удобна для первоначальнаго обученія. Распродажа учебника шла очень туго. «Бѣлинскій могъ существовать только при помощи друзей (Боткина) и постоянными займами, которые до нельзя тяготили его. Къ тому онъ заболѣлъ и долженъ былъ ѣхать лечиться на Кавказъ. Замѣчательно, что при этихъ тяжелыхъ личныхъ обстоятельствахъ начался у него рѣшительный поворотъ во взглядахъ, приведшій его къ полному примиренію съ дѣйстви-

тельностію. Поворотъ этотъ ясно показываетъ, насколько независимы были взгляды его отъ обстоятельствъ жизни, и какъ несправедливы были объясненія демократизма его послѣдняго, петербургскаго періода—бѣдностью и т. п.

Поклоненіе дѣйствительности началось подъ вліяніемъ изученія кружкомъ, къ которому принадлежалъ Виссаріонъ Григорьевичъ, Гегеля. При всей своей узкости оно было все таки шагомъ впередъ съ абстрактнымъ идеализмомъ, подъ вліяніемъ котораго кружокъ находился до 1837 года.

Поѣздка на Кавказъ освѣжила Бѣлинскаго, но дѣла его не поправились раньше весны 1838 г., когда онъ сдѣлался редакторомъ (впрочемъ не объявленнымъ) журнала «Наблюдатель», перешедшаго въ собственность московскаго типографа Степанова. Такимъ образомъ Виссаріону Григорьевичу пришлось редактировать журналъ, гдѣ прежде сотрудничалъ литературный врагъ его, Шевыревъ. Бѣлинскій участвовалъ въ «Наблюдателѣ» около года и чрезвычайно поднялъ его, сдѣлавъ при помощи своего кружка безъ сомнѣнія однимъ изъ лучшихъ журналовъ того времени, по цѣльности характера, по достоинству литературнаго отдѣла, и наконецъ по критикѣ. Но журналъ тѣмъ не менѣе шелъ плохо, такъ какъ для большинства публики онъ былъ мало занимателенъ, однообразенъ; въ журналѣ не было почти русскихъ повѣстей, кромѣ Кудрявцева и т. д. Самъ Бѣлинскій думалъ, что «Наблюдатель» назначается для «аристократіи читающей публики», а эта аристократія оказалась слишкомъ малочисленною. Надо замѣтить впрочемъ, что кружокъ Бѣлинскаго находился тогда въ періодѣ полнаго примиренія съ дѣйствительностію, почему направленіе его не раздѣлялось и частію наиболѣе развитыхъ людей, какъ Грановскій и др. Къ тому-же у издателя не было средствъ, чтобы соперничать съ другими изданіями, напр. съ «Библіотекою для чтенія», платившею авторамъ большой гонорарій, а сотрудники «Наблюдателя» работали даромъ.

Въ этотъ періодъ времени Бѣлинскій началъ обмѣниваться письмами и сблизился съ Панаевымъ, при содѣйствіи котораго и состоялся переходъ Бѣлинскаго къ дѣятельному сотрудничеству въ «Отечественныхъ Записках». Сотрудничество это началось со второй половины 1839 г. Принявъ условія редактора журнала г. Краевскаго, состоявшія въ платѣ 3,500 р. въ годъ за веденіе всего критическаго и библіографическаго отдѣла и въ высылкѣ незначительной суммы впередъ на уплату части долговъ и переѣздъ въ Петербургъ, Бѣлинскій выѣхалъ изъ Москвы. Передъ отъѣздомъ своимъ, онъ имѣлъ въ Москвѣ споры объ учрежденіяхъ съ представителями упомянутаго уже нами другаго кружка молодежи, горячо отстаивалъ свой взглядъ о разумности дѣйствительности и смѣло высказалъ его въ извѣстныхъ статьяхъ о «Менцелѣ» и «Бородинской годовщинѣ», которыя впослѣдствіи такъ мучили его.

Переселеніе въ Петербургъ, было благодѣтельно для дальнѣйшаго развитія воззрѣній Бѣлинскаго. Онъ оторвался отъ кружковыхъ взглядовъ, которые при всемъ достоинствѣ неизбѣжно страдали узкостью, и выступилъ въ практическую жизнь, сталъ лицомъ къ лицу къ той дѣйствительности, абсолютную разумность которой такъ горячо защищалъ—и вотъ скоро начался новый поворотъ въ его мнѣніяхъ. Еще печатались въ исходѣ 1839 г. и въ первой книжкѣ «От. Зап.» 1840 г. его статьи, рѣзко выражавшія его послѣдніе взгляды, а въ письмахъ къ другу, Боткину, замѣтно уже колебаніе, которое все усиливалось, пока наконецъ не завершилось къ исходу 1840 г. полнымъ переворотомъ. Новый взглядъ Бѣлинскаго былъ равно далекъ и отъ прежняго абстрактнаго идеализма, и отъ признанія абсолютной разумности дѣйствительности. Онъ остался идеалистомъ, но идеалистомъ-практикомъ, если можно такъ выразиться и посвятилъ себя на улучшеніе дѣйствительности, на борьбу со всякой рутиной, со всякимъ зломъ.

При перемѣнѣ взглядовъ Виссаріона Григорьевича, послѣдовало полное примиреніе съ другимъ кружкомъ московской молодежи, изучавшимъ общественную жизнь, о которомъ мы нѣсколько разъ упоминали, и дружба съ главою того кружка—авторомъ «Былаго и Думъ».

Личная жизнь Бѣлинскаго за это время была довольно тяжела. Всякій переломъ его воззрѣній сопровождался скукою, апатіею, на которыя мы встрѣчаемъ частыя указанія въ его письмахъ къ Боткину. Къ тому же и положеніе «Отеч. Записокъ» еще не было упрочено, что конечно отражалось на немъ. Журналъ встрѣчалъ многочисленныя нападки, и несмотря на блестящую постановку, благодаря сотрудничеству кружка друзей Бѣлинскаго, далеко еще не могъ считаться вполнѣ упрочившимся. Къ тому же 1840 г. послѣдовала смерть Станкевича, отозвавшаяся тяжело на Бѣлинскомъ.

Съ 1841 г. начался наиболѣе благотворный періодъ дѣятельности знаменитаго критика. Новыя возрѣнія его раздѣлялись лучшею частію русскихъ развитыхъ людей, видѣвшихъ наше развитіе въ сопричисленіи къ общеевропейской образованности и извѣстныхъ потому подъ именемъ «западниковъ», въ противуположность славянофиламъ. Съ послѣдними Бѣлинскій вступилъ вскорѣ въ жестокую полемику и одной изъ первыхъ статей его въ этомъ направленіи была статья «Педантъ, литературный типъ», направленная противъ Шевырева, начавшаго вмѣстѣ съ Погодинымъ въ 1841 г. изданіи «Москвитянина». Надо замѣтить впрочемъ, что вызовъ былъ сдѣланъ не Бѣлинскимъ, а именно этимъ журналомъ. «Отечественныя Записки» начинали имѣть все большій и большій успѣхъ, главнымъ образомъ благодаря статьямъ Бѣлинскаго, мнѣнія котораго съ каждымъ годомъ пріобрѣтали многочисленныхъ адептовъ среди тогдашней интеллигенціи. Но самъ онъ скоро началъ утомляться тяжелыми условіями журналистики и непомѣрной работой.

Бѣлинскій писалъ очень быстро — статьи его по большей части мгновенныя импровизаціи, но ему приходилось давать отчетъ о всѣхъ выходящихъ тогда книгахъ. «Одинъ разъ, разсказываетъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, я засталъ Бѣлинскаго ходящимъ по комнатѣ въ волненіи и съ усиліемъ махающимъ правою рукою.—«Что это съ вами?» спросилъ я его. — «Рука отекла отъ писанья... Я часовъ восемь сряду писалъ, не вставая. Говорятъ, я самъ виноватъ, потому что откладываю писанье свое до послѣднихъ дней мѣсяца. Можетъ быть это отчасти и правда, но взгляните, Бога ради, сколько книгъ мнѣ присылаютъ... и какія еще книги—посмотрите: азбуки, грамматики, сонники, гадальныя книжонки! И я долженъ непремѣнно хоть по нѣскольку словъ написать объ каждой изъ этихъ книжонокъ!»

Послѣ такихъ усиленныхъ занятій Виссаріонъ Григорьевичъ нѣкоторое время положительно не могъ браться за перо. Тяжелыя тогдашнія условія литературы также приносили ему много огорченій. Въ это время онъ пристрастился къ игрѣ въ преферансъ, которой предавался съ необыкновеннымъ увлеченіемъ. «Я готовъ играть», пишетъ Бѣлинскій Боткину, «утромъ, вечеромъ, ночью, днемъ, не ѣсть и играть, не спать и играть. Страсть моя къ преферансу ужасаетъ всѣхъ; но страсти нѣтъ, ты поймешь, что есть».

19 октября 1842 г. умеръ Кольцовъ и Бѣлинскій испыталъ, какъ и при смерти Станкевича, тоже сухое чувство горя, которое первое время не находитъ выраженія и тяжело ложится на душу. Лѣто 1843 г. онъ провелъ въ Москвѣ и сблизился здѣсь съ особой, которая вскорѣ стала его супругой.

Семейная жизнь мало измѣнила Виссаріона Григорьевича —онъ сталъ только еще болѣе работать, но жилъ по прежнему среди немногихъ друзей. Вообще всѣ попытки втянуть его въ свѣтское общество были неудачны. Въ то время князь Одоевскій устраивалъ литературные вечера, на которые приглашались писатели и аристократія. Панаевъ пы-

тался ввести на эти вечера Бѣлинскаго, котораго Одоевскій глубоко уважалъ, но все разбилось о чрезвычайную конфузливость Виссаріона Григорьевича. «Бѣлинскій, разсказываетъ Панаевъ, долго не рѣшался появиться въ этомъ салонѣ, несмотря на то, что чувствовалъ большое расположеніе къ его хозяину; доказательствомъ того было то, что онъ высказывался предъ нимъ вполнѣ, иногда даже съ такою энергіею, которая приводила хозяина салона въ большое смущеніе.—«Отчего вы не хотите бывать у меня? Я сердитъ на васъ», говорилъ онъ Бѣлинскому. — «Сказать вамъ правду—отчего? отвѣчалъ улыбаясь Бѣлинскій: — «я человѣкъ простой, неловкій, робкій, отъ роду не бывавшій ни въ какихъ салонахъ... У васъ же тамъ бываютъ дамы, аристократки, а я и въ обыкновенномъ-то дамскомъ обществѣ вести себя не умѣю... Нѣтъ, ужъ избавьте меня отъ этого! Вѣдь вамъ же будетъ нехорошо, если я сдѣлаю какую-нибудь неловкость или неприличіе по вашему». — Но несмотря на это, хозяинъ салона непремѣнно хотѣлъ, чтобъ Бѣлинскій былъ въ числѣ его гостей». — Виссаріонъ Григорьевичъ сдался наконецъ и посѣщеніе его дѣйствительно было неудачно. На вечерѣ онъ по разсѣянности, облокотился на столикъ съ одной ножкой, уставленный бутылками и опрокинулъ его, послѣ чего немедленно отправился домой, «близкій къ кончинѣ». «Вообще, говоритъ Панаевъ,—Бѣлинскій не терпѣлъ разнороднаго, мало знакомаго и большаго общества. Онъ даже, бывало, при появленіи въ нашемъ обычномъ кружкѣ какого-нибудь незнакомаго лица, измѣнялся мгновенно, впадалъ въ дурное расположеніе духа и переставалъ говорить».

Въ послѣдніе годы (1844 и 1845) сотрудничества Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», журналъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ въ блестящемъ положеніи, замѣчательномъ и по направленію, и по достоинству помѣщенныхъ въ немъ статей. Матеріальное положеніе его могло считать-

ся также очень хорошимъ. Всему этому «От. Зап.» были обязаны Виссаріону Григорьевичу и кружку его друзей.

Въ 1844 г. произошло нѣкоторое сближеніе между московскими друзьями его и славянофильской партіей, къ которому Бѣлинскій отнесся строго. Такъ напр., когда Грановскій далъ одну статью свою къ москвитянамъ, то Бѣлинскій писалъ въ Москву. «Я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу... Грановскій хочетъ знать, читалъ ли я его статью въ «Москвитянинѣ». Нѣтъ и не буду читать: скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія». Бѣлинскій былъ правъ —сношенія эти не повели ни къ чему и кончились полнымъ разрывомъ. Однако друзья его, тѣмъ не менѣе, кое-что позаимствовали изъ взглядовъ лучшихъ славянофиловъ на народъ.

Отношеніи завѣдывавшихъ дѣлами «От. Зап.» къ Виссаріону Григорьевичу были далеко не таковы, какими бы имъ слѣдовало быть. Онъ былъ заваленъ массой журнальной срочной работы, не Богъ вѣсть какъ и вознаграждавшейся, окруженъ многими непріятностями, а здоровье его между тѣмъ все ухудшалось. Наконецъ осенью 1845 г. серьезная болѣзнь, грозившая даже опасностью для жизни, окончательно подкосила силы его. Въ началѣ 1846 г. онъ порѣшилъ оставить журналъ. Выясняя причины своего рѣшенія, Виссаріонъ Григорьевичъ писалъ отъ 2-го января этого года въ Москву: «Журнальная срочная работа высасываетъ изъ меня жизненныя силы, какъ вампиръ кровь... Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно заваленная грязью и соромъ россійской словесности. Здоровье видимо разрушается. Но трудъ не опротивѣлъ. Я больной писалъ большую статью о жизни и сочиненіяхъ Кольцова, и работалъ съ наслажденіемъ; въ другое время я въ три недѣли чуть не изготовилъ къ печати цѣлой книги, и эта работа была мнѣ сладка, сдѣлала меня весе-

лымъ, довольнымъ и бодрымъ духомъ. Стало быть, мнѣ невыносима и вредна только срочная журнальная работа; она тупитъ мою голову, разрушаетъ здоровье, искажаетъ характеръ и безъ того брюзгливый и мелочно-раздражительный, но трудъ не ex officio былъ бы мнѣ отраденъ и полезенъ. Вотъ первая и главная причина»... Для изысканія же средствъ для жизни Вис. Григ. задумалъ издать альманахъ. Предпріятію его благопріятствовалъ вообще бойкій ходъ альманаховъ въ то время и еще то обстоятельство, что половина сороковыхъ годовъ (45, 46 и 47 г.) была богата вновь начинавшими замѣчательными писателями. Такъ въ это время обратился къ повѣстямъ Тургеневъ, начали писать Достоевскій, Гончаровъ, Григоровичъ...

Многіе изъ друзей откликнулись на призывы Бѣлинскаго и у него собрался для альманаха рядъ замѣчательныхъ статей и разсказовъ. Была тутъ напр. «Обыкновенная исторія» Гончарова, «Сорока-воровка» и «Записки д-ра Крупова», замѣчательная статья Кавелина «Юридическій бытъ древней Россіи» и пр. и пр. Весь этотъ матерьялъ поступилъ впослѣдствіи въ распоряженіе редакціи «Современника» и далъ возможность прекрасно поставить журналъ, альманахъ-же такъ никогда и не былъ изданъ... Озабоченные о здоровьи Виссаріона Григорьевича московскіе друзья его вскорѣ посовѣтовали ему совершить поѣздку на югъ Россіи, вмѣстѣ съ отправлявшимся туда извѣстнымъ артистомъ М. С. Щепкинымъ, причемъ прямо предложили даже денежную помощь, извѣщая объ обрѣтеніи «явленныхъ 500 руб.». Бѣлинскій съ восторгомъ принялъ это предложеніе и выѣхалъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля изъ Петербурга въ Москву, а 16-го мая отправился со Щепкинымъ на югъ. Въ этой поѣздкѣ Виссаріонъ Григор. посѣтилъ Калугу, Харьковъ, Херсонъ, Одессу и наконецъ Крымъ.

Въ отсутствіи Виссаріона Григорьевича было рѣшено преобразованіе Пушкинскаго «Современника». Послѣ смерти

поэта журналъ этотъ перешелъ въ завѣдываніе его друзей, которые скоро охладѣли къ изданію и передали журналъ въ полное распоряженіе и собственность Плетневу. «Современникъ» выходилъ тогда тоненькими 12-ю книжками въ годъ, былъ крайне безцвѣтенъ, держался внѣ литературной полемики и не имѣлъ успѣха Вслѣдствіе чего въ 1846 г., Плетневъ согласился передать его въ аренду новой редакціи, состоявшей изъ людей близкихъ къ Бѣлинскому, порѣшившихъ обновить журналъ участіемъ своего кружка и превращеніемъ въ толстый. По возвращеніи своемъ изъ поѣздки Виссаріонъ Григорьевичъ былъ крайне обрадованъ обновленіемъ «Современника», «Всѣ эти приготовленія», разсказываетъ Панаевъ, «толки о новомъ изданіи, мысль, что онъ освободясь отъ непріятной ему зависимости, будетъ теперь свободно дѣйствовать съ людьми, къ которымъ онъ питалъ полную симпатію, которые глубоко уважали и любили его; наконецъ довольно забавная полемика, возникшая тогда между нами и «Отечественными Записками»,—все это поддерживало его нервы, оживляло и занимало его».

Весь собранный для альманаха матерьялъ Бѣлинскій передалъ новой редакціи, чѣмъ доставилъ богатый выборъ замѣчательныхъ произведеній на нѣсколько книжекъ. Эта передача, а также постоянное дѣятельное сотрудничество его въ журналѣ, привлекавшее къ участвованію въ «Современникѣ» лучшихъ нашихъ писателей, обусловили успѣхъ уже съ первыхъ нумеровъ. Къ сожалѣнію дѣло не обошлось безъ новыхъ недоразумѣній отчасти между Бѣлинскимъ и редакціею журнала, отчасти между послѣднею и московскими друзьями критика, которые считали «Современникъ» за журналъ Бѣлинскаго и находили, что интересы его не получали достаточнаго вниманія. Эти недоразумѣнія повели къ тому, что московскіе друзья Вис. Григ. стали отдавать свои статьи и въ «Отеч. Зап.», не видя, почему имъ не поддерживать журналъ съ тѣмъ же направленіемъ, какъ и «Современникъ».

Между тѣмъ здоровье Бѣлинскаго, не смотря на поѣздку на югъ, не поправлялось и уже въ самомъ началѣ 1847 г. докторъ, лечившій его, началъ посылать его на воды, въ Силезію. Но по недостатку средствъ, путешествіе Виссаріона Григорьевича за-границу могло устроиться только къ маю и то, благодаря помощи друзей, собранной главнымъ образомъ стараніями Боткина. Весною ему пришлось вынести новый ударъ — потерю сына, послѣ смерти котораго у него оставалась лишь дочь, родившаяся въ 1845 г. Извѣщая Тургенева, въ письмѣ отъ 12-го апрѣля, о кончинѣ сына, Бѣлинскій говоритъ: «Это меня уходило страшно. Я не живу, а умираю медленною смертью». Наконецъ 5-го мая Виссаріонъ Григор. выѣхалъ на пароходѣ въ Штетинъ, куда и прибылъ 9-го мая, а 10-го уже былъ въ Берлинѣ.

Путешествіе мало принесло удовольствія Бѣлинскому; подъ вліяніемъ болѣзни, онъ былъ разсѣянъ, скучалъ и желалъ быть дома. Не мало хлопотъ причиняло ему также незнаніе иностранныхъ языковъ. Такъ напр. въ Берлинѣ онъ долженъ былъ съѣхаться съ Тургеневымъ, но могъ розыскать его только при помощи случайно встрѣтившагося трактирнаго слуги, говорившаго по-русски. Найдя наконецъ Тургенева, Бѣлинскій былъ чрезвычайно радъ: «я почувствовалъ себя въ пристани», пишетъ онъ, «со мною была моя нянька». Изъ Берлина они отправились вмѣстѣ въ Дрезденъ, откуда сдѣлали экскурсію въ Саксонскую Швейцарію. Но и живописная мѣстность не заняла больнаго. «Я ходилъ пѣшкомъ», пишетъ онъ, «ѣздилъ верхомъ, носили меня на носилкахъ... видѣлъ чудную природу, прекрасныя и грандіозныя мѣстоположенія... но все это скоро надоѣло мнѣ». 22-го мая прибыли они въ мѣсто леченія— Зальцбрунъ. Мѣстный докторъ принялся лечить Вис. Григ. минеральною водою и сывороткою изъ козьяго молока, но къ сожалѣнію лѣто было крайне дурное, а докторъ оказался не особенно знающимъ, и леченіе было малоуспѣшно.

Изъ Зальцбруна Бѣлинскій обмѣнялся письмами съ Гоголемъ, по поводу его «Избранныхъ мѣстъ изъ переписки». Книга эта чрезвычайно возмутила Виссаріона Григорьевича и онъ помѣстилъ по поводу ея рѣзкую статью въ «Современникѣ», которая и побудила Гоголя написать ему письмо въ двусмысленномъ тонѣ смиренія и колкости. Бѣлинскій отвѣчалъ изъ Зальцбруна въ высшей степени замѣчательнымъ письмомъ, гдѣ изложилъ свой взглядъ на положеніе Россіи въ то время, на значеніе первыхъ великихъ произведеній Гоголя и проч. Переписка закончилась отвѣтомъ Гоголя, написаннымъ уже въ иномъ тонѣ,—не желая признать, что противникъ его правъ, онъ тѣмъ не менѣе видимо былъ подавленъ тяжестію упрековъ, которыхъ не могъ опровергнуть.

По окончаніи леченія въ Зальцбрунѣ, Бѣлинскій отправился въ Парижъ, чтобы посовѣтоваться съ тамошнимъ врачемъ Тира-де-Мальморъ, который славился тогда леченіемъ чахотки и поправлялъ даже будто бы людей, вполнѣ безнадежныхъ. На дорогѣ равнодушіе Виссаріона Григорьевича не оставляло его, такъ онъ не захотѣлъ осматривать Кельнскій соборъ, дабы не терять лишній день, но Парижъ оживилъ и плѣнилъ его, чему не мало впрочемъ способствовалъ цѣлый рядъ близкихъ друзей, встрѣтившихъ его здѣсь. Тира-де-Мальморъ не нашелъ положеніе Бѣлинскаго опаснымъ и надѣялся вполнѣ вылечить его, только совѣтовалъ поселиться для пользованія чистымъ воздухомъ и удобствомъ леченія въ Пасси, гдѣ была лечебница доктора. Устроившись въ Пасси, Бѣлинскій сталъ дѣятельно лечиться и дѣйствительно скоро сталъ чувствовать себя значительно лучше. Но желаніе скорѣе вернуться домой не оставляло его и 12-го августа, съ разрѣшенія доктора, онъ вышелъ изъ лечебницы; посвятивъ нѣкоторое время на осмотръ Парижа, онъ двинулся въ обратный путь чрезъ Брюссель на Берлинъ, далѣе на Штетинъ, а оттуда на парохо-

дѣ въ Петербургъ, куда и прибылъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Тяжелая петербургская осень однако опять отозвалась на немъ и снова ухудшила его здоровье,—очевидно онъ уже рѣшительно не могъ выносить петербургскаго климата. «Я хрипѣлъ, задыхался», пишетъ онъ вскорѣ по возвращеніи, «словомъ это былъ вечеръ хуже самыхъ худыхъ дней прошлой зимы, когда я безпрестанно умиралъ». Тѣмъ не менѣе Вис. Григ. снова принялся за труды и новыя статьи его въ «Современникѣ» показали, что талантъ его еще не угасъ.

Въ началѣ 1848 г. здоровье нашего знаменитаго критика окончательно ухудшилось... онъ уже не въ состояніи самъ писать, а диктуетъ свои письма и статьи женѣ. Но сотрудничество въ журналѣ все еще продолжалось, хотя и съ перерывами. Къ тому же разныя непріятности, послѣдовавшія для него въ новомъ году, тяжело отозвались на немъ. Къ веснѣ Бѣлинскій видимо началъ угасать, а 26-го мая 1848 г. его не стало.

Семейство Виссаріона Григорьевича осталось безъ всякихъ средствъ. Самые похороны его были устроены на деньги собранные у друзей, которые согласились выдавать ежегодно извѣстную сумму на содержаніе семейства. Жена Бѣлинскаго пріѣхала вслѣдъ затѣмъ въ Москву и поступила кастеляншей въ институтъ, гдѣ была прежде классной дамой; дочь-же его начала пользоваться здѣсь уроками. По основаніи литературнаго фонда въ 1860 г. семейству Бѣлинскаго была назначена пенсія, наиболѣе значительная, какія только когда опредѣлялъ фондъ. Г-жа Бѣлинская просила, впрочемъ о сокращеніи его—такъ какъ къ тому времени явился новый источникъ доходовъ для семейства знаменитаго критика, въ изданіи его сочиненій (1859 — 1862 гг.), которымъ окончательно и обезпечена была семья его.

В. Г. Бѣлинскій похороненъ на Волковомъ кладбищѣ; въ 1861 г. рядомъ съ нимъ погребенъ Добролюбовъ, а въ 1868 г.—Писаревъ.

IX.

Юрій Федоровичъ Самаринъ.

1819—1876 гг.

Біографія Юрія Федоровича Самарина, этого безупречнаго и самоотверженнаго дѣятеля на пользу родной страны, человѣка — *земли*, *земства*, какъ опредѣляетъ его И. С. Аксаковъ, богата не фактами, но трудами, плодотворной дѣятельностью, примѣрами высокой, безкорыстной преданности дѣлу. Знакомясь ближе съ его личностью, невольно проникаешься глубокимъ уваженіемъ и горячей симпатіей. Доказательствомъ тому можетъ служить чувство искренней скорби, охватившее самые разнообразные слои русскаго общества при извѣстіи о его внезапной кончинѣ. «Это былъ духъ воинствующій», говоритъ И. С. Аксаковъ о Юріи Федоровичѣ, духъ вѣчно, неослабно стремившійся къ высшей истинѣ—не къ какой-то искомой и неопредѣленной, а опредѣленно вѣруемой и исповѣдуемой. Не скачками, не порывами, увлеченіемъ чувствъ, — онъ сознательно, всѣмъ своимъ существомъ, шелъ неуклонно впередъ,—созрѣвая и совершенствуясь нравственно, водимый мощнымъ умомъ и сильною волею во свѣтѣ религіи. Это былъ христіанинъ во всеоруженіи языческой мудрости и научнаго знанія; это былъ даровитѣйшій дѣятель современной науки общественной жизни во всеоруженіи нравственныхъ, христіанскихъ

Ю. Самарин

убѣжденій. Это былъ человѣкъ, который, богатъ талантами, никогда не надмѣвался ими, и, пренебрегая славою, не щеголяя духовной красотою; добровольно, по внутреннему свободному побужденію, обращалъ себя въ смиреннаго труженика, если, по его мысли, того требовала общая польза. При блестящемъ общественномъ положеніи, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ блага земныя, онъ въ «святая святыхъ» своей души носилъ запросы аскета и героическую стихію, постоянно совершалъ жертвоприношенія своею личною жизнью, постоянно священнодѣйствовалъ по слову апостола — «духомъ горяще, Господеви работающе». Прибавимъ къ этой краткой характеристикѣ, что Юрій Федоровичъ, будучи ученикомъ и другомъ Хомякова, товарищемъ и другомъ Константина Сергѣевича Аксакова, словомъ будучи славянофиломъ, въ то время высоко цѣнилъ западную цивилизацію, изучилъ основательно классическую древность, зналъ, какъ немногіе, новѣйшіе языки и никогда не поддавался смѣшной и односторонней крайности. Приверженность свою къ доктринѣ онъ лишь выказывалъ въ томъ, что богатый запасъ своего знанія примѣнялъ къ русскому быту съ разборчивостью, принимая одно, отвергая другое, опасаясь и избѣгая лишь ломки, преждевременнаго и легкомысленнаго искаженія народнаго быта. Всѣ тѣ нововведенія, которыя вносили истинный свѣтъ въ русское общество, онъ защищалъ горячо, хотя бы они и исходили изъ чужихъ краевъ. Упрека въ узкости или односторонности, слѣдовательно, никто не можетъ сдѣлать Юрію Федоровичу.

Перейдемъ теперь къ біографическимъ даннымъ, находящимся въ нашихъ рукахъ благодаря любезному содѣйствію брата покойнаго, Дмитрія Федоровича Самарина, котораго просимъ принять здѣсь нашу глубочайшую признательность.

Юрій Федоровичъ родился въ Петербургѣ 21-го апрѣля 1819 г. и принадлежалъ къ богатой дворянской семьѣ. Извѣстный въ свое время поэтъ, Ф. А. Нелединскій-Мелец-

кій приходился ему по матери дѣдомъ. Первоначальное образованіе, до вступленія въ университетъ, Юрій Федоровичъ получилъ дома, подъ руководствомъ отца своего, Федора Васильевича, всецѣло посвящавшаго себя воспитанію своихъ дѣтей. Наставниками его были: С. И. Пако и Н. И. Надеждинъ. Первый изъ нихъ поступилъ въ домъ Самариныхъ въ 1824 г. по личному приглашенію Федора Васильевича, въ то время бывшаго во Франціи. Впослѣдствіи онъ состоялъ лекторомъ въ Московскомъ университетѣ. Юрій Федоровичъ до самой смерти питалъ къ нему дружбу и душевную признательность. Второй поступилъ къ Самаринымъ въ 1826 г. изъ рязанской семинаріи, гдѣ онъ состоялъ профессоромъ словесности и нѣмецкаго языка. Онъ преподавалъ Юрію Федоровичу законъ Божій, русскій и греческій языкъ, географію и исторію. Въ университетѣ Юрій Федоровичъ избралъ словесный или, какъ тогда называли, философскій факультетъ и въ 1838 г. вышелъ оттуда кандидатомъ. Съ первыхъ же шаговъ жизни молодой Самаринъ обнаружилъ самостоятельность мысли, которая и проявилась въ мастерской его диссертаціи: «Стефанъ Яворскій и Феофанъ Прокоповичъ», въ сущности состоявшей изъ трехъ частей, но въ печати появившейся только въ одной части.

Въ концѣ 1844 г. Самаринъ поступилъ на службу въ Петербургъ, сначала въ департаментъ министра юстиціи, затѣмъ въ 1 департаментъ сената секретаремъ, и, наконецъ, въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ то время состоявшее подъ управленіемъ Перовскаго. Въ 1846 г. онъ вошелъ въ составъ особой коммисіи, съ Я. В. Ханыковымъ во главѣ, посланной въ Ригу, для ревизіи тамошняго городскаго управленія. Тайны Остзейскаго края впервые выведены на свѣтъ Божій благодаря трудамъ названной коммиссіи.

Самаринъ занялся изученіемъ архивовъ города Риги, и плодомъ этого изученія явилась исторія Риги. (Общественное устройство города Риги, Спб. 1848), большой томъ, на-

печатанный по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, такъ какъ исторія эта составлена по документамъ секретнаго архива рижскаго магистрата. Кромѣ того, Самаринымъ написано цѣлое сочиненіе «Письма изъ Риги», въ которомъ изложены всѣ обстоятельства тогдашняго положенія дѣлъ, движеніе латышей къ православію и отношенія прибалтійскихъ нѣмцевъ къ Россіи. Письма распространились въ рукописи и чуть было не причинили автору серьезныхъ непріятностей, такъ какъ на него пало обвиненіе въ томъ, что онъ разглашалъ тайны, узнанныя на службѣ изъ секретныхъ архивовъ. Благодаря участію покойнаго Императора, Самаринъ отдѣлался десятидневнымъ арестомъ въ крѣпости и переводомъ на службу (1849 г.) въ Симбирскую губернію, гдѣ находилось имѣніе его отца. Два съ половиною мѣсяца спустя, Самаринъ, по распоряженію министерства, былъ назначенъ къ Бибикову, въ Кіевъ, гдѣ онъ засталъ введеніе инвентарей, опредѣлявшихъ отношенія крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ. Бибиковъ оцѣнилъ Самарина по достоинству и сдѣлалъ его правителемъ своей канцеляріи. Судьба какъ будто нарочно бросила Самарина въ такое положеніе, что онъ становился лицомъ къ лицу съ крестьянскимъ вопросомъ и могъ изучить его и отчасти направить въ сторону справедливости.

Въ 1853 г. Самарину было дозволено выйти въ отставку. Онъ занялся управленіемъ имѣнія, жилъ подолгу въ деревнѣ, изучалъ бытъ и хозяйственное положеніе крестьянъ. Необходимость отмѣны крѣпостнаго права все болѣе и болѣе выяснялась предъ нимъ. Онъ принялся изучать процессъ освобожденія крестьянъ при крѣпостной зависимости въ Западной Европѣ вообще, и въ Пруссіи въ особенности. Плодомъ этихъ занятій явилось обширное сочиненіе, оконченное незадолго до крестьянской реформы и появившееся въ журналѣ «Сельское благоустройство».

27-го ноября 1857 г. воспослѣдовало обнародованіе Высочайшихъ рескриптовъ, призывавшихъ дворянство къ составленію проектовъ объ улучшеніи быта крестьянъ. Въ концѣ же слѣдующаго года Юрій Федоровичъ поступаетъ по назначенію правительства, членомъ Самарскаго комитета. Затѣмъ въ 1859 г. онъ получаетъ приглашеніе принять участіе въ трудахъ Редакціонной коммиссіи, открытой въ Петербургѣ.

Предсѣдателемъ коммиссіи былъ, какъ извѣстно, назначенъ Я. И. Ростовцевъ, главный же центръ дѣятельности ея составляли: Н. А. Милютинъ, князь Черкасскій и Самаринъ. Юрію Федоровичу пришлось пережить всѣ перипетіи крестьянскаго вопроса и въ теченіи трехъ лѣтъ, до 1864 г., исполнять званіе члена губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ въ Самарѣ.

Въ 1864 г., во время польскаго возстанія, онъ принялъ дѣятельное участіе, вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ и кн. Черкасскимъ, въ составленіи положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ царствѣ Польскомъ.

Лучшей характеристикой самоотверженной преданности дѣлу Юрія Федоровича можетъ служить свидѣтельство его доктора, г. Виноградскаго, утверждавшаго, что до 1859 г., т. е. до начала его тяжелой, трудолюбивой службы въ Редакціонной коммиссіи, онъ пользовался всегда отличнымъ здоровьемъ и не только не болѣлъ серьезно, но даже не былъ знакомъ и съ легкимъ нездоровьемъ. Страстно любя охоту, будучи отличнымъ стрѣлкомъ, онъ смѣло проводилъ дни подъ дождемъ и вѣтромъ, не платясь за это даже малѣйшей простудой. Но усиленные, безпрерывные труды, которымъ онъ отдавался не щадя себя, наконецъ поколебали и его желѣзный организмъ. Съ 1859 г. силы его навсегда поколебались. Да и немудрено, судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія дошли до насъ о его по истинѣ неутомимомъ рвеніи къ дѣлу. Такъ, напримѣръ, камердинеръ его свидѣтельству-

етъ, что онъ почти постоянно оставлялъ Юрія Федоровича въ 12 часу въ кабинетѣ за рабочимъ столомъ и приходя утромъ часу въ 8 для уборки комнаты, находилъ его съ перомъ въ рукѣ при догорающихъ свѣчахъ, несмотря на яркое солнце, привѣтливо свѣтившее въ окно.

Очень естественно, что подобное напряженіе силъ должно было повлечь за собою роковыя послѣдствія. Дѣйствительно, 6-го августа 1859 г., ночью, онъ такъ почувствовалъ себя дурно, что принужденъ быть позвать къ себѣ на помощь слугу. Призванные врачи, поспѣшившіе принять различныя мѣры: піявки, кровопусканіе, нашли у Юрія Федоровича сильнѣйшій приливъ крови къ мозгу или, какъ принято называть, ударъ. Хотя поданная помощь и возстановила равновѣсіе въ организмѣ, но разъ уже надорванныя силы не могли возстановиться вполнѣ. Приливы стали повторяться. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ перваго удара, случился второй. Поводомъ къ тому послужило извѣстіе о смерти Хомякова. Родные поспѣшили отправить Юрія Федоровича заграницу, откуда онъ вернулся къ концу года, повидимому, съ совершенно возстановившимися силами. Вѣроятнѣе всего предположить, что благодатный организмъ его дѣйствительно пришелъ бы въ прежнее равновѣсіе, еслибъ только Юрій Федоровичъ далъ ему время отдохнуть и оправиться. Но Юрій Федоровичъ былъ не таковъ. Жажда дѣятельности, стремленіе быть полезнымъ родному краю перевѣшивала въ немъ все, даже инстиктъ самосохраненія.

21-го февраля 1861 г., мы застаемъ его уже на пути въ Самару, гдѣ онъ и засѣдаетъ два или три года въ губернскомъ по дѣламъ крестьянъ присутствіи. Въ 1862 г., работаетъ въ Варшавѣ, гдѣ гибельные приливы возобновляются съ новой силой. Въ 1865 г. онъ печатаетъ въ «Днѣ», затѣмъ издаетъ отдѣльной книгой, выдержавшей два изданія, цѣлый рядъ талантливыхъ полемическихъ писемъ объ іезуитахъ Въ декабрѣ 1866 г. онъ съ блескомъ выступа-

етъ въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Въ 1868 г., заграницей, печатаетъ два выпуска «Окраины Россіи», посвященныхъ положенію латышей въ Прибалтійскомъ краѣ, въ соціальномъ, религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ и томъ богословскихъ сочиненій Хомякова съ своимъ предисловіемъ. Въ 1871 г. выходитъ третій выпускъ «Окраинъ», въ 1873—75 гг., четвертый и пятый. (Послѣдній, шестой выпускъ, появился уже послѣ смерти Юрія Федоровича въ 1876 г.). Въ 1875-же году издаетъ онъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ полемическихъ сочиненій въ цѣлой русской литературѣ, свой отвѣтъ генералу Фадѣеву, автору книги: «Чѣмъ намъ быть».

Литературными трудами, однако, не исчерпывалась еще вся дѣятельность Юрія Ѳодоровича. Такъ въ 1870—1871 годахъ онъ, въ качествѣ гласнаго московскаго земства, предсѣдательствуетъ въ коммиссіи, назначенной земствомъ для обсужденія податнаго вопроса и составляетъ подробный, тщательно разработанный проектъ о податной реформѣ, въ смыслѣ уравненія всѣхъ сословій. Проектъ этотъ оказался лучшимъ и побудилъ земства многихъ губерній, по названному вопросу, обращаться за совѣтами къ Юрію Ѳодоровичу и даже сгруппироваться вокругъ него.

Въ концѣ декабря 1875 г. Самаринъ уѣхалъ въ Петербургъ, а въ началѣ 1876 г. въ Берлинъ, куда, главнымъ образомъ, влекло его желаніе какъ можно ближе ознакомиться съ прусской финансовой реформой. Выше мы видѣли уже какое дѣятельное участіе принималъ онъ въ засѣданіяхъ коммиссіи по вопросу о замѣнѣ подушной подати съ крестьянъ безсословными и болѣе раціональными налогами. Очень естественно, что онъ, по своей привычкѣ всецѣло отдаваться разъ намѣченному дѣлу, продолжалъ работать надъ этимъ вопросомъ и тогда, когда официальное движеніе по немъ на время пріостановилось. Въ письмѣ своемъ отъ 21 сентября 1874 г. изъ Берлина къ брату своему, Дми-

трію Ѳедоровичу, онъ, между прочимъ, говоритъ: «хочу написать большую статью о прусскихъ личныхъ налогахъ, прежнихъ и теперешнихъ (поголовномъ, классномъ и подоходномъ). Тутъ найдется много для насъ интереснаго и поучительнаго. Почти всѣ матеріалы научные я собралъ, но очень трудно добывать служебные, оффиціальные, какъ-то циркуляры, резолюціи, судебныя рѣшенія. Къ счастію для меня, отыскался Ф. Бринкенъ, совѣтникъ министерства, ученый и практикъ по этой части, который издалъ особое сочиненіе о личномъ налогѣ и, по моей просьбѣ, очень обязательно вызвался сообщить мнѣ свои рукописные матеріалы. Онъ явится ко мнѣ завтра, а я буду ѣздить къ нему въ Потсдамъ. Кромѣ того, къ 11 октября, назначенъ въ Эйзенахѣ съѣздъ нѣмецкихъ экономистовъ для обсужденія вопроса о новомъ подоходномъ налогѣ для Германской имперіи. Хочу побывать и тамъ, если добуду приглашеніе». На съѣздѣ Юрій Ѳедоровичъ дѣйствительно былъ и съ тѣхъ поръ состоялъ членомъ общества: «Verein für Socialpolitik». Изъ программы засѣданій этого общества на 11 и 12 октября 1874 г. видно, что долженъ былъ обсуждаться вопросъ о личныхъ налогахъ. Докладчикомъ былъ извѣстный экономистъ, профессоръ Нассе. Въ послѣднее свое пребываніе въ Берлинѣ, въ 1876 г. Юрій Ѳедоровичъ продолжалъ свои занятія по изслѣдованію прусской податной реформы и въ бумагахъ его найдено нѣсколько статей, относящихся до названнаго вопроса, между прочимъ начало второй статьи «Финансовыя реформы въ Пруссіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія», вошедшей въ составъ VI тома «Сборника Государственныхъ знаній».

Докторъ Дитерици, по просьбѣ Юрія Ѳедоровича, взялся составить записку о податныхъ реформахъ на основаніи архивныхъ, ненапечатанныхъ документовъ. Онъ, между прочимъ, пожелалъ угостить у себя обѣдомъ Юрія Ѳедоровича, но такъ какъ послѣдній въ это время собирался въ

Парижъ, то обѣдъ былъ отложенъ до его возвращенія. Юрій Ѳедоровичъ вернулся въ Берлинъ 7 марта и тотчасъ извѣстилъ о томъ Дитерици, прося назначить день. Дитерици назначилъ четвергъ. У Юрія Ѳедоровича, между тѣмъ, на правомъ предплечіи образовалась небольшая жировая опухоль. Въ среду утромъ дѣлали ему операцію. Не смотря на это, въ назначенный день онъ явился къ Дитерици. По словамъ послѣдняго, ни онъ самъ, ни гости его ничего не подозрѣвали о болѣзни Самарина, такъ какъ Юрій Ѳедоровичъ былъ веселъ и чрезвычайно привѣтливъ со всѣми. За обѣдомъ, на тостъ хозяина, онъ отвѣтилъ длинной и блестящей рѣчью, въ которой охарактеризовалъ взаимныя отношенія Пруссіи и Россіи, съ одной стороны указавъ на могущественную поддержку Россіи, оказанную Германіи послѣ 1812 г. и въ теченіи послѣдней франко-прусской войны въ особенности, съ другой на пользу, которую принесла Германія Россіи своимъ просвѣщеніемъ и научнымъ богатствомъ, вслѣдствіе чего каждый образованный русскій питаетъ къ Германіи чувство благодарности, на ту пользу, какую принесло изученіе крестьянской реформы въ Пруссіи при разработкѣ вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ въ Россіи, сказалъ что для предстоящаго преобразованія нашей податной системы тоже приходится обратиться къ Пруссіи, упомянулъ о своемъ уваженіи къ Штейну и о значеніи послѣдняго въ эпоху возрожденія Пруссіи. Рѣчь Самарина привела въ восторгъ всѣхъ присутствующихъ.

Послѣ обѣда Юрій Ѳедоровичъ, не смотря на настоянія хозяина, скоро уѣхалъ, ссылаясь на то, что ему нужно заняться приведеніемъ въ порядокъ и укладкой вещей, въ виду скораго отъѣзда въ Россію. Дитерици не рѣшился удерживать его, такъ какъ Юрій Ѳед. казался блѣднымъ и утомленнымъ.

Въ субботу, 14-го марта, Самаринъ принужденъ былъ лечь въ больницу, такъ какъ на больной рукѣ образовалась рожа, затѣмъ гангрена и гнойная горячка. Юрій Ѳедо-

ровичъ умеръ 19 марта 1876 г. на 57 году отъ рожденія. Отпѣваніе по обряду православной церкви совершалось въ Берлинѣ, въ лютеранской капеллѣ. Тѣло прибыло въ Петербургъ 27 марта, въ 12 часовъ дня, и немедленно было перевезено на станцію Николаевской желѣзной дороги, гдѣ въ $1^1/_2$ по полудни, въ одной изъ залъ, совершена панихида при большемъ стеченіи публики, едва умѣщавшейся въ залѣ. Панихиду совершалъ ректоръ Петербургской Духовной Академіи, протоіерей І. Л. Янышевъ, произнесшій глубоко прочувствованное слово. Кромѣ Янышева, по окончаніи панихиды, говорилъ рѣчь священникъ и професоръ Петербургскаго университета М. И. Горчаковъ.

Въ Москву тѣло прибыло въ понедѣльникъ 29 марта. Родственники, друзья покойнаго, почитатели и нѣкоторые изъ гласныхъ московской думы, провожали погребальную колесницу до кладбища Даниловскаго монастыря, гдѣ и покоятся бренные останки Юрія Ѳедоровича. Петербургскій и московскій славянскіе комитеты, равно какъ и московская городская дума почтили память Самарина особыми засѣданіями.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ привести эпизодъ, правда очень мелкій, но который, по нашему мнѣнію, чрезвычайно ярко обрисовываетъ Юрія Ѳедоровича и даетъ ключъ къ правильной оцѣнкѣ его нравственнаго міровоззрѣнія.

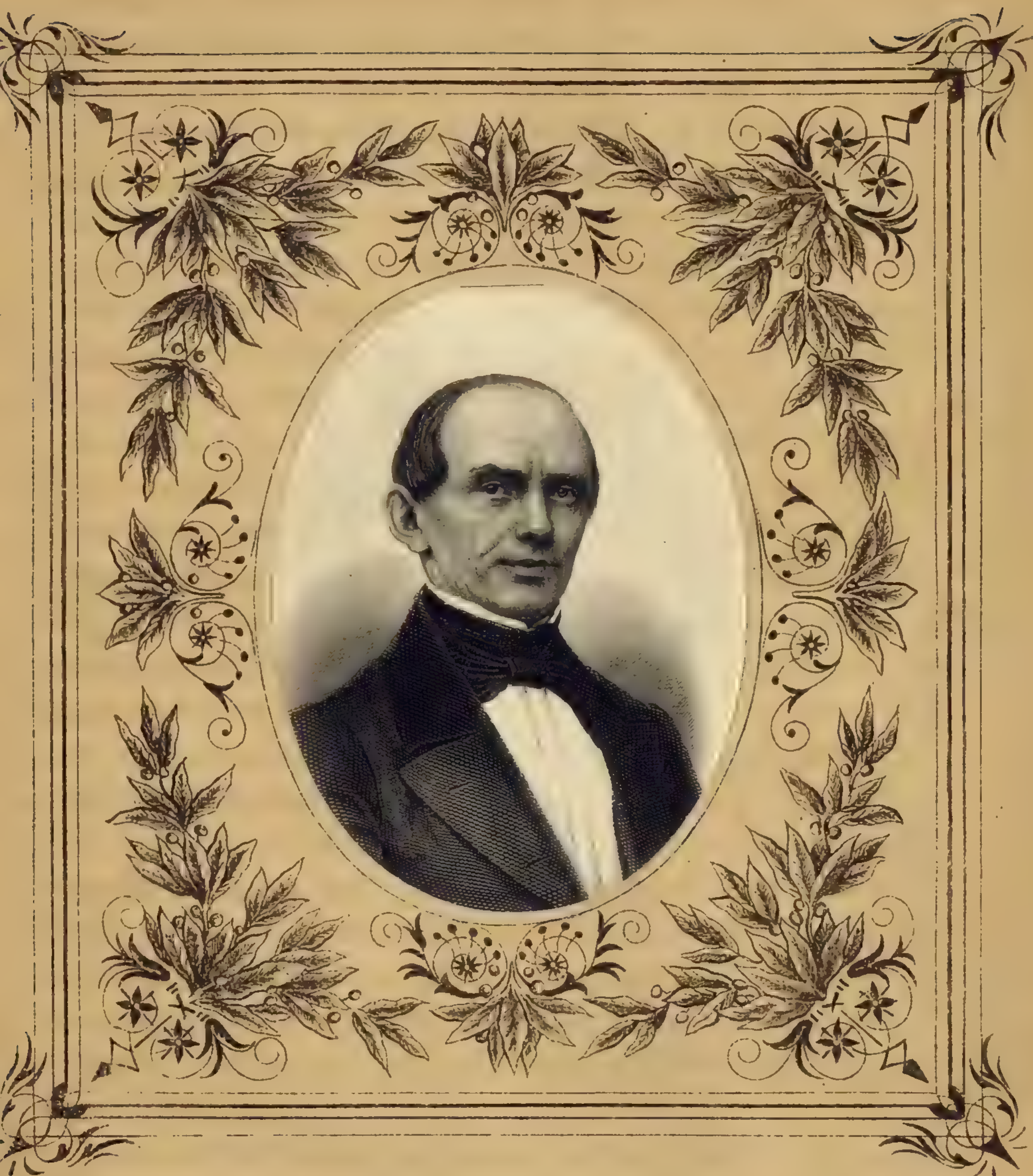
Въ бытность свою въ деревнѣ Самарской губерніи, Юрій Ѳедоровичъ, за болѣзнію законоучителя, самъ ходилъ въ приходскую школу для занятій съ дѣтьми по закону Божію и, кромѣ того, велъ воскресныя бесѣды для взрослыхъ крестьянъ. Послѣдніе, въ видѣ вознагражденія за его труды, преподнесли ему рубль. Юрій Ѳедоровичъ, никогда не бравшій никакой платы, отказывавшійся постоянно отъ казеннаго жалованья, пришелъ отъ этого рубля въ неописанный восторгъ и говорилъ о немъ друзьямъ съ чисто дѣтскою радостью.

X.

Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ.

1816—1860 гг.

Подобно многимъ другимъ геніальнымъ личностямъ, знаменитый нашъ комикъ, Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ, не былъ баловнемъ судьбы, довольно рано познакомился съ печальнымъ житейскимъ опытомъ и всю жизнь не переставалъ бороться съ враждебными обстоятельствами. Родился онъ въ Петербургѣ, 12 іюля 1816 г. Отецъ его былъ управляющимъ у Екатерины Александровны Сухозанетъ. Ни по своему общественному положенію, ни по денежнымъ обстоятельствамъ, онъ не могъ дать сыну того воспитанія, какого бы желалъ. Будущаго великаго артиста, казалось, ждала участь мелкаго чиновника или, много, учителя. Вмѣшательство въ это дѣло г-жи Сухозанетъ спасло для Россіи молодой талантъ и направило его на болѣе свойственное для него поприще. Судьба мальчика, нерѣдко потѣшавшаго ее своими оригинальными выходками, заинтересовала Екатерину Александровну и она довольно дѣятельно начала хлопотать объ опредѣленіи его въ театральное училище. Съ этою цѣлью, между прочимъ, пригласила она къ себѣ на обѣдъ членовъ тогдашняго театральнаго комитета: князя Гагарина, графа Вьельгорскаго, графа Кутайсова и князя Долгорукова. Опредѣленіе въ названное училище за-



висѣло главнымъ образомъ отъ князя Гагарина. Между тѣмъ, случайно, именно онъ-то и не могъ быть на вышеозначенномъ обѣдѣ. Екатерина Александровна, не желая остановиться на полдорогѣ, написала князю письмо, въ которомъ горячо рекомендовала его вниманію своего юнаго протеже; князь принялъ обоихъ Мартыновыхъ чрезвычайно радушно, обѣщалъ свое содѣйствіе и приказалъ имъ явиться къ управляющему императорскими театрами, Остолопову. Остоловъ, въ свою очередь, послалъ ихъ къ члену театральной конторы Гемнигу. Къ послѣднему Мартыновъ-отецъ явился одинъ. Любезность и вниманіе театральнаго начальства, повидимому, увеличивались сообразно высотѣ поста и уменьшались съ его пониженіемъ. Мартыновъ, обласканный княземъ, былъ встрѣченъ Гемнигомъ такъ сухо, такъ рѣзко отозвался невозможностью исполнить желаніе князя, что Мартыновъ поспѣшилъ отретироваться и даже вовсе отказался отъ надежды видѣть сына своего въ училищѣ. Послѣднему онъ велѣлъ снова начать готовиться къ поступленію въ Петро-павловскую школу, куда намѣревался онъ отдать его ранѣе вмѣшательства г-жи Сухозанетъ. Молодой Мартыновъ, сообразно съ этимъ, переселился даже къ своей теткѣ, жившей у Казанскаго моста и отъ которой, слѣдовательно, ему было ближе ходить въ избранную отцомъ школу. Къ счастію, неожиданный случай помогъ ему снова стать на ту дорогу, съ которой чуть было не столкнулъ его неласковый пріемъ Гемнига. Разъ, идя къ отцу, Александръ Евстафьевичъ столкнулся на улицѣ съ княземъ Гагаринымъ. Князь, воображавшій, что молодой Мартыновъ уже давнымъ давно находится въ театральномъ училищѣ, обратился къ нему съ выговоромъ зачѣмъ онъ не въ классахъ. Дѣло разъяснилось. На слѣдующій день, сообразно волѣ князя, оба Мартынова снова находились у него. Часа черезъ два всѣ формальности были покончены и десятилѣт-

ній Мартыновъ очутился наконецъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ театральнаго училища.

Въ началѣ существованія этого училища все вниманіе начальства было концентрировано на балетѣ. Училище имѣло какъ бы спеціальное назначеніе приготовлять танцовщиковъ и танцовщицъ. Драматическій классъ учрежденъ нѣсколько позднѣе, причемъ руководство надъ нимъ поручено извѣстному трагику Дмитревскому, нѣкогда состоявшему въ труппѣ основателя русскаго театра Волкова. Затѣмъ введено преподаваніе пѣнія и инструментальной музыки, а въ 1829 г. окончательно изданъ новый уставъ

Несмотря на существованіе драматическаго и музыкальнаго классовъ, молодому Мартынову, наравнѣ со всѣми прочими воспитанниками пришлось начинать съ хореографическихъ упражненій. Балетмейстеромъ въ то время состоялъ знаменитый, воспѣтый Пушкинымъ Дидло. Въ его классѣ Александръ Евстафьевичъ пробылъ два года и оказалъ такіе успѣхи, что строгій и разборчивый Дидло поставилъ его, наконецъ, въ «первую пору», т. е. открылъ ему дорогу въ первые танцовщики. Весьма вѣроятно, что Мартыновъ такъ бы и остался на этомъ пути, но Дидло умеръ, а преемники его скоро совершенно упустили изъ виду молодого хореографа. Другой талантъ Александра Евстафьевича, между тѣмъ, чуть не увлекъ его на новое, не менѣе чуждое ему, поприще.

Въ описываемое нами время театральною дирекціею былъ приглашенъ извѣстный декораторъ Конопи. Конопи, въ числѣ принятыхъ на себя условій, обязался также обучить своему искуству не менѣе двухъ учениковъ театральнаго училища. Такъ какъ Александръ Евстафьевичъ рисовалъ хорошо и, казалось, подавалъ большія надежды, то его, вмѣстѣ съ воспитанникомъ Горшенковымъ поручили Конопи. Три года провелъ онъ въ изученіи декоративнаго искуства и привелъ учителя своими успѣхами въ такой восторгъ,

что послѣдній сталъ глядѣть на него, какъ на достойнаго себѣ преемника. Очень возможно, что эти уроки послужили Мартынову на пользу, давъ ему впослѣдствіи возможность достичь въ искуствѣ гримировки неподражаемаго совершенства.

Въ 1831 г. Конопи умеръ и Мартыновъ снова остался безъ наставника, въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи. Между тѣмъ ему уже минуло пятнадцать лѣтъ. Нѣкоторые изъ его товарищей разыгрывали разныя пьесы на училищной сценѣ, готовились въ актеры. Мартыновъ отъ всего сердца завидовалъ ихъ участи и, насколько могъ, добивался того-же. Наконецъ усилія его увѣнчались успѣхомъ. Ему стали поручать нѣкоторыя роли, но, какъ новичку, выбирали самыя ничтожныя. Какъ бы то ни было, громадный талантъ Мартынова даже и на столь скудной почвѣ съумѣлъ проявить свою мощь. Съ перваго же раза онъ почувствовалъ себя на сценѣ какъ дома. Ходилъ, дѣйствовалъ совершенно свободно. П. А. Каратыгинъ, состоявшій при училищѣ репетиторомъ, скоро разгадалъ дарованіе Александра Евстафьевича и принялъ его подъ свое покровительство. Мартыновъ всегда съ чувствомъ глубокой признательности вспоминалъ, какъ П. А. Каратыгинъ, оставшись однажды очень доволенъ исполненіемъ роли въ пьесѣ «Хитрость служанки», поцѣловалъ его. «Это была первая награда, меня ободрившая, говорилъ Александръ Евстафьевичъ, и я о ней никогда не забуду». Впослѣдствіи, когда Мартыновъ, будучи еще воспитанникомъ, перешелъ на публичную сцену, П. А. Каратыгинъ продолжалъ ему покровительствовать, остался его постояннымъ защитникомъ и ходатаемъ.

Первымъ дебютомъ своимъ Александръ Евстафьевичъ обязанъ опять таки случаю. Ранѣе ему поручали роли, но дотого ничтожныя, что даже и онъ ничѣмъ не могъ проявить своего таланта. Въ «Дочери волшебнаго міра», напримѣръ, онъ игралъ жокея. Актеръ Воротниковъ, испол-

нявшій роль «Мирошки» въ извѣстномъ въ свое время водевилѣ Григорьева 2 «Филатка и Мирошка, соперники, или четыре жениха и одна невѣста» внезапно заболѣлъ. Роль его передали Мартынову. Такимъ образомъ въ 1832 г. онъ, наконецъ, явился передъ публикой, имѣя возможность развернуть свои настоящія силы и выказать талантъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Дебютъ оказался блистательнымъ. Послѣ того ему были поручены роли въ пьесахъ «Глухой или полный трактиръ» (актеръ Величкинъ) и «Женихъ лунатикъ». Въ «Женихѣ лунатикѣ» Мартыновъ въ первый разъ вызванъ одинъ, а не вмѣстѣ съ другими актерами.

Въ 1836 г. Мартыновъ вышелъ изъ училища. Не смотря на возрастающую къ нему симпатію публики, на расположеніе Гедеонова, еще на училищной сценѣ обратившаго на него вниманіе за исполненіе роли въ водевилѣ «Знакомые незнакомцы» и посовѣтовавшаго не покидать драматическаго искуства, Мартыновъ, въ матерьяльномъ отношеніи стоялъ въ чрезвычайно не выгодныхъ условіяхъ. Жалованье его было самое микроскопическое. Такъ напримѣръ извѣстно, что въ виду стѣсненныхъ своихъ обстоятельствъ, онъ принужденъ былъ жить вмѣстѣ съ товарищемъ. Оба они, поочередно, чистили свои сапоги. Роли, за неимѣніемъ сальной свѣчи, учили при свѣтѣ луны и проч. въ этомъ родѣ. Мартыновъ, впрочемъ, не глядя на все это, ухитрялся еще помогать отцу. Вообще въ этомъ періодѣ времени мы находимъ въ жизни Александра Евстафіевича много такихъ чертъ, которыя явно свидѣтельствуютъ, что онъ былъ столь же благородный и добрый человѣкъ, какъ и великій художникъ.

Кромѣ матерьяльной нужды, Мартынову приходилось бороться и съ другими не менѣе неблагопріятными условіями. По вышеприведеннымъ заглавіямъ пьесъ читатели уже могутъ видить до какой степени неудовлетворителенъ былъ тогдашній репертуаръ. Переводы и передѣлки заиграннихъ

и глупѣйшихъ французскихъ водевилей, нѣсколько комедій князя Шаховскаго, Загоскина—вотъ и все. Менѣе могучій талантъ навѣрно бы заглохъ и опошлился на столь неблагопріятной почвѣ. Но Мартыновъ съ честію вышелъ изъ тяжелаго испытанія. Ко всему вышесказанному о положеніи Мартынова, какъ артиста, надо еще присоединить пагубное вліяніе рутиннаго сценическаго обычая, не позволявшаго актеру выходить изъ тѣснаго предѣла своихъ ролей, своего амплуа, по техническому выраженію, и деспотизмъ публики, требовавшей, чтобъ ея любимецъ появлялся на сценѣ почти каждый день Иногда въ одинъ и тотъ же вечеръ Александръ Евстафьевичъ исполнялъ нѣсколько ролей и въ недѣлю разучивалъ по двѣ и по три новыхъ пьесы, такъ что у него не только не хватало времени на обдумыванье типовъ и характеровъ, но даже и на простое заучиванье. Художническій инстинктъ, вдохновеніе однако всегда выручали его. Разъ, напримѣръ, Александру Евстафьевичу слѣдовало явиться въ роли начальника отдѣленія въ водевилѣ «Приключеніе въ Полюстровѣ». Онъ, между тѣмъ, не успѣлъ даже и поверхностно разучить ее. Какъ быть? Пошептавшись съ суфлеромъ, онъ велѣлъ подать себѣ трубку, одѣлъ вицмундиръ, застегнулъ его до верху, закрутилъ височки и вышелъ. Ходитъ по сценѣ, важно, размѣренно и пускаетъ тоненькія струйки дыма. Суфлеръ тѣмъ временемъ подсказываетъ ему надлежащія реплики, и такъ типиченъ вышелъ солидный чиновникъ, такъ гладко сошла вся роль, что публика пришла въ восхищеніе и новое созданіе своего любимца причла къ самымъ удачнымъ.

Какъ большинство комическихъ актеровъ, Мартыновъ не разъ пытался испробовать свои силы въ трагическихъ роляхъ. Такъ онъ игралъ Гарпагона въ «Скупомъ» Мольера, Михайлу въ драмѣ Потѣхина «Чужое добро въ прокъ не идетъ», Кащея. Во всѣхъ этихъ пьесахъ встрѣчались сцены, когда Мартыновъ потрясалъ зрителей трагизмомъ испо-

ненія. Тѣмъ не менѣе въ общемъ публика оставалась холодна къ этимъ попыткамъ. Она требовала, чтобъ столько уже смѣшившій ее любимецъ продолжалъ смѣшить. До артистическихъ порывовъ его ей не было дѣла. Нѣкоторые, впрочемъ, роптали; извѣстная часть любителей драматическаго искуства и литераторовъ начинали охладѣвать. Мартыновъ повторяется, говорили они, пошлость репертуара подѣйствовала на него гибельно.

Скоро однако толки эти должны были замолкнуть. 30 января 1859 г. поставлена на сцену пьеса Чернышева «Не въ деньгахъ счастье». Роль свою Мартыновъ сыгралъ такъ, что зала задрожала отъ рукоплесканій. Онъ глубоко взволновалъ души зрителей и увлекъ за собой всю публику. Комикъ Мартыновъ заставилъ всѣхъ плакать и содрагаться. Многіе изъ присутствовавшихъ на представленіи литераторовъ и журналистовъ бросились въ уборную Мартынова. И. С. Тургеневъ обнялъ Мартынова и взволнованнымъ голосомъ сказалъ ему: «Что вы со мной сегодня сдѣлали?» Затѣмъ пошли толки о томъ, что слѣдуетъ сблизиться съ Мартыновымъ, дать въ его честь обѣдъ и проч.

Обѣдъ, дѣйствительно, былъ данъ. Дружининъ и Островскій привѣтствовали Александра Евстафьевича рѣчами, Некрасовъ прочелъ стихи. Сверхъ того Мартынову былъ поднесенъ адресъ, покрытый подписями всѣхъ присутствовавшихъ и портфель съ фотографическими портретами почти всѣхъ участвовавшихъ. На портфелѣ находилась надпись: «Александру Евстафьевичу Мартынову отъ почитателей его прекраснаго таланта; 10-го марта 1859 г.» Мартыновъ былъ тронутъ до глубины души. Но отъ смущенія и волненія онъ не нашелся что отвѣчать на обращенныя къ нему рѣчи и едва смогъ пробормотать нѣсколько несвязныхъ словъ. Нѣкоторые изъ г–дъ литераторовъ обидѣлись этимъ и обвинили Александра Евстафьевича, что онъ заранѣе не приготовилъ приличнаго отвѣта. А между тѣмъ

возвратясь съ обѣда домой и отдавъ женѣ рѣчи, стихи и альбомъ, Мартыновъ бросился на диванъ и зарыдалъ.

Примѣромъ тому, какъ относился Мартыновъ къ своему искуству, можетъ служить слѣдующій случай. Разъ какъ-то, тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ «Горькой судьбины» Писемскаго, друзья, въ кругу которыхъ онъ находился, пристали къ нему съ просьбой прочесть эту драму. Александръ Евстафьевичъ отвѣчалъ, что онъ ознакомиться съ нею хорошенько не успѣлъ, а такъ, зря, читать не станетъ Затѣмъ, однако, взялъ въ руки книгу и прочелъ послѣднія строки, гдѣ скованный Ананій прощается съ окружающимъ его міромъ. Строки эти такъ подѣйствовали на Мартынова, что онъ заплакалъ. Человѣкъ, такъ горячо сочувствующій искуству, долженъ неминуемо оказывать сильное вліяніе на своихъ слушателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, надо полагать, силою своего артистическаго увлеченія, долженъ также подрывать и свои физическія силы.

Выше мы говорили о тѣхъ неблагопріятныхъ, матеріальныхъ условіяхъ, при которыхъ Мартынову пришлось начинать свою сценическую карьеру. Позднѣе источники его доходовъ нѣсколько увеличились. Такъ, онъ сталъ получать 1,400 руб. жалованья, 4 рубля поспектальной платы и полубенефисъ. Но скоро и эти средства оказались недостаточными. Вообразивъ себя на первыхъ порахъ богачемъ, Мартыновъ женился. Семья скоро увеличилась, дороговизна же петербургской жизни возрасла. Явились снова заботы. Отнюдь неискательный, Мартыновъ перебивался кой-какъ и молчалъ. Въ 1859 г., наконецъ, къ содержанію Самойлова сдѣлана была значительная прибавка. Обстоятельство это побудило и Александра Евстафьевича обратиться къ Гедеонову съ просьбой объ улучшеніи его участи. Гедеоновъ увеличилъ жалованье Мартынова до 1,660 рублей, поспектальную плату—до 35 руб., а полубенефисъ обратилъ

въ бенефисъ. Однако заботы, упорный и добросовѣстный трудъ успѣли уже подорвать силы великаго артиста.

Чахотка, развивавшаяся дотолѣ незамѣтно, обнаружилась лѣтомъ 1857 г. въ Павловскѣ, съ такой силой, что жизнь Мартынова была въ опасности. Однако онъ кое-какъ поправился. Лѣто 1858 г. онъ провелъ заграницей, частью въ Италіи, частью на эмскихъ водахъ. Ему стало лучше. Весной слѣдующаго года онъ снова уѣхалъ. Свидѣтельствовавшіе его извѣстнѣйшіе германскіе врачи сказали ему, что хотя легкія его разстроены, но что ему не грозитъ неминуемая опасность, «если онъ будетъ вести жизнь нормальную и спокойную». Предписаніе это равнялось приказанію оставить сцену. Но для Мартынова жизнь вдали отъ нея равнялась смерти. Потому онъ докторовъ не послушалъ. Въ теченіи 1859 г., онъ чувствовалъ себя прекрасно, много игралъ и въ самыхъ трудныхъ роляхъ своихъ.

Весною 1860 г. Мартыновъ предпринялъ артистическое путешествіе во внутрь Россіи. Прежде всего онъ остановился въ Москвѣ, гдѣ игра его произвела сильный энтузіазмъ. Тамъ имъ внезапно овладѣло страстное, болѣзненное желаніе повидаться съ семьей; воспользовавшись трехдневнымъ антрактомъ между представленіями, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, пробылъ день среди своихъ и вернулся въ Москву къ самому спектаклю.

Изъ Москвы Мартыновъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ драматургомъ Островскимъ, который былъ съ нимъ въ самой тѣсной дружбѣ и заботился о немъ въ дорогѣ, какъ о родномъ братѣ, отправился на югъ, игралъ въ Воронежѣ и Одессѣ, но силы его начали замѣтно слабѣть. Въ Ялтѣ онъ лечился кумысомъ, но послѣдній скоро ему опротивѣлъ. Изъ Крыма онъ направился прежней дорогой. Не доѣзжая Харькова, онъ почувствовалъ себя такъ дурно, что сказалъ своему слугѣ, Степану: «я умру въ Харьковѣ». Отъѣздъ изъ послѣдняго города былъ назначенъ 14-го августа. Въ этотъ

день, однако, Мартыновъ былъ уже такъ слабъ, что не могъ перейти отъ кровати до дивана, на которомъ онъ обыкновенно лежалъ днемъ. 16-го числа созванъ былъ консиліумъ, но искуство врачей оказывалось безсильно: у Мартынова уже не было легкихъ. Въ пять часовъ онъ принялъ еще лекарство, въ шесть же не принималъ болѣе. Когда его спросили не зажечь ли огонь, онъ проговорилъ «зажгите». Это были его послѣднія слова. Часовъ въ семь больной, какъ-то странно обвелъ глазами комнату. Степанъ, думая, что онъ ищетъ его, всталъ передъ нимъ. Но глаза умирающаго уже ничего не видѣли. Дыханіе его становилось все тише, наконецъ черезъ полчаса его не стало.

Мартыновъ умеръ въ пятницу, 16-го августа 1860 г. въ половинѣ восьмаго, пополудни, на 45 г. отъ рожденія.

4 го сентября тѣло Мартынова перевезено въ Москву. Артисты тамошняго театра встрѣтили прахъ своего великаго собрата за заставой. Въ Петербургъ тѣло привезено 11-го сентября, 13-го совершена заупокойная литургія въ Знаменской церкви. По выносѣ тѣла, народъ выпрягъ изъ погребальной колесницы лошадей и везъ гробъ на себѣ до Смоленскаго кладбища. Поровнявшись съ Александринскимъ театромъ, колесница была обвезена вокругъ зданія. На могилѣ, товарищъ покойнаго, П. И. Григорьевъ прочелъ глубоко прочувствованное стихотвореніе.

Лучшей характеристикой того вліянія, какое производилъ Мартыновъ на зрителей, можетъ служить случай съ Лаблашемъ. Смотря на игру Мартынова, послѣдній хохоталъ отъ души. «Да развѣ вы понимаете по русски, что такъ смѣетесь»? спросили его.—Нѣтъ, по русски я не понимаю, отвѣчалъ пѣвецъ,—но я понимаю Мартынова.

XI.

Александръ Андреевичъ Ивановъ.

1806—1858 гг.

Александръ Андреевичъ Ивановъ былъ сынъ профессора исторической живописи, Андрея Ивановича (1777—1848 гг.) и родился въ Петербургѣ 16-го іюля 1806 г. Артистическія способности развились въ немъ чрезвычайно рано. Такъ, напримѣръ, на 12 году отъ роду онъ уже посѣщалъ гипсовый классъ академіи, а 18-ти лѣтъ, вмѣстѣ съ А. А. Нотбекомъ и А. Т. Марковымъ, старшими его на нѣсколько лѣтъ, принималъ участіе въ конкурсѣ по программѣ «Пріамъ проситъ у Ахиллеса тѣло Гектора», причемъ пальма первенства была отдана критикой Иванову, какъ оказавшему больше самостоятельности и выказавшему больше техническихъ знаній. Въ 1827 г. Ивановъ былъ удостоенъ 1-ой золотой медали за выполненіе программы «Іосифъ въ темницѣ». Этотъ трудъ молодаго художника уже отличался характеристическими особенностями его таланта. Лица фигуръ поражаютъ своей экспрессивностью, характеръ каждаго выраженъ ярко и тонко. Кромѣ программы, Ивановымъ въ томъ же году выставленъ картонъ карандашемъ съ извѣстной группы «Лаоконъ», удостоившійся полнаго одобренія профессоровъ.

Александръ Ивановъ.

Нѣсколько ранѣе, а именно ко дню коронаціи императора Николая Павловича, молодымъ художникомъ былъ выполненъ аллегорическій рисунокъ «Благоденствіе Россіи» и поднесенъ Его Величеству. Императоръ, какъ извѣстно, любившій поощрять таланты, но, въ тоже время, вѣрный цѣнитель искуства, остался недоволенъ композиціей и приказалъ рисунокъ возвратить съ замѣчаніемъ: «въ исторіи нашей есть довольно предметовъ для живописца; полезнѣе было бы молодому Иванову заниматься ими». Послѣ этой первой неудачной попытки, Ивановъ къ аллегорическимъ картинамъ болѣе не возвращался.

Получивъ 1-ю золотую медаль, Александръ Андреевичъ сталъ мечтать о поѣздкѣ въ Италію. Средства для осуществленія этого плана были ему даны обществомъ поощренія художниковъ, основанномъ въ 1820 г. Нѣкоторыя постороннія обстоятельства, однако, замедлили его отъѣздъ на цѣлыхъ три года. Молодой Ивановъ, живя у отца въ академіи и беря уроки музыки у извѣстнаго въ свое время музыкальнаго учителя Гюльпена, влюбился въ его дочь. Увлеченіе было такъ сильно, что юноша рѣшался даже разстаться съ мечтами о славѣ и отказаться отъ поѣздки въ Италію. Такой именно романъ розыгрался нѣкогда въ жизни его отца. Другъ Иванова, пейзажистъ Рабусъ, однако, успѣлъ отговорить его отъ подобнаго нравственнаго самоубійства и съумѣлъ разбудить въ немъ дремавшую страсть къ искуству. Весной 1829 г. Ивановъ сильно заболѣлъ, вѣроятно вслѣдствіе душевныхъ волненій и борьбы съ самимъ собою, оправившись же, съ новымъ жаромъ принялся за работу. Въ это время по заказу общества поощренія художниковъ, исполненъ имъ громадный картонъ античнаго «бойца, играющаго въ мячъ» и «Беллерофонтъ, отправляющійся въ походъ противъ Химеры». Первый картонъ вышелъ чрезвычайно удаченъ, композиція же Беллерофонта не удовлетворила общество и послѣднее сдѣлало даже моло-

дому своему пансіонеру рѣзкій выговоръ за «неслушанье совѣтовъ» и грозило лишить его своего покровительства. Обстоятельство это Ивановъ приписывалъ неудовольствію общества на К. И. Брюллова, которому оно дало возможность пробыть первыя восемь лѣтъ въ Италіи, и который затѣмъ порвалъ съ нимъ всякую связь. Какъ бы то ни было, непріятность эта снова уложила плохо оправившагося Иванова въ постель. Тѣлесная немощь, впрочемъ, не прерывала его занятій, и онъ, больной, писалъ иконостасъ, читалъ Зульцера и бралъ уроки французскаго языка. Для общества покровительства художниковъ выполненъ имъ третій картонъ съ Венеры Медичійской. Лѣтомъ, 1830 г., когда Александръ Андреевичъ былъ уже на пути въ Римъ, «Венера» и «Боецъ» появились на выставкѣ въ академіи. Посвятивъ первые мѣсяцы на подробный осмотръ всѣхъ сокровищъ вѣчнаго города, Ивановъ принялся за тѣмъ по заказу общества за копію съ картона Микель-Анджело «Сотвореніе человѣка», находящагося въ Сикстинской капеллѣ. Въ 1833 г. копія была окончена, прислана въ Россію и выставлена въ залахъ академіи художествъ.

Идея картины «Явленіе Христа народу» зародилась уже давно въ головѣ художника. Но первыя попытки воплощенія ея относятся именно къ этому времени. Работалъ надъ ею Ивановъ не спѣша, всѣ свои силы, всю свою душу влагая въ дѣло. Онъ начиналъ одинъ эскизъ за другимъ, бросалъ ихъ подъ впечатлѣніемъ замѣчаній Торвальдсена, Корнеліуса, Овербека и Камуччини, изучалъ образцы великихъ мастеровъ, набрасывалъ отдѣльные этюды съ натуры; жилъ отшельникомъ; размышлялъ, доискивался простоты, художественной правды. Параллельно трудился онъ надъ другимъ своимъ произведеніемъ, составляющимъ какъ бы переходную ступень отъ первыхъ его работъ къ Мессіи. «Явленіе Спасителя Магдалинѣ», равно какъ и надъ не большой картиной «Аполлонъ среди любимцевъ своихъ,

Гіацинта и Кипариса». Между тѣмъ четырехлѣтній срокъ, на который была положена обществомъ пенсія, близился къ концу. Опасаясь, что недостатокъ матеріальныхъ средствъ заставитъ его отказаться отъ задуманнаго произведенія, Ивановъ, въ отчаяніи, рѣшился умолять общество продолжить пенсію, обѣщая окончаніемъ «Явленіе Спасителя Магдалинѣ». Въ ожиданіи отвѣта, окончивъ эскизъ «Аполлона», Ивановъ счелъ нужнымъ ближе ознакомиться съ твореніями великихъ колористовъ сѣверной Италіи и съ этою цѣлью объѣхалъ Флоренцію, Болонью, Парму, Миланъ и Венецію. Къ счастію, общество не отвергло просьбы Иванова и по возвращеніи своемъ въ Римъ художникъ нашелъ тамъ согласіе на продолженіе пенсіи. Съ новыми силами, подъ живымъ впечатлѣніемъ высокихъ образцовъ, принялся за свою картину «Явленіе Спасителя Магдалинѣ» и чрезъ короткое время окончилъ ее. Картина была поспѣшно отправлена въ Петербургъ и въ 1836 г. появилась на академической выставкѣ. Успѣхъ Иванова оказался громадный. Академія поспѣшила признать его своимъ членомъ, общество-же рѣшило продолжить срокъ пенсіи еще на два года. Радостныя извѣстія эти подоспѣли какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ Ивановъ снова лежалъ на одрѣ болѣзни. Ободренный, обрадованный художникъ снова принялся за кисть и, стремясь, какъ можно ближе ознакомиться съ твореніями древнихъ мастеровъ, Джотто, Гирландайо, Фіэзоле и Синьорелли, предпринялъ поѣздку въ Ассизи и Орвіэто. Здѣсь набросанъ имъ мастерской этюдъ группы деревьевъ, украшающихъ лѣвый планъ картины.

Работая съ жаромъ надъ своимъ любимымъ произведеніемъ, Ивановъ убѣдился что небольшихъ средствъ, отпускаемыхъ ему обществомъ, не хватаетъ для найма необходимаго количества натурщиковъ Желая помочь бѣдѣ, онъ обратился въ общество съ предложеніемъ выполнить по заказу копію съ фрески Рафаэля: «Умѣренность, Сила и

Благоразуміе». Общество, однако, отвѣчало, что болѣе 3,000 р. ассигнаціями оно за копію предложить не можетъ. Тогда Ивановъ предпочелъ лучше прямо объяснить обществу свои затрудненія и просить его поддержки. Съ этою цѣлью послано имъ, 20-го апрѣля 1838 г., письмо съ приложеніемъ эскиза картины. Общество вмѣсто экстренной поддержки отвѣчало Иванову разрѣшеніемъ пенсіи още на одинъ и *послѣдній* годъ.

Такъ какъ обстоятельство это совпало съ пріѣздомъ въ Римъ Наслѣдника Цесаревича (нынѣ благополучно царствующаго Императора), то Ивановъ увѣдомилъ общество, что «онъ рѣшился отдать картину Государю за трехлѣтнее пенсіонерское содержаніе». Высочайшая поддержка дѣйствительно была оказана художнику, но и по прошествіи трехъ назначенныхъ лѣтъ трудъ его все-таки не былъ доведенъ до конца.

Лѣтомъ 1842 г. Ивановъ заболѣлъ глазами. Болѣзнь эта была причиной тому, что онъ, наконецъ согласился открыть двери своей мастерской для публики. Картина, хотя еще не оконченная, произвела сильное впечатлѣніе и вѣсть о ней быстро разнеслась по Европѣ. Болѣзнь Иванова продолжалась не долго. Къ несчастью. только она не прошла безслѣдно и впослѣдствіи Иванову не разъ приходилось на цѣлые мѣсяцы отрываться отъ работы, благодаря повторявшимся припадкамъ ослабленія зрѣнія.

Въ тяжкое для Иванова время его единственной нравственной поддержкой является Гоголь, познакомившійся съ нимъ еще въ 1838 г. О томъ впечатлѣніи, какое произвело на послѣдняго «Явленіе Христа народу» хорошо извѣстно изъ «Переписки съ друзьями». Восторженныя похвалы знаменитаго писателя, въ одно и то же время, поднимали духъ впадшаго въ отчаяніе художника, и приготовляли ему въ будущемъ новыя разочарованія. Подзадоренная ими публика

ждала чудесъ и встрѣтила, вмѣсто того, произведеніе, лишенное рѣшительно всякихъ эффектовъ, всякихъ погремушекъ, правдивое и строгое какъ сама природа.

Нуждаясь въ матерьяльной поддержкѣ, Ивановъ не разъ пытался взять на себя выполненіе тѣхъ или другихъ заказовъ, но дѣло это какъ-то не клеилось. Въ 1843 г. правительство наше вызывало русскихъ художниковъ изъ Рима для работъ въ Исаакіевскомъ соборѣ. Ивановъ, однако, не пожелалъ покинуть Италіи и оторваться отъ своего произведенія. Въ томъ же году, онъ соглашался, по заказу Тона, написать запрестольный образъ для храма Спасителя въ Москвѣ; но переговоры относительно этого продмета кончились ничѣмъ.

Матерьяльное благосостояніе художника измѣнилось къ лучшему, благодаря предстательству Жуковскаго, выхлопотавшаго Иванову отъ правительства четырехлѣтнюю пенсію, которая дала ему средства продолжать свои труды и изученія. До какой степени отдавался Ивановъ своей картинѣ, какъ тщательно подготовлялъ матерьялъ, можно судить по тѣмъ фактамъ, которые дошли до насъ. Такъ, напримѣръ, онъ цѣлые дни проводилъ въ Понтійскихъ болотахъ, изучая характеръ пустынной, меланхолической мѣстности. На улицахъ пристально вглядывался въ лица прохожихъ, стараясь уловить оттѣнки душевныхъ движеній. Въ церквахъ, подолгу слѣдилъ за «молитвой человѣка». Но чѣмъ выше стоялъ идеалъ художника, тѣмъ строже относился онъ къ выполненію, тѣмъ яснѣе сознавалъ свое безсиліе предъ начертанной задачей. Нерѣдко казалось ему, что кисть его слишкомъ слаба, слишко блѣдна и отчаяніе, глубокое отчаяніе, знакомое только геніальнымъ личностямъ, охватывало его душу.

Въ 1845 г. въ Римъ пріѣхалъ К. А. Тонъ, строитель храма Спасителя въ Москвѣ. Художники пожелали почтить его обѣдомъ. На обѣдѣ Тонъ предложилъ Иванову напи-

сать Евангелистовъ для храма. Такъ какъ ранѣе Александръ Андреевичъ разсчитывалъ исполнить запрестольный образъ, т. е. гораздо болѣе важную работу, то предложеніе это оскорбило его. Онъ отвѣчалъ отказомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ огорченія, онъ захворалъ. Присылка денегъ изъ Петербурга, однако, ободрила его. Онъ снова началъ работать, но не надолго. Въ 1848 г. онъ опять занемогъ, а когда оправился, послѣдовала осада Рима и ему пришлось надолго отказаться отъ работы.

Въ 1858 г. «Явленіе Христа народу» было окончено. Послѣ двадцати-восьми-лѣтняго пребыванія на чужбинѣ, Ивановъ возвращался въ Петербургъ. Въ маѣ онъ имѣлъ уже счастіе представить свое произведеніе Государю. Милостивое вниманіе Монарха породило въ художникѣ самыя радужныя мечты. Онъ надѣялся, что трудъ его будетъ оцѣненъ по достоинству какъ собратіями по искуству, такъ и публикою. Но надеждамъ его не суждено было осуществиться. Профессора академіи (нынѣ уже сошедшіе со сцены) отнеслись къ картинѣ Иванова съ недовѣріемъ и неодобреніемъ. Ихъ она не удовлетворяла. Напротивъ, она стояла въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣми понятіями, какія выработала долговременная, излюбленная ими рутина. Въ Римѣ одинъ англичанинъ предлагалъ Иванову за его картину цѣлое состояніе. Академія не сочла возможнымъ заплатить за нее даже нѣсколько тысячъ. Разочарованный, лишенный всякой энергіи, Ивановъ страдалъ глубоко. Счастье, однако, снова улыбнулось ему. Ея высочество, великая княгиня Марія Николаевна, президентъ академіи, изволила обратить свое милостивое вниманіе на художника. Благодаря ея высокому вмѣшательству, на трудъ Иванова иначе взглянули и члены академіи. Геніальнаго труженика признали профессоромъ исторической живописи, но только, къ несчастью, признаніе это явилось слишкомъ поздно. На похоронахъ Монферрана, строителя Исаакіевскаго собора, Ивановъ простудил-

ся, почувствовалъ первые приступы холеры и 3-го іюля 1858 г. его не стало.

Прахъ знаменитаго художника, проложившаго новый путь отечественному искуству, родоначальника новой реальной школы, покоится на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. Произведеніе же его, купленное Государемъ Императормъ, пожертвовано Его Величествомъ Московскому музеуму.

XII.

Дмитрій Степановичъ Бортнянскій.

1751—1825 гг.

Бортнянскій былъ не только самымъ замѣчательнымъ русскимъ духовнымъ композиторомъ, но и преобразователемъ церковнаго пѣнія. Въ качествѣ послѣдняго, онъ можетъ по-истинѣ быть названъ русскимъ Палестрино какъ подобно знаменитому автору Stabat Mater, введшему, такъ въ XVI вѣкѣ, въ католическую духовную музыку простоту и правильность, взамѣнъ царившей до него вычурности, Дмитрій Степановичъ избавилъ наше богослужебное пѣніе отъ вычурнаго направленія, приданнаго ему оперными композиторами: Арайя, Керцелли, Галуппи и Сарти. Онъ далъ намъ пѣніе простое, но тѣмъ не менѣе полное величія, красоты, увлекающее къ молитвѣ и трогающее до слезъ.

Бортнянскій родился въ 1751 г. въ городѣ Глуховѣ, Черниговской губерніи. Благодаря своему замѣчательному дисканту, онъ былъ выбранъ съ семилѣтняго возраста въ придворный хоръ пѣвчимъ и здѣсь вскорѣ замѣченъ Императрицей Елизаветой Петровной, поручившей придворному капельмейстеру Галуппи заняться музыкальнымъ образованіемъ маленькаго пѣвца. Но Галуппи чрезъ непродолжительное время оставилъ Россію и вернулся на родину, въ Венецію, вслѣдствіе чего образованіе Бортнянскаго прервалось до воцаренія Екатерины II. Великая Императрица, заботившаяся о талантливыхъ личностяхъ всѣхъ поприщъ, не

Бортнянскій

оставила безъ своего покровительства Дмитрія Степановичаи послала его, въ 1768 г., въ Венецію, гдѣ онъ продолжалъ занятія музыкою, подъ руководствомъ того-же Галуппи. Всего въ Италіи Бортнянскій пробылъ 11-ть лѣтъ, постоянно занимаясь изученіемъ музыкальнаго искусства въ Венеціи, Римѣ и Неаполѣ, и наконецъ возвратился, въ 1779 г., обратно на родину. Императрица встрѣтила его очень ласково и назначила композиторомъ придворнаго пѣвческаго хора; по смерти же директора хора, Полторацкаго, въ 1795 г., Дмитрій Степановичъ занялъ его мѣсто. Онъ управлялъ пѣвчими и во время царствованія Императора Павла; Императоръ-же Александръ I, переименовавъ его въ директоры вокальной музыки, пожаловалъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и почетнымъ членомъ С.-Петербургской Академіи Художествъ. Въ этихъ званіяхъ Бортнянскій и умеръ, 28-го сентября 1825 г., на 75-мъ году отъ рожденія. Смерть его была прекрасна. Почувствовавъ приближеніе ея, онъ позвалъ къ себѣ хоръ пѣвчихъ и велѣлъ пѣть свой концертъ: «*Вскую прискорбна еси*». Когда регентъ хотѣлъ дирижировать, Дмитрій Степановичъ остановилъ его, сказавъ: «Пускай поютъ сами». Пѣвчіе запѣли. — «Тише, тише; подите въ другую комнату!» проговорилъ больной. Его желаніе исполнили, пѣніе возобновилось, и когда замолкли послѣдніе звуки голосовъ, Бортнянскаго уже не было въ живыхъ.

Изъ простыхъ элементовъ русскаго стариннаго пѣнія на одинъ голосъ, при помощи приложенія къ дѣлу началъ гармоніи Палестрино, Дмитрій Степановичъ создалъ свой особый стиль церковнаго пѣнія. Въ основаніе своего творчества онъ положилъ, подобно знаменитому италіанскому маэстро, элементарное употребленіе аккорда. По словамъ одного авторитетнаго цѣнителя, «музыка его древняя: въ ней вы чувствуете постоянно дѣтище нашего древняго церковнаго пѣнія; это музыка восточная, это типъ. Въ ней отражается духъ системы Іоанна Дамаскина и характеръ греческаго чтенія, прозы нараспѣвъ, безъ соблюденія числа просодическихъ словъ... Сочетать это отсутствіе просодіи съ музыкальнымъ ритмомъ — было дѣломъ генія». Исклю-

ченіе изъ сказаннаго составляютъ только фуги нѣкоторыхъ аллегро въ духовныхъ концертахъ, которыя замѣчательны въ свою очередь по выразительности, приданной имъ авторомъ, несмотря на обстрактность фугированнаго стиля. Въ музыкѣ Бортнянскаго далѣе замѣчательно полное соотвѣтствіе ея съ текстомъ, до того совершенное, что даже не слыша словъ, мы понимаемъ какъ бы смыслъ пѣнія. Впрочемъ, едва-ли нужно много распространяться о достоинствѣ твореній Дмитрія Степановича — кто не восхищался общеизвѣстными священными композиціями его, какъ напр. «Да исправится», «Вѣрую» и др. Прибавимъ только, что онъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ побѣдилъ трудныя требованія священнопѣній нашей церкви, а именно отсутствіе оркестра, выполненіе высшихъ голосовъ малолѣтними пѣвчими, неимѣющими понятія о выразительности и пр.

Компонировалъ Бортнянскій очень быстро и оставилъ, послѣ себя значительное количество музыкальныхъ произведеній. По счету А. Ѳ. Львова, всего имъ было написано 35 четырехголосныхъ концертовъ, 10 двухоровыхъ, трехголосная литургія, многіе причастны и другія священныя пѣсни, далѣе нѣсколько гимновъ, кантатъ и много хоровъ на разные торжественные случаи. О быстротѣ сочиненія имъ пьесъ свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ. Однажды Императоръ Павелъ позвалъ къ себѣ Дмитрія Степановича и приказалъ ему приготовить къ назначенному на другой день какому-то торжеству концертъ на стихъ „*Господи, силою твоею возвеселится царь*“. Концертъ былъ сочиненъ къ назначенному времени, несмотря на то, что состоялъ изъ двадцати страницъ нотъ, и исполненъ пѣвчими за обѣдней. Первое аллегро его—прекрасная фуга, была написана Бортнянскимъ въ каретѣ, при возвращеніи изъ дворца.

Безъ сомнѣнія имя Д. С. Бортнянскаго занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи нашего музыкальнаго искуства и остается навсегда незабвеннымъ.

Дозволено цензурою. Спб. 17 августа 1879 года.

НАШИ ДѢЯТЕЛИ.

Галлерея замѣчательныхъ людей Россіи

ВЪ

ПОРТРЕТАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ.

Томъ I.

1. **Макарій**, архіепископъ Литовскій и Виленскій.
2. Князь Александръ Михайловичъ **Горчаковъ**.
3. Константинъ Петровичъ **Кауфманъ**.
4. Андрей Александровичъ **Поповъ**.
5. Сергѣй Михайловичъ **Соловьевъ**.
6. Иванъ Михайловичъ **Сѣченовъ**.
7. Иванъ Сергѣевичъ **Тургеневъ**
8. Аполлонъ Николаевичъ **Майковъ**.
9. Иванъ Константиновичъ **Айвазовскій**.
10. Антонъ Григорьевичъ **Рубинштейнъ**.
11. Александръ Николаевичъ **Островскій**.
12. Василій Васильевичъ **Самойловъ**.

Томъ II.

1. **Филаретъ** (Дроздовъ), митрополитъ Московскій и Коломенскій.
2. Генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій, Иванъ Ѳедоровичъ **Паскевичъ-Эриванскій**.
3. Адмиралъ Михаилъ Петровичъ **Лазаревъ**.
4. Князь Михаилъ Семеновичъ **Воронцовъ**.
5. Графъ Михаилъ Михайловичъ **Сперанскій**.
6. Академикъ Михаилъ Васильевичъ **Остроградскій**.
7. Александръ Сергѣевичъ **Пушкинъ**.
8. Николай Васильевичъ **Гоголь**.
9. Михаилъ Ивановичъ **Глинка**.
10. Василій Андреевичъ **Каратыгинъ**.
11. Карлъ Павловичъ **Брюлловъ**.
12. Николай Степановичъ **Пименовъ**.

Томъ III.

1. **Иннокентій**, митрополитъ Московскій.
2. Военный министръ Дмитрій Алексѣевичъ **Милютинъ**.
3. Графъ Николай Павловичъ **Игнатьевъ**.
4. Николай Алексѣевичъ **Некрасовъ**.
5. Президентъ академіи наукъ, графъ Ѳедоръ Петровичъ **Литке**.
6. Графъ Эдуардъ Ивановичъ **Тотлебенъ**.
7. Ѳедоръ Михайловичъ **Достоевскій**.
8. Николай Ивановичъ **Пироговъ**.
9. Осипъ Афанасьевичъ **Петровъ**.
10. Николай Ивановичъ **Костомаровъ**.
11. Ѳедоръ Ѳедоровичъ **Брандтъ**
12. Василій Васильевичъ **Верещагинъ**.

Томъ IV.

1. **Исидоръ**, митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій.
2. Ѳедоръ Ѳедоровичъ **Радецкій**.
3. Графъ Петръ Андреевичъ **Шуваловъ**.
4. Михаилъ Дмитріевичъ **Скобелевъ 2-й**.
5. Академикъ Яковъ Карловичъ **Гротъ**.
6. Профессоръ Венцеславъ Леопольдовичъ **Груберъ**.
7. Иванъ Алексѣевичъ **Гончаровъ**.
8. Яковъ Петровичъ **Полонскій**.
9. Баронъ Николай Александровичъ **Корфъ**.
10. Матвѣй Афанасьевичъ **Чижовъ**.
11. Константинъ Егоровичъ **Маковскій**.
12. Николай Григорьевичъ **Рубинштейнъ**.

Каждый томъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Въ роскошн. переплет. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Адресовать: Алексѣю Осиповичу Бауману,

Исаакіевская Площадь, № 6, въ Петербургѣ.